

interaction

интеракция

interview

интервью

interpretation

интерпретация

INTER

4' 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

Редакция

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru

ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Редакционная коллегия

АБРАМОВ Роман Николаевич — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rabramov@hse.ru

БРЕКНЕР Розвита — доктор философии, доцент, Университет Вены (Вена, Австрия), roswitha.breckner@univie.ac.at

ВАНЬКЕ Александрина Владимировна — кандидат социологических наук, доктор философии, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), vanke@inbox.ru

ДЭВИС Кэти — доктор философии, профессор, Амстердамский свободный университет (Амстердам, Нидерланды), k.e.davis@vu.nl

ИНОВЛОКИ Лена — доктор философии, профессор, Франкфуртский университет прикладных наук (Франкфурт-на-Майне, Германия), linowlocki@fb4.fra-uas.de

КОЗИНА Ирина Марковна — кандидат социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), ikozina@hse.ru

КОСЕЛА Кшиштоф — доктор социологических наук, профессор, Варшавский университет (Варшава, Польша), k.kosela@is.uw.edu.pl

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге (Санкт-Петербург, Россия), omelchenko@mail.ru

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ Елена Юрьевна — доктор социологических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), rigasvaverite@gmail.com

СЕМЕНОВА Виктория Владимировна — доктор социологических наук, профессор, Государственный академический университет гуманитарных наук; главный научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), victoria-sem@yandex.ru

- СТРЕЛЬНИКОВА Анна Владимировна** — кандидат социологических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), astrelnikova@hse.ru
- СУШКО Павел Евгеньевич** — кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), sushkope@mail.ru
- ТАРТАКОВСКАЯ Ирина Наумовна** — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия), I_Tartakovskaya@yahoo.com
- ЧЕРНОВА Жанна Владимировна** — доктор социологических наук, ведущий научный сотрудник СИ РАН — филиал ФНИСЦ РАН (Санкт-Петербург, Россия), chernova30@mail.ru
- ЧЕРНЫШ Михаил Федорович** — член-корреспондент РАН, доктор социологических наук, научный руководитель ФНИСЦ РАН, директор, Институт социальной демографии ФНИСЦ РАН (Москва, Россия), mfche@yandex.ru
- ЧЕРНЯЕВА Татьяна Ивановна** — доктор социологических наук, профессор, Поволжский институт управления имени П. А. Столыпина — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы (Саратов, Россия), tatcher@yandex.ru
- ЯРСКАЯ-СМИРНОВА Елена Ростиславовна** — доктор социологических наук, ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия), eiarskaia@hse.ru

Editorial board

Editor-in-Chief

[Victoria V. SEMENOVA](#) — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; chief researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

Editorial Team

[Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

[Anna V. STRELNIKOVA](#) — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

[Irina N. TARTAKOVSKAYA](#) — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

[Alexandrina V. VANKE](#) — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Editorial Board

[Roman N. ABRAMOV](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rabramov@hse.ru

[Roswitha BRECKNER](#) — PhD, Associate Professor, University of Vienna (Vienna, Austria), roswitha.breckner@univie.ac.at

[Zhanna V. CHERNOVA](#) — Doctor of Sociology, Leading researcher, SI RAS — FCTAS RAS (St. Petersburg, Russia), chernova30@mail.ru

[Tatiana I. CHERNYAEVA](#) — Doctor of Sociology, Professor, Povolzhsky Institute of Management named after P. A. Stolypin — the branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Saratov, Russia), tatcher@yandex.ru

[Michael F. CHERNYSH](#) — Corresponding Member, Doctor of Sociology, Research Director, FCTAS RAS, Director, Institute of Social Demography, FCTAS RAS (Moscow, Russia), mfcche@yandex.ru

[Kathy DAVIS](#) — PhD, Professor, Free University Amsterdam (Amsterdam, Netherlands), k.e.davis@vu.nl

[Elena R. IARSKAIA-SMIRNOVA](#) — Doctor of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), eiarskaia@hse.ru

[Lena INOWLOCKI](#) — PhD, Professor, Frankfurt University of Applied Sciences (Frankfurt-am-Main, Germany), linowlocki@fb4.fra-uas.de

[Krzysztof KOSELA](#) — Doctor of Sociology, Professor, University of Warsaw (Warsaw, Poland), k.kosela@is.uw.edu.pl

[Irina M. KOZINA](#) — Candidate of Sociology, Tenured Professor, National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia), ikozina@hse.ru

[Elena L. OMELCHENKO](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg (St. Petersburg, Russia), omelchenko@mail.ru

[Victoria V. SEMENOVA](#) — Doctor of Sociology, Professor, State Academic University for the Humanities; chief researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), victoria-sem@yandex.ru

[Pavel E. SUSHKO](#) — Candidate of Sociology, Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), sushkope@mail.ru

[Elena Yu. ROZHDESTVENSKAYA](#) — Doctor of Sociology, Professor, National Research University Higher School of Economics; Leading researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), rigasvaverite@gmail.com

Anna V. STRELNIKOVA — Candidate of Sociology, Associate professor, National Research University Higher School of Economics; Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), astrelnikova@hse.ru

Irina N. TARTAKOVSKAYA — Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), I_Tartakovskaya@yahoo.com

Alexandrina V. VANKE — Candidate of Sociology, Doctor of Philosophy, Senior Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), vanke@inbox.ru

Содержание

Письмо редактора	9
Полевые исследования.....	11
<i>Дмитрий Рогозин</i>	
Работа, досуг и старость на Чукотке: автоэтнографическое обогащение социального обследования.....	11
<i>Ольга Пинчук</i>	
На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии.....	33
<i>Вера Галиндабаева, Николай Карбаинов</i>	
Как преодолеть проблему «профессиональных информантов» в полевых исследованиях (на примере изучения повседневной этничности в сельском сообществе)	56
Визуальная социология.....	71
<i>Мария Тысячнюк</i>	
Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море — 2024	71
Социология профессий	102
<i>Yulia Ermolaeva</i>	
Professional Identity Formation in “Green Professions” in Russia.....	102

Contents

Editor's Letter	9
Field Research	11
<i>Dmitry Rogozin</i>	
Work, Leisure, and Old Age in Chukotka: Autoethnographic Beneficiation of a Social Survey	11
<i>Olga Pinchuk</i>	
At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography	33
<i>Vera Galindabaeva, Nikolay Karbainov</i>	
How to Overcome the Problem of "Professional Informants" in Field Research (Using the Example of Studying Everyday Ethnicity in a Rural Community)	56
Visual Sociology	71
<i>Maria Tysiachniouk</i>	
Ethnography of Spontaneous Ecological Mobilization: The Black Sea Oil Spill of 2024	71
Sociology of Professions	102
<i>Yulia Ermolaeva</i>	
Professional Identity Formation in "Green Professions" in Russia.....	102

Письмо редактора

Стремительно усложняющаяся ткань социальной реальности заставляет социальных ученых переосмысливать этнографические подходы и привносить инновации в методологию полевых исследований для изучения экологических катастроф, глобальных и локальных конфликтов, изменения форм труда и досуга, трансформации старых профессий и возникновения новых, призванных стать ответом на проявления поликризиса.

Статьи этого номера вносят вклад в современные дебаты своей рефлексией о методах этнографии и полевого исследования, которые позволяют глубже и в то же время более целостно осмыслить влияние структурных трансформаций на проявление субъектности людей в повседневной жизни в условиях кризисов, конфликтов и катастроф. География исследований, представленных в статьях номера, охватывает несколько регионов России, включая Краснодарский край, Московский регион, Республику Бурятия и Чукотку. Такой масштаб предоставляет нашим читателям возможность познакомиться с повседневностью в разных локациях.

Номер открывает статья Дмитрия Рогозина об особенностях автоэтнографии в экспедиционном исследовании границ между работой и досугом у работников по уходу и заботе на Чукотке. Автор рассуждает о том, как складывается коммуникация исследователей с местными жителями и работниками учреждений в труднодоступном (во всех смыслах этого слова) поле. Ольга Пинчук развивает дискуссию о позиции исследователя уже в продолжительной этнографии труда на конфетной фабрике, размышляя о совмещении ролей социолога-наблюдателя и работницы — участницы производственного процесса. Как создается лиминальное знание на границе двух ролей? Статья отвечает на этот вопрос.

Статья Веры Галиндабаевой и Николая Карбанинова переносит нас в сельскую местность в Республике Бурятия, где авторы проводили исследование повседневной этничности в сельском сообществе, состоящем из двух этносов — карымов и семейских. Столкнувшись с проблемой интервьюирования «профессиональных информантов» на первом этапе полевой работы, социологи решили интегрировать в дизайн подворовой анкетный опрос. Как комбинирование качественных и количественных методов открывает доступ к новым информантам и данным, читайте в статье.

Исследование Марии Тысячнюк перемещает нас в ситуацию экологической катастрофы — разлива мазута в Черном море, произошедшей в декабре 2024 года и мобилизовавшей на ее устранение волонтеров со всей России. Исследовательница, непосредственно участвовавшая в ликвидации чрезвычайной ситуации, детально описывает, как эмоциональные режимы, информируемые низовой солидарностью, регулируют проявление заботы о природе

и позволяют балансировать между отчаянием по поводу гибели животных и надеждой на их спасение в процессе совместной деятельности. Завершает номер статья Юлии Ермолаевой о формировании экологических профессий в России как результате структурных трансформаций национального рынка труда и развития глобальной экологической повестки.

Мы приглашаем читателей отправиться в увлекательное путешествие по страницам номера.

Редактор номера,
Александрина Ваньке

Полевые исследования

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.1

EDN: PNBHRR

Работа, досуг и старость на Чукотке: автоэтнографическое обогащение социального обследования¹

Ссылка для цитирования:

Рогозин Д.М. Работа, досуг и старость на Чукотке: автоэтнографическое обогащение социального обследования // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 11–32.
<https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.1> EDN: PNBHRR

For citation:

Rogozin D.M. (2025) Work, Leisure, and Old Age in Chukotka: Autoethnographic Beneficiation of a Social Survey. *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 11–32. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.1>

Рогозин Дмитрий Михайлович

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

E-mail: rogozin@ranepa.ru

В статье рассматривается опыт полевого исследования системы долговременного ухода в условиях Крайнего Севера. Автор критикует доминирующий в российской социологии дискурс объективированного научного письма, скрывающий субъективные аспекты взаимодействия исследователя с полем. В качестве альтернативы предлагается метод автоэтнографического обогащения, включающий четыре такта: дробление, измельчение, классификацию и сгущение идей. На примере экспедиции на Чукотку демонстрируется, как неформальные взаимодействия, отказы, недоговоренности и культурные особенности региона становятся значимыми элементами анализа. Через призму личного опыта исследователя раскрываются противоречия между формальной отчетностью и реальной практикой ухода за пожилыми, а также различия в восприятии работы, досуга и гостеприимства на Севере. Статья подчеркивает необходимость рефлексивности, этической

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

ответственности и диалогичности в качественных исследованиях, а также развития автоэтнографического письма, сочетающего факт, размышление и повествовательную глубину.

Ключевые слова: автоэтнография; автоэтнографическое обогащение; качественные методы; полевое исследование; долговременный уход; Чукотка; субъективность; рефлексивность; социальная политика; старость; досуг

— Чему ты учился шесть лет... Старики-классики писали геологические романы. Они давали завязку — фактический материал, они давали интригу — ход собственных мыслей, они давали развязку — выводы о геологическом строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они писали эссе о частных вариантах своих гипотез. И, кстати, они великолепно знали русский язык. Они не ленились описать пейзаж так, чтобы ты проникся их настроением, их образом мыслей. Так делали старики.

Олег Куваев «Территория»

(Совет Андрея Гурина, бывшего геолога, своему товарищу Сергею Баклакову по написанию отчета)

- Вы что-нибудь знаете о Чукотке?
- Мало что, практически ничего.
- А Вы когда-нибудь бывали на Чукотке?
- Нет, не бывал.

— Не бывали — и не надо начинать. Что Вы здесь можете изучить, что понять? Ничего. Мы живем в XVI веке: ничего хорошего, ничего нового у нас нет. Огромные расстояния — никуда Вы не доберетесь. Большие отпуска — никого сейчас не найдете.

- Может, нам отложить поездку?

— Не нужно, сейчас хоть погода хорошая. Да, я ухожу в отпуск, но кто-то всегда будет замещать. Если надумали приезжать, приезжайте сейчас. Ничего не изменится, ничего не добавится. Не понимаю, правда, зачем Вам приезжать? По ВКС (видео-конференц-связь). — Прим. авт.) можно всегда поговорить.

Телефонный разговор с одним из руководителей департамента социальной политики Чукотского автономного округа оказался обескураживающим и одновременно мотивирующим. Нет ничего более интригующего для исследователя, нежели прямые советы не прилетать, не изучать, не знать. И мы полетели.

Научный дискурс российских социальных исследователей

Российские социальные обследования зачастую выполняются в режиме объективированных экспертных описаний, то есть текстов, в которых невозможно личностное высказывание, выводы претендуют на внесубъектную истинность, методические сбои и ошибки нивелируются или оправдываются.

За структурной подачей материала с выделением целей исследования, гипотез, описанием методов и результатов не находят отражения реальные практики проектирования и реализации отбора респондентов, особенности установления доверительных отношений и личная позиция исследователя. Обоснование того или иного прикладного или теоретического выбора скорее относится к речевым актам оправдания, нежели к уточнению и подготовке критической позиции. Научный текст легитимирует объективный статус исследователя, определяя его социальную дистанцию от объекта и субъектов исследования. По большей части социальная наука в России производит дискурс подтверждения и оправдания, а не критики и диалога.

Не буду перечислять многочисленные подделки исследовательской практики, производимые исключительно ради административной отчетности, которым несть числа. Рассмотрим статью авторитетных исследователей российской власти, профессоров Аллы Чириковой и Валерия Ледяева, которые описывают особенности муниципального управления в малом российском городе на основании многолетних эмпирических наблюдений [Чирикова, Ледяев, 2025]. Несмотря на практическую направленность статьи, описание метода занимает не более одной двадцатой части совокупного текста. В нем справочно упоминаются годы проведения исследования, города, причины отбора, вид интервью и способ организации выборки:

«Исследование проводилось в 2011–2015, 2018–2020 и 2023 гг. в шести малых городах трех регионов России — Кунгур, Чусовой, Губаха (Пермский край); Шuya, Кинешма (Ивановская область); Моршанска (Тамбовская область). Эти города представляют собой типичные вариации российских малых городов с населением от 30 до 80 тыс. чел. Пермский край — развитый промышленный центр России; Ивановская и Тамбовская области относятся к дотационным регионам со средним и ниже среднего уровнем экономического развития. Второй причиной выбора этих местных сообществ стала их относительная доступность для исследования.

<...>

Основной материал был получен в ходе глубинных интервью с представителями городских и региональных элит; всего 197 интервью (87 — на первом этапе, 89 — на втором, 21 — на третьем). При выборе респондентов мы руководствовались упрощенной комбинацией позиционного и репутационного методов. Списки интервьюируемых готовились заранее, исходя из занимаемых ими позиций, и дополнялись по мере интервьюирования новыми именами с учетом их репутации» [Чирикова, Ледяев, 2025: 30].

Упоминание о типичности отбираемых территорий весьма распространено среди российских обществоведов. В то время как открытое упоминание об относительной доступности сообществ для исследования нехарактерно. Однако авторы не раскрывают, из чего складывается доступность, не указывают

на особенности продолжающейся годами коммуникации, не обозначают собственную позицию. Далее перечисляются как само собой разумеющиеся методы отбора — позиционный и репутационный — на деле всего лишь конвенциональное обозначение некоторых коммуникативных процессов, оставленных в статье без внимания. На основании чего корректировались списки опрошенных? Как и кем велись переговоры? Много ли было отказов? Как было получено информированное согласие? Возникали ли конфликты в ходе исследования и как они разрешались? Как участники воспринимали исследователей? Каковы были их ожидания? И так далее, и тому подобное — вопросов много. Но выбранный научный дискурс определяет их незначимыми, не имеющими отношения к исследованию и проверяемым гипотезам.

Аналогично строится и последующее повествование: подтверждающие цитаты не превышают одного предложения и не имеют авторства, участники исследования не называются по именам, указываются лишь их властные позиции, отсутствуют и упоминания о сомнениях, поисках, позициях исследователей. Текст представляет некоторый непротиворечивый, доказательный, истинный нарратив, образец научного письма, в котором повествование ведется не от лица исследователя, а от самого исследования. Результаты «демонстрирует» не исследователь, а исследование, например:

«Исследование продемонстрировало, что вмешательство губернатора и его команды в городскую политику обусловлено не только существующим проблемным полем. Оно зависит от того, какой ресурсной базой обладает город: наличие экономических, политических, культурных и иных ресурсов повышает вероятность включенности в политические процессы представителей региональной власти. В этом плане большинство локальных сообществ, в которых проводилось исследование, не привлекали какого-то особого внимания региональных властей („у нас не так много денег, чтобы быть интересными губернатору“)» [Чирикова, Ледяев, 2025: 36];

«...в последние годы активность предприятия и его роль в локальной политике заметно снизились, поскольку новое руководство отказалось от установки на активное участие в городской политике („новому директору город не интересен, перед ним стоят экономические задачи и только“)» [Чирикова, Ледяев, 2025: 33].

Подобная объективированная манера письма формируется не только для русскоязычной аудитории. В том же выпуске журнала «Мир России» опубликована статья Елизаветы Солоненко, написанная на английском языке и предназначенная в том числе для зарубежных читателей [Solonenko, 2025]:

«Данные получены в результате 48 полуструктурированных и глубинных интервью, а также общих наблюдений. Села находились вблизи национального парка, созданного на Дальнем Востоке примерно 10–20 лет

назад. Ниже приводятся социально-экономические условия этих сел, описание их географического положения относительно границ национального парка, а также характеристика местных социальных структур. Полевая экспедиция проходила в конце весны 2023 года. Было посещено пять сельских населенных пунктов, среди которых: деревня, полностью окруженная национальным парком (деревня А); два поселения, расположенные на границе национального парка и окруженные им с нескольких сторон (деревни В и С); и две деревни, отделенные от национального парка дорогой (деревни D и Е)» [Solonenko, 2025: 81].

Автор подчеркивает сенситивный характер исследования, обосновывая этим отказ от ведения аудиозаписи. Столь радикальное по современным меркам решение описывается как некоторый факт, не подлежащий сомнению, который как бы отражает мнение всех без исключения участников исследования: местного населения, представителей власти, экспертов. Сами категории выбраны предельно анонимизировано, в них не увидеть ни позиции, ни статуса, ни уникального речевого поведения. Эмпирические данные включали наблюдения и глубинные интервью с населением, местными органами власти и экспертами, задействованными в функционировании национального парка. Аудиозапись во время интервью не использовалась, поскольку обсуждались деликатные темы. Местные жители были готовы высказать свое мнение относительно национального парка, рассказать о своих экономических практиках и участии в теневой экономике, однако без записи, так как они не могли доверять исследователю-аутсайдеру [Solonenko, 2025: 82].

Первоклассная полевая работа, поддержанная Фондом «Хамовники» и выполненная под руководством Симона Кордонского, в научном тексте представлена как некоторая объективированная экспедиция, в которой не проблематизируются ни выбор места исследования, ни поиск информантов, ни особенности коммуникации с ними, ни позиция исследователя — ничего. Сложности, сомнения, диалогичные дискурсивные конструкции в таком письме определяются как слабость, недостаточное теоретическое и эмпирическое представление материала. От исследователя ждут непротиворечивого и логичного повествования, обосновывающего и оправдывающего позицию самого исследования как некоторого научного предприятия, стоящего выше любого из его участников. В такой картине мира истина есть очищенная от противоречий система аргументов, в которой участники исследования могут играть лишь роль поставщиков информации, информантов и осведомителей.

Я намеренно останавливаюсь на сильных, хорошо спроектированных и реализованных качественных исследованиях, которые вместе с тем изложены объективированным языком описания². В таком изложении нет

² Ранее я проводил библиографический анализ эмпирических работ в сфере образования, опубликованных в первой половине 2022 года [Рогозин, Солодовникова, 2023: 127–142]. Из базы научных статей были отобраны 72 статьи, из которых 28 оказались релевантными поставленной задаче: статьи отражали результаты эмпирических исследований. В 26 из них упоминались методологические трюизмы, давались отсылки к ложной репрезентации, имитировались количественные исследования и демонстрировался любительский подход к организации социологических опросов.

ничего фальсифицирующего, катастрофического или ненаучного. Потому нет необходимости искоренять или упразднять практики объективированного научного письма. И навряд ли это у кого-то бы получилось. Научный дискурс поддерживается не индивидуальными акторами, а самим академическим сообществом: учеными советами, редколлегиями научных журналов, маститыми докторами наук, профессорами и академиками.

Реализация административной выборки участников системы долговременного ухода

Мы (я и моя коллега Александра Ченцова) летели на Чукотку в полном неведении: ни согласованного графика интервью, ни жилья (лишь потом с большим трудом, по неформальным каналам удалось остановиться в общежитии многофункционального колледжа), ни транспорта (даже из аэропорта добраться до города не так просто, нужно переправиться через лиман), ни представлений о географии исследования. Письмо на имя губернатора и его поручение ничего не значили или значили что-то иное, нам неведомое. Одним словом, нас не ждали:

«Ну сказали мне, что едете. Два раза сказали или три. Я что, становиться должен?! Приедете — там и посмотрим. Вот приехали, мы посмотрели, теперь все сделаем, что сможем», — в неформальном разговоре на рыбалке искренне недоумевал один из руководителей центра социального обслуживания (м., представитель центра социального обслуживания, 36 лет).

Только на второй день встретились с представителем департамента социальной политики:

«Начальника нет и заместителя, курирующего ваш вопрос, нет, но я постараюсь на какие-то вопросы ответить и какой-то материал подыскать. Что получится (смеется). У нас регион маленький, и всеми вопросами занимается один-два человека, вся социальная политика занимает один этаж. <...> Территория большая, но если есть 50 тысяч, то уже хорошо. Чего вы хотите? (Смеется). Территория большая, а населения нет. Небольшие поселки, до которых не доберешься. Есть нуждающиеся, но охватить их не можем, поскольку все процедуры по оценке нуждаемости осуществить на дистанции нельзя» (из дневника автора).

Лишь в двух статьях из 28 присутствовало формальное методическое описание: по структуре методического описания они весьма схожи с представленными выше. Радикальность моих выводов может быть подвергнута сомнению и опровергнута, но это требует дополнительных библиографических изысканий.

Ничего удивительного, что мы никуда не добрались. Анадырь и Угольные Копи оказались единственными местами нашего пребывания на Чукотке. Казалось бы, полный провал экспедиционной работы, отсутствие возможности реализовать план исследования, собрать необходимый материал. Мы так и говорили каждый день ответственному за наш визит, молодому и перспективному руководителю, курирующему систему долговременного ухода в Анадыре, говорили и понемногу осматривались, инициируя разговоры, неформальные беседы.

На второй день только одно интервью в департаменте и объяснения, что найти кого-то крайне затруднительно. На третий день два интервью в центре социального обслуживания с руководством и заверения, что все в отпусках или на работе, с кем-то поговорить сложно. А дальше вся неделя в ожидании.

«Все в отпусках, а кто здесь, отказывается говорить. Такая у нас специфика», — слышим в очередной раз (ж., представитель центра социального обслуживания, 45 лет).

Мы не отчаливались и продолжали улыбаться, и нам улыбались в ответ, пытались поддержать, показать культурную жизнь города. День города в субботу, визит в ярангу (национальное жилище на Чукотке) в воскресенье, рыбалка в понедельник. И только в последний день привычная полевая работа, интервью. Я подумывал об особой ментальности северян, неспешности, ином восприятии времени и приезжих, вторгающихся в сложившийся распорядок дня, но переплыли лиман — и в Угольных Копях абсолютно другая ситуация. Оба дня плотной работы: встретили, разместили, организовали интервью. Вновь без предварительного графика, но и без ожиданий и отложенных обещаний. В итоге на Чукотке из намеченных трех районов побывали в двух, из запланированных 32 интервью взяли 16. Всего одно интервью с получателем услуг по уходу, в основном с помощниками и специалистами. Осмысленных разговоров, бесед, обменов мнениями состоялось 25.

Почему на материке (как на Чукотке называют остальные регионы) мы приходили в дома, общались, держали за руки даже глубоко дементных людей, вместе смеялись или грустили, а здесь нет? С чем связаны отказы? Почему нет культуры планирования встреч? Почему не работает административная выборка? Почему наши просьбы вызывают недоумение, а полученные обещания не выполняются? Почему в небольшом городке трудно найти время на короткий разговор? Где или кем блокируется коммуникация? Что препятствует общению? Ответы на эти вопросы и должны составлять описание реализованной выборки, прояснить и корректировать содержательные выводы, полученные из состоявшихся разговоров. То, что в количественных исследованиях измеряется коэффициентами достижимости (ответов, неответов, отказов и прерванных интервью), в качественных определяется особенностями договоренностей, экспозицией оставшихся в тени суждений, оценок и пересудов.

Когда Чирикова и Ледяев пишут, что «новое руководство отказалось от установки на активное участие в городской политике», или Солоненко объясняет свой отказ от аудиозаписи деликатностью темы (см. примеры выше), следует задать те же вопросы о реализации исследовательского плана, построении выборки, об ожиданиях, разочарованиях и надеждах полевого исследователя, а не пытаться за объективированными оправданиями скрыть нестыковки и шероховатости реального полевого опыта. И основная задача — не получить исчерпывающий и однозначный ответ, а сформулировать проблему, сбой, что позволит другим пройти этим же маршрутом и соотнести свой опыт с представленным материалом.

Радикальная субъективизация исследования как осмысленный отказ от обоснования и подтверждения в пользу сомнения и диалога

Критика объективирующего взгляда на мир стала визитной карточкой многих качественных подходов в социальных и гуманитарных исследованиях. Но наиболее последовательный и обоснованный отказ от культа объективного знания представлен в автоэтнографии [Рогозин, 2015; Peterson, 2015]. Другими словами, утверждение о субъективности любого исследования, формирование и поддержание субъектного научного дискурса — основа автоэтнографической позиции. В то время как традиционная этнография стремится понять культуру или группу через взгляд извне, автоэтнография делает акцент на личном опыте исследователя, соединяя этнографию и автобиографию в уникальную повествовательную форму [Orel, 2024].

Мартин Зальцманн-Эриксон, проведя скопинговый обзор (scoping review) автоэтнографических статей по медицинскому уходу, выделяет для их описания четыре оси: онтологическую, эпистемологическую, этическую и практическую [Sulzmann-Erikson, 2024: 591]. Автоэтнография определяется через осмысленное движение по каждой из осей. В онтологической — от профессионального полюса к персональному, через описание личной ответственности, навыков и умений, привязанных к индивидуальному выбору. В эпистемологической — от субъективного опыта к критической позиции. В этической — от предписывающего модуса к реляционному, формирующему спектр возможностей, а не ограничений. В практической — от общих, репрезентирующих большие группы суждений и действий к частным и локальным контекстам (рис. 1).

Основными для корректной интерпретации автоэтнографии выступают эпистемологическая и этическая оси, которые явно описывают базовую интенцию автоэтнографического проекта — осмысление субъективного и объективного с точки зрения критической позиции. В этом смысле автоэтнография парадоксальным образом смыкается с предельным развитием позитivistского проекта, представленного Карлом Поппером в его демаркации научного знания, определяемой фальсификационизмом [Поппер, 1983]. Основанием

для науки становится не объективное, предписывающее истину знание, а радикальное сомнение и фальсификация убеждений и выводов, прежде всего собственных. В свою очередь реляционность автоэтнографического проекта консонирует с методологическим анархизмом Пола Фейерабенда, во многом продолжающего позитивистский научный проект [Фейерабенд, 2007]. Тем самым многочисленная критика автоэтнографии и в целом всей качественной традиции определяется непониманием и предрассудками шаблонного мышления, не имеющего к научному поиску никакого отношения.

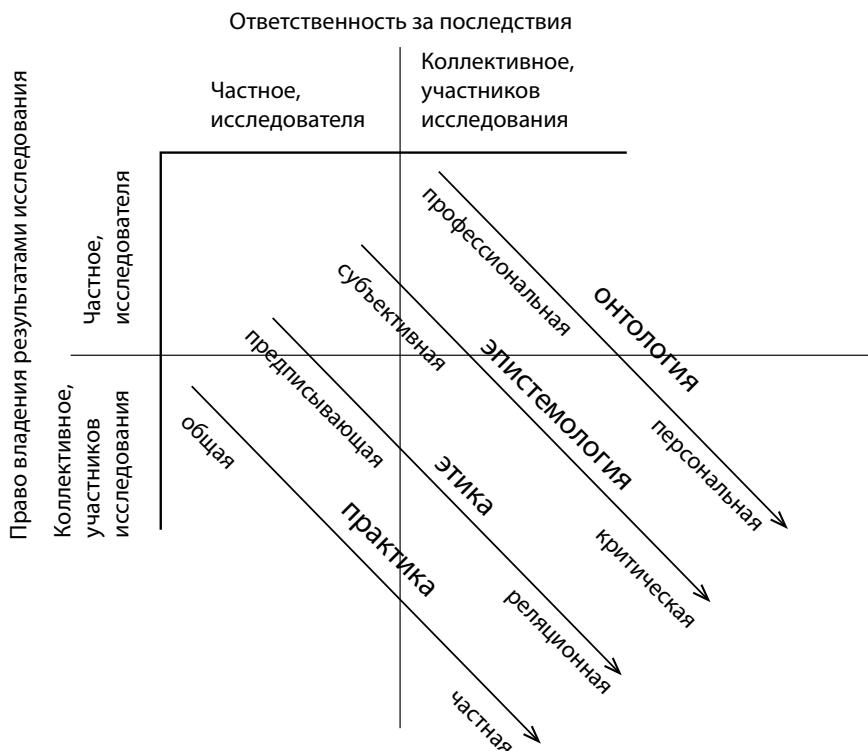

Рисунок 1. Многомерное пространство автоэтнографического исследовательского опыта

Основоположники современного стиля автоэтнографического письма Артур Бочнер и Кэролайн Эллис так описывают свои первоначальные интенции в изменении исследовательского подхода:

«Наша цель была трансгрессивной. Мы не только ставили под сомнение границы между социальными науками, искусством и гуманитарными дисциплинами; мы пытались их растянуть и пересечь, создавая новых исследователей и новые жанры представления. В процессе мы надеялись создать новых читателей и новое поколение студентов, привлеченных другим видом эмпирического исследования. Исследовательская

деятельность в гуманитарных науках больше не ограничивалась бы знанием — эпистемологией, — но также была бы направлена на заботу, чувствование и бытие — онтологию. В идеале читатели не только понимали бы, но и чувствовали истину автоэтнографических рассказов о прожитом опыте, и таким образом были бы более полно погружены и вовлечены — морально, эстетически, политически и интеллектуально» [Bochner, Ellis, 2022: 12].

Четыре оси автоэтнографического проекта по Мартину Зальцманну-Эриксону располагаются в пространстве этического выбора, определяемого через вопросы владения знанием и ответственности за последствия. Выступает ли полученное знание частным для исследователя или разделяется среди всех участников? В различных предуведомлениях, предисловиях, вступительных словах исследователи зачастую распределяют владение знанием среди участников, вместе с тем беря на себя всю ответственность за последствия. Именно на это указывает известная формула благодарности, зачастую сопровождаемая внушительным списком коллег и информантов, с последующей ремаркой о личной персональной ответственности за все написанное или сказанное. На деле же этический выбор динамичен и может изменяться не только в ходе исследования, но и после его завершения. Более того, этот выбор не всегда принимается исследователем и может оказаться для него полной неожиданностью. Именно поэтому настолько важна этическая рефлексия проекта и постоянная проверка текущего состояния, которую Мартин Зальцманн-Эриксон помещает в пространство права владения и ответственности.

Этическое переживание о праве и ответственности подталкивает Леона Андерсона к переосмыслению базового для современного общества различения между работой, семьей и досугом (в его случае прыжками с парашютом) [Anderson, 2011]. Ставя себя, собственные переживания в центр внимания, основатель аналитической автоэтнографии (см. подробнее: [Рогозин, 2015: 248–254; Anderson, 2006]) обнаруживает значимые культурные сдвиги в формировании жизненного мира современного человека, в котором стерлась грань между занятостью и досугом, семейным благополучием и личными достижениями, ощущением своего предназначения и отождествлением себя с некоторой значимой социальной группой.

Казалось бы, представленные дилеммы присутствовали всегда, были неотъемлемой частью человеческого существования. Однако изменился взгляд на мир, стало возможным не камуфлировать его под объективистские форматы доказательности, а смотреть прямо и непредвзято на происходящее с собой и своим окружением. Последовательно представляя личную историю, перемежая рассказ о событиях жизни с аналитическим обзором теоретических работ о досуге, Андерсон демонстрирует стиль аналитической автоэтнографии как практического инструмента проблематизации и актуализации культурных трюизмов. Внимательно читая статью Андерсона, можно обнаружить все четыре оси (см. рис. 1), которые разворачиваются в автоэтнографическом нарративе об участии и ответственности.

По онтологической оси Андерсон сознательно смещается с позиций объективной социологии к персональной онтологии, где опыт становится не просто набором данных, а основой жизни. Автор не анализирует «других» парашютистов, а исследует самого себя как социального актора, чья идентичность формируется в пересечении ролей — профессора, мужа, отца, парашютиста. Его онтология — это онтология становления, где «я» не дано, а производится в практике. Через автоэтнографию он легитимирует личный опыт как социальный факт, показывая, что профессиональная идентичность не исчерпывает человека, она переплетается с персональными устремлениями, страхами и мечтами.

По эпистемологической оси происходит трансформация субъективного повествования в критическое. Статья начинается как субъективный нарратив, но постепенно переходит в критический анализ. Андерсон не просто рассказывает о своих переживаниях, а интерпретирует их через социологические концепты: серьезный досуг, временной дефицит, идентичность как проект. Он использует личный опыт как линзу для критики мифа о свободном досуге, раскрывая, как современные условия превращают хобби в новую форму труда. Его знание — не просто интуиция, а рефлексивно обработанное понимание, где субъективное становится основанием для критического социологического вывода.

Автор отходит от этики долженствования («я должен прыгать, чтобы быть собой») к этике отношений (этическая ось: от предписывающей к реляционной). Его моральные размышления не сводятся к правилам поведения в сообществе, а сосредоточены на балансе между собой и другими — женой, пасынком, внуками. Он не осуждает себя за увлечение, но задается вопросом: не в ущерб ли близким? Этика становится реляционной: ценность досуга измеряется не мастерством, а его совместимостью с заботой о семье. В этом — отказ от жестких норм в пользу этики заботы, ответственности и взаимности.

Наконец, на практической оси демонстрируется важность сужения общего до частного. Хотя статья затрагивает общие темы — труд, досуг, идентичность, ее практическая ценность раскрывается на уровне частного опыта. Андерсон не предлагает универсальных решений, но демонстрирует, как один человек пытается жить в условиях множественных обязательств. Его стратегии — делегирование домашних дел, сокращение служебных нагрузок, попытки вовлечь семью — не рецепты, а примеры рефлексивной практики. Практика здесь — не инструкция, а процесс проб и ошибок, в котором частное становится пространством для социального понимания и личного выбора.

Многомерное пространство автоэтнографического исследовательского опыта Андерсона — это серия последовательных переходов, в основании которых лежат два важнейших различия: ответственность и право владения. Автоэтнография — это не набор персональных наблюдений, событий или историй, а теоретический нарратив с развернутой системой аргументации, опирающейся на онтологические, эпистемологические, этические и практические установки автора. Автоэтнография — это радикальная субъективизация, в которой различие между объективным и субъективным уступает место множественным различиям по четырем базовым осям.

Три взгляда на исследователя: «по работе», «отдохнуть» или «поговорить»

Департамент социальной политики и центр социального обслуживания в Анадыре занимают помещения на цокольных этажах жилых домов. Внутри небольшой коридор и маленькие комнаты, заставленные столами и шкафами. На столах, подоконнике, стульях груды бумаг. Скученности нет, многие в отпусках. Нет и рабочего энтузиазма. Размеренно, не торопясь, составляются отчеты, выписываются справки, заполняются ведомости. Согласовывать приходящие сверху распоряжения сложно. Один из руководителей социального обслуживания поясняет:

— Присылают индивидуальную программу реабилитации, если человеку инвалидность поставили, комиссионные сделали. Потом ИПРАшку разрабатывают (индивидуальную программу реабилитации), отправляют в отдел соцподдержки. Отдел соцподдержки смотрит, если там бытовые услуги, они эти ИПРА нам присылают. И мы уведомление направляем человеку по почте, что ему предлагается встать на надомное обслуживание. 99% не соглашаются. Мы у них не спрашиваем, вы хотите или не хотите. Мы пишем: придите к нам, — в этом уведомлении. И когда они приходят к нам, мы у них спрашиваем и предлагаем. 99% отказываются.

— А почему?

— У большинства родственники. Потому приходится самому находить и уоваривать (из полевого дневника).

И в эту рутинную размеренность ворвались мы со своими вопросами. Изначально ни интереса, ни любопытства, ни чая. Потом, когда разговорились, коснулись важнейших жизненных эпизодов, подтолкнули вспомнить поворотные моменты, каковых у каждого немало (все-таки Север!), дежурные улыбки сменились искренними, возникло желание помочь. Но скорее не с работой, а с отдыхом, с возможностью увидеть что-либо экзотическое. В отличие от работы, досуговая обыденность отнюдь не обесценена. Посещение яранги, рыбалка на кету и горбушу, прогулка на катере или поездка за ягодой — это заслуживает внимания и рассказа. А работа, уход за пожилыми, оформление отчетов — об этом и рассказать особо нечего: все по плану, закономерно, пусть иногда со срывами и задержками, но к установленному сроку.

Наши интервью вызвали интерес вопросами не о работе, а о личной жизни, судьбе. Этим мы обратили на себя внимание, вызвали улыбки или слезы тех, с кем удалось поговорить. Когда из-за непогоды перенесли один день рыбалки на понедельник (на Чукотке вылов рыбы разрешен лишь с пятницы по воскресенье), один из руководителей центра социального обслуживания с удовольствием отпросился, захватил меня на рыбалку, предварительно попросив семь с половиной тысяч «на расходники». Туризм недешев на Севере.

Расположились за двадцать километров от Анадыря, чуть дальше горы Дионисия. Растили две сетки по тридцать метров. Прекрасные были рыбаки, уха, шашлык. И разговоры под дымок костра и укусы комаров:

— Никогда не выходи на берег, ни в коем случае не выходи с воды. Даже если тебя ждут, даже если стоят и рукой машут (смеется).

— Это кто такое правило придумал? Все знают про него?

— Берег придумал (смеется). Это как улица придумала (смеется) — закон улицы. А это — закон берега.

— И что? Помашут и уедут?

— Я сорок минут стоял ждал, помню, когда рыбачил. На сетке сижу, рыба тогда очень хорошо шла (у меня пацаны на берегу были, им еще сказал: я в одну сторону и обратно, минут двадцать-тридцать), икры набрали, надо было мыть, солить. Только ушел, смотрю — едут все. У них комиссия была, а тогда они у каждого останавливаются. Полицейские, рыбобаки, погранцы, эмчеэсовец даже был.

— Это что за рыбобаки такие?

— Инспектора по природопользованию с департамента. Я могу ошибаться, но это они сами придумали: так себя называли, и потом это только в народ перешло. Рыбобаки. И я такой зашел на воду, сижу на сетке, распугиваю. Ладно, думаю, проедут. Дальше сижу. Лодка почти полностью забита. Поворачиваюсь, смотрю: остановились. Подходят, смотрят на меня, рукой машут. Я такой медленно отвернулся, будто не заметил. Повернулся, смотрю, стоят руки в боки, на меня смотрят (смеется). Я достал сигареты, подкурил. Прошло минут двадцать, поворачиваюсь — они стоят. Ну, думаю, вы стоите, а я лягу. В костюме был и просто на всю эту рыбу взял и лег. Прошло минут сорок — уехали (м., представитель центра социального обслуживания, 34 года).

Много о чем еще говорили, тут-то я не удержался, спросил, почему не подготовились к нашему приезду, и получил в ответ: «Ну сказали мне, что едете. Два раза сказали. Я что, станцевать должен?!»

Методология автоэтнографического обогащения полевых материалов, собранных в разных режимах взаимодействия

Этот текст пишется на Крайнем Севере, в городе Анадырь, где до сих пор господствует вольный дух геологических партий освоения полезных ископаемых. Геологическая метафора, объясняющая особенности полевой работы, подходит и для социальных исследований. Посему процедура автоэтнографического обогащения может быть развернута по-северному, геологически, в четырех нелинейных тактах: дробление материала, измельчение, классификация и сгущение идей (рис. 2).

Рисунок 2. Этап обогащения полевого материала

Каждый торт реализуется в двух плоскостях: жизненном мире исследователя и исследуемого. Задача автоэтнографического обогащения — отделить руду (или концентрат, значимые смыслы) от породы (или наборов пусть осмысленных, но не имеющих отношения к текущему исследовательскому вопросу сюжетов). Каждый торт направлен на формирование авторского нарратива, наделяющего смыслом окружающий мир:

«Использование методов анализа, связанных с нарративным исследованием, представляется оправданным, поскольку автоэтнография также является формой нарративного исследования. Это может найти отражение в анализе через сохранение фокуса на собственном повествовании, внимание к тому, что рассказано (содержание) и как это рассказало (структура). В процессе анализа уважайте собственный голос и то, что вы стремитесь передать. Признавайте, что рассказы играют ключевую роль в создании смысла и помогают истолковать личный опыт» [Cooper, Lileyea, 2022: 202].

Во-первых, дробление материала — наиболее рутинный и сложный торт. От него зависит качество дальнейшего анализа. Собранная информация может остаться невостребованной, если вовремя, по ходу исследования, не произвести первичную обработку. Дробление — часть аналитической процедуры, в которую входит систематизация собранных интервью, добавление к ним записей неформальных разговоров.

Полевая работа представляет собой производство непрерывного нарратива, состоящего из разнонаправленных, порой противоречивых текстов. Всегда можно подойти формально и оставить за рамками анализа все, что не входит в согласованные и записанные интервью. Однако многое может быть проинтерпретировано иначе, если обращать внимание на случайные разговоры, оговорки до и после интервью, встречи на улице, в гостинице. Если в административной выборке ограничиваться лишь согласованными встречами, получишь административно-согласованное представление, которое может значительно отличаться от реалий, интересующих исследователя. Необходимой частью любой административной выборки выступают

инициативные беседы за пределами согласованного графика интервью. Принцип «безразличия к материалу», обозначенный Чангом [Chang, 2013], — это отсутствие отбора по ходу исследования, обогащение знания не только подготовленными, но и спонтанными нарративами, в которых голоса других соседствуют с автобиографическим повествованием. Бутц и Безио утверждают:

«Автоэтнографические нарративы могут принимать различные формы и возникать из разных позиций рассказчика, включая: (i) анализ собственных биографий как ресурс для раскрытия более широких социальных или культурных феноменов; (ii) рефлексивные размышления исследователей об их опыте, полученном в ходе полевой работы; (iii) реакцию информантов на их представление в академических текстах; (iv) результаты включенных наблюдений; (v) другие виды исследований „изнутри“, через участие в жизни сообществ. В каждом из этих стилей автоэтнографии анализируются, публично раскрываются и рефлексивно переосмысливаются представления о себе как способе формирования понимания мира в целом. Таким образом, автоэтнография по своей природе является транскультурной коммуникацией между исследовательским „я“ и более широким социальным полем, включающим „других“» [Butz, Besio, 2009: 1660].

Во-вторых, измельчение материала необходимо для того, чтобы в дальнейшем перекомпоновать собранные фрагменты в авторский, аргументированный текст. Значимые реплики, высказывания, короткие диалоги характеризуют прежде всего авторский взгляд, указывают на то, что оказалось значимым для исследователя. Субъективность выбора закрепляет ответственность и авторство высказывания. На этом этапе может проходить анонимизация реплик, что, с одной стороны, защищает информантов от возможных угроз некорректной или осуждающей интерпретации, с другой — задает область ответственности самого исследователя. Короткие высказывания аналогичны фрагментам рудного тела, очищенного от излишних примесей.

В-третьих, классификация в автоэтнографическом обогащении продолжает нести личностный, субъективный характер. В отличие от механистического кодирования, когда многочисленные однотипные коды могут быть реализованы потоковым образом и в чем-то повторять кодирования открытых вопросов в количественных исследованиях, автоэтнографическое кодирование всегда привязано к авторской позиции, к исследовательскому «я». Последнее необходимо исключительно для разметки нарратива с точки зрения владения и ответственности, формирования точности описания через эмоциональное, дескриптивное и личностное кодирования [Cooper, Lilyea, 2022: 201], которые затем могут быть воспроизведены уже в иной автоэтнографической оптике иным исследователем. Думитрика пишет:

«Вместо обоснования валидности, надежности и презентативности автоэтнографы обращают внимание на рефлексивность, значимость и эстетическую ценность, содержательный вклад и возможность написанного прояснить пережитую реальность» [Dumitrica, 2010: 28].

Ключевой характеристикой кодирования становится личный опыт исследователя, его биография, череда значимых событий. Потому Андерсон так подробно останавливается на деталях своих прыжков, размышлениях и переживаниях перед каждым взлетом [Anderson, 2011]. Поддаются классификации лишь те элементы нарратива, которые находят отклик в биографии исследователя, могут быть выделены и опознаны как важные и весомые. Это не значит, что исследуемый объект должен полностью отражать жизненный мир самого исследователя, а лишь указывает на необходимость согласования услышанного и увиденного с личным опытом. Здесь нет ничего нового, любой полевой исследователь ровно так и поступает. Но на уровне анализа зачастую отказывается от персональной позиции, затушевывает личный опыт безличными оборотами и обобщениями (см. выше разбор статей Чириковой с Ледяевым и Солоненко). Помнить о точности как важнейшей функции автоэтнографического письма — системообразующая задача классификации.

В-четвертых, сгущение идей — прием, впервые представленный Чеховым (см. подробнее: [Рогозин, 2024: 62]). Он направлен на подготовку итогового исследовательского нарратива, в котором с предельной точностью и убедительностью, компактно и безыскусно представлены основные аргументы, обоснования и доказательства. Сгущение есть базовый прием теоретического описания, а значит и построения социальной теории, основанной не на кабинетных изысканиях, а на полевой работе, расширенной до личного, биографического опыта. Поэтому основным модусом сгущения выступает критическая позиция к материалу, к себе и собеседникам. Бочнер и Эллис считают:

«Автоэтнографический анализ берет начало в сомнении и неопределенности. Быть живым значит быть неуверенным. Автоэтнография подходит нам и людям, похожим на нас, потому что это жанр сомнения, средство проявления, воплощения, изображения и переживания неопределенности» [Bochner, Ellis, 2022: 15].

Автоэтнограф ищет противоречия, нестыковки, сбои в собранных нарративах. Только в этих прослойках реальности скрыто новое знание, имеющее значение как для исследователя-туриста, так и для исследователя-собеседника и исследователя-новатора.

Три взгляда на долговременный уход: работа, туризм и жизнь

Работа в социальной сфере связана с отчетностью, выплатами и поручениями. Количество документации растет из года в год. Цифровизация привела к дублированию информации: все теперь набирается в электронном виде и в обязательном порядке фиксируется на бумаге. Кабинеты заполнены шкафами с документами. Люди за столами, заваленными бумагами, которые чуть позже должны быть перемещены в шкафы, воспринимаются как механизмы

по их созданию и транспортировке. Вопросы об особенностях отчетности в системе долговременного ухода, возможной оптимизации, совершенствованию документооборота вызывают недоумение:

«Ничего сложного. Что скажут, все исполним. Обычная работа. Много, но мы справляемся» (ж., помощник по уходу, 52 года).

Можно обратить внимание на несоответствие заполняемых и реально оказываемых услуг: по времени, по дню недели, по особенностям предоставления. Хотя услуги это только на бумаге, на деле — забота о близких. Никто из помощников по уходу не говорит, что оказывает услуги. Подавляющее большинство помощников на Чукотке — родственники. Они и раньше занимались тем же самым. Сейчас добавились зарплата и минимальная отчетность: нужно лишь попасть в запланированное, не отклониться от утвержденного.

Уже не спрашиваю о соответствии. Всем ясно и на материике, и здесь, что никакого соответствия между временем, выделенным на оказание услуги, и фактическим уходом нет. Поминутное расписание существует только в отчете. А на деле что есть, то есть. Этого не видит проверяющий и не помнит исполняющий. Когда ухаживаешь за родным человеком, разве стоишь с секундомером или проверяешь по бумаге, какой шаг пропустил, а какой оказался лишним?

— Что-то изменилось в вашем уходе, когда стали работать помощником? — спрашиваю опрятно одетую женщину пенсионного возраста, которая ухаживает за мужем. Вопросительный взгляд в ответ, поясняю, — что-то у вас изменилось? Можно считать работу помощника по уходу профессией?

— Ну, материальное: получать стала.

— Материальное, зарплата — это понятно, а еще что?

— Это все понятно. И еще, так бы я искала работу, а так я не работаю, получается. Понимаете, все время с мужем. А таким больным нужен круглосуточный уход.

— Вы на полную ставку работаете помощником?

— На 0,75. Сначала мы шли на полставки, а потом дали первую группу, но он еще двигался. Пока он мог сам себя обслуживать, у нас шло на полставки. А когда он обслуживать себя не стал, падать начал постоянно, я работать не смогла из-за этого, перевели на 0,75. И да, третью, обратиться можно за помощью, когда в больницу перевезти, одна бы не справилась. Хорошая программа, очень нам подходит (ж., помощница по уходу, 53 года).

Наш приезд воспринимается с нескрываемым удивлением. Нужно ли приезжать, чтобы разобраться с работой помощника, в такую даль, когда можно поговорить дистанционно или вовсе не говорить? Вся работа изложена на бумаге, в полном соответствии с предписаниями, а реальный уход — это

не работа, а забота о близком. Такова логика системы долговременного ухода, складывающаяся из разговоров с ее участниками.

Работы на Севере много, а оплата труда относительно северных цен небольшая, потому все совмещают: кто ставки, кто даже разные сферы деятельности. Встретил вахтера из департамента на другом объекте:

«У нас никто на одной работе не работает. Одна работа — это ни о чем. Потому приходится совмещать, какие накладки — обговаривать с начальством. Взял ипотеку на материке, годик-другой еще здесь поработаю и уеду» (м., вахтер, 38 лет).

Все помощники за небольшим исключением тоже где-то еще работают. В случае необходимости родственники подхватывают, помогают:

— Сейчас только помощником по уходу работает?
— Нет, еще в Росгвардии.
— Какой у вас график работы в Росгвардии?
— Понедельник, пятница, суббота, воскресенье по графикам. С девяти до восьми, а могут и в час ночи и два ночи. В случае чего как техник обязан выйти в любое время дня и ночи, неважно, какой день.
— А как расписаны часы работы помощника? На вечер, получается?
— Нет, у меня свободное время есть, я же не целый день на работе, я и с бабушкой сижу. Когда не получается, сестра помогает. График ненормированный: может целый день никто не вызывать, а может постоянно (м., помощник по уходу, 43 года).

В таких ситуациях глупо корректировать отчетность: что написано в документах, то и заполняется в конце месяца. Положенные часы и минуты отмечаются в точности по индивидуальной программе. А на деле все так, как нужно родному человеку:

— Вы в одной квартире живете? — спрашиваю сорокалетнего парня, ухаживающего за мамой и оформившегося помощником по уходу.
— А как иначе? Круглосуточно ухаживаю.
— То есть важно быть в ночное время?
— Обязательно. Без этого вообще никак: то таблетки могут понадобиться, там боли какие-то, то позиционирование, то переложить, потому что затекло... Какое тут может быть расписание? (м., социальный работник, 40 лет).

Все работают помногу: замещая, подменяя, договариваясь. Отдельная привилегия у коренных жителей: квоты на вылов рыбы. Это существенное подспорье по деньгам: рыба, икра, туристическое сопровождение. Раньше, когда был поток туристов из Европы, вовсе было хорошо, но и сейчас «на

расходниках» можно прожить. Сезон только туристический коротковат. Но мы попали в сезон, и нам предлагали посмотреть Чукотку по льготным расценкам: 7,5 тыс. на рыбалку, 15 тыс. с человека — прогулка на катере в соседний поселок, а дальше все серьезнее, зависит от набора услуг. Деньги для туристов справедливые. Если приехали в такую даль, заплатят. Случайных на Севере не бывает.

Так нас восприняли в Анадыре, и мы попривыкли к роли интервьюеров-туристов. Потому были крайне удивлены иным отношением в Угольных Копях: принимали как гостей. А когда ты гость, о деньгах речи быть не может. Просто неприлично брать деньги с гостя: ни за рыбу, ни за оленину, ни за китовое сало, ни за поездки. Здесь взаимная поддержка, равное отношение к людям и гостеприимство — основа жизни.

Еще на материке мы постоянно задавали вопросы, почему отчетность построена таким образом, что не учитывает реальное оказание услуг? Нам что-то отвечали, в общем-то соглашались с отсутствием логики в документации и одновременно отстаивали осмысленность заполняемых бумаг. Основной аргумент: если составили такие бумаги, пусть неудобные, значит это кому-то там, наверху, нужно. И только здесь, на Севере, различие между формальным и неформальным, официальным и жизненным оказалось слишком контрастным, нескрываемым. Что для начальства из Москвы нарушение, для рядового помощника, организатора и эксперта — реалии жизни. Но никаких нарушений просто не может быть на бумаге.

Заключение

Старение на Чукотке проходит с оглядкой на государство, региональные и федеральные выплаты. Но реальная старость видится иначе, для большинства — вне Чукотки. Пожилые люди окружены близкими, а если их рядом нет, вновь встает выбор: уезжать или обращаться в социальную службу. И многие уезжают, планируют отъезд, адаптируются к текущей занятости, совмещают и зарабатывают:

«Когда вернулся с армии, как в параллельную вселенную попал: ни друзей, ни родственников, ни знакомых. Мама только была. Друг был, работал специалистом в соцзащите, и я пошел специалистом. То есть всю работу от А до Я прошел. Сейчас отпускной период, сотрудники ушли в отпуск. И если кого нет, ничего страшного, я сам сажусь и их работу выполняю: прием граждан веду, документацию заполняю» (м., руководитель, 36 лет).

Исследователи, как и исследуемые, ограничены социальными нормами, требованиями и ожиданиями заинтересованных лиц (заказчиков, коллег, редакторов журналов, читателей). Ограничения диктуют придерживаться

объективации, убирать себя из текста, преподносить написанное как некоторую объективную, устойчивую и непротиворечивую данность. От исследователя ждут ответов, на основании которых можно сформировать поручение, составить очередной документ, обосновать заранее принятое решение. Но все это есть лишь игра в отчетность и документооборот, далекий от происходящего в жизни. Потому так скептически настроены информанты к любой попытке разобраться, согласовать бумажное и реальное.

Мы можем продолжать оптимизировать документооборот (помощники по уходу и исследователи ухода ничем не отличаются: и мы, и они заполняем отчетность, которая далека от реалий), а можем оглянуться на прошлое и повторить слова Олега Куваева, вынесенные в эпиграф, уже применительно к социологам. Можно увидеть, как старики-классики писали социологические романы, как давали завязку — фактический материал, интригу — ход собственных мыслей, развязку — выводы о социальном строении. Они писали комментарии к точке зрения противников, они дробили и измельчали материал, кодировали выделенные фрагменты и стущали до сути идеи, увиденные в формальных интервью и неформальных разговорах. И нам не мешает попробовать.

Литература / References

Поппер К. Логика и рост научного знания: Избр. работы / Пер. с англ В. Н. Садовского. М.: Прогресс, 1983.

Popper K. (1983) *Logika i rost nauchnogo znanija: Izbr. raboty* [The Logic of Scientific Discovery and the Growth of Knowledge. Selected Works]. Transl. from Eng. by V.N. Sadovsky. Moscow: Progress. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Здоровый образ жизни в старости // Социология власти. 2024. Т. 36. № 2. С. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77> EDN: OHBNJY

Rogozin D.M. (2024) Healthy Lifestyle in Old Age. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 36. No. 2. P. 55–77. DOI: <https://doi.org/10.22394/2074-0492-2024-2-55-77> (In Russ.)

Рогозин Д. М. Как работает автоэтнография // Социологическое обозрение. 2015. Т. 14. № 1. С. 224–273. EDN: TRRRB

Rogozin D.M. (2015) How Autoethnography Works. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [The Sociological Review]. Vol. 14. No. 1. P. 224–273. (In Russ.)

Рогозин Д. М., Солодовникова О. Б. Зум и безумие в высшей школе: как образование становится цифровым. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2023.

Rogozin D.M., Solodovnikova O.B. (2023) *Zum i bezumie v vysshey shkole: kak obrazovanie stanovitsya tsifrovym* [Zoom and Madness in Higher Education: How Education Becomes Digital]. Moscow: Izdatelskiy dom "Delo" RANHiGS. (In Russ.)

Чирикова А. Е., Ледяев В. Г. Власть в малом российском городе: контуры эмпирической модели // Мир России. 2025. Т. 34. № 2. С. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-27-48> EDN: PRSUOQ

Chirikova A.E., Ledyayev V.G. (2025) Power in a Small Russian Town: Contours of an Empirical Model. *Mir Rossii* [Universe of Russia]. Vol. 34. No. 2. P. 27–48. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-27-48> (In Russ.)

Фейерабенд П. Против метода: очерк анархистской теории познания / Пер. с англ. А. Л. Никифорова. М.: Издательство «АСТ», 2007.

Feyerabend P. (2007) *Protiv metoda: ocherk anarchistskoj teorii poznaniya* [Against Method: Outline of an Anarchistic Theory of Knowledge]. Transl. from Eng. by A. L. Nikiforov. Moscow: Izdatelstvo "AST". (In Russ.)

Anderson L. (2006) Analytic Autoethnography. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 35. No. 4. P. 373–395. DOI: <https://doi.org/10.1177/0891241605280449>

Anderson L. (2011) Time is of the Essence: An Analytic Autoethnography of Family, Work, and Serious Leisure. *Symbolic Interaction*. Vol. 34. No. 2. P. 133–157. DOI: <https://doi.org/10.1525/si.2011.34.2.133>

Bochner A. P., Ellis C. (2022) Why Autoethnography? *Social Work and Social Science Review*. Vol. 23. No. 2. P. 8–18. DOI: <https://doi.org/10.1921/swssr.v23i2.2027>

Butz D., Besio K. (2009) Autoethnography. *Geography Compass*. Vol. 3. No. 5. P. 1660–1674. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1749-8198.2009.00279.x>

Chang H.V. (2013) Individual and Collaborative Autoethnography as Method: A Social Scientist's Perspective. In: S. H. Jones, T. E. Adams, C. Ellis (eds.) *Handbook of Autoethnography*. Walnut Creek: Left Coast Press. P. 107–119.

Cooper R., Lilyea B.V. (2022) I'm Interested in Autoethnography, but How Do I Do It? *Qualitative Report*. Vol. 27. No. 1. P. 197–208. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2022.5288>

Dumitrica D.D. (2010) Choosing Methods, Negotiating Legitimacy. A Metadiscourse on Autoethnography. *Graduate Journal of Social Science*. Vol. 7. No. 1. P. 18–38.

Orel M. (2024) Autoethnography in the Modern Workplace: A Reflexive Journey. *Journal of Organizational Ethnography*. Vol. 13. No. 2. P. 144–160. DOI: <https://doi.org/10.1108/JOE-06-2023-0038>

Peterson A.L. (2015) A Case for the Use of Autoethnography in Nursing Research. *Journal of Advanced Nursing*. Vol. 71. No. 1. P. 226–233. DOI: <https://doi.org/10.1111/jan.12501>

Salzmann-Erikson M. (2024) A Scoping Review of Autoethnography in Nursing. *International Journal of Nursing Sciences*. Vol. 11. No. 5. P. 586–594. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijnss.2024.10.002>

Solonenko E. A. (2025) The Reaction of Communities to a National Park: A Case in the Russian Far East. *Universe of Russia*. Vol. 34. No. 2. P. 75–94. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2025-34-2-75-94>

Сведения об авторе:

Рогозин Дмитрий Михайлович — кандидат социологических наук, заведующий Лабораторией полевых исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; старший научный сотрудник, Институт социологии ФНИЦ ЦПАН, Москва, Россия. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **РИНЦ Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Статья поступила в редакцию: 11.08.2025

Принята к публикации: 07.10.2025

BAK: 5.4.1

Work, Leisure, and Old Age in Chukotka: Autoethnographic Beneficiation of a Social Survey³

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.1

Dmitry M. Rogozin

*Russian Presidential Academy of National Economy and
Public Administration;
Institute of Sociology of FCTAS RAS Moscow, Russia
Email: rogozin@ranepa.ru*

The article examines the experience of a field study on the long-term care system in the Russian Far North. The author critiques the dominant discourse in Russian sociology of "objectified" academic writing, which obscures the subjective dimensions of the researcher's engagement with the field. As an alternative, the author proposes a method of autoethnographic beneficiation, structured around four analytical movements: fragmentation, pulverization, classification, and condensation of ideas. Drawing on an expedition to Chukotka, the article demonstrates how informal interactions, refusals, misunderstandings, and regional cultural specifics become meaningful elements of analysis. Through the lens of the researcher's personal experience, it reveals contradictions between formal reporting requirements and the actual practices of eldercare, as well as divergent local understandings of work, leisure, and hospitality in the North. The paper emphasizes the importance of reflexivity, ethical responsibility, and dialogicity in qualitative research, and advocates for the development of autoethnographic writing that integrates empirical fact, critical reflection, and narrative depth. The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

Keywords: autoethnography; autoethnographic beneficiation; qualitative methods; fieldwork; long-term care; Chukotka; subjectivity; reflexivity; social policy; aging; leisure

Author Bio:

Dmitry M. Rogozin — Candidate of Sociology, Head of the Laboratory for Field Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Senior Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. **E-mail:** rogozin@ranepa.ru. **RSCI Author ID:** 251544; **ORCID ID:** 0000-0001-7879-1111; **ResearcherID:** 1-8374-2015.

Received: 11.08.2025

Accepted: 07.10.2025

³ The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research programme.

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.2

EDN: NUPEGW

На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии

Ссылка для цитирования:

Пинчук О.В. На границе ролей: ролевая двойственность и лиминальное знание в полевой этнографии // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 33–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2> EDN: NUPEGW

For citation:

Pinchuk O.V. (2025) At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography. *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 33–55. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.2>

Пинчук Ольга Владимировна

Университет Фрибура,
Фрибур, Швейцария

E-mail: pinchuk_olya@list.ru

В статье предлагается переосмысление ролевой двойственности этнографа не как этической или методологической «проблемы», а как эпистемологического преимущества. Опираясь на концепцию «сценического порядка» Э. Гоффмана, я показываю, что исследователь неизбежно включен в поддержание совместной «сцены», внутри которой его позиция со-конструируется вместе с другими участниками. Такая перспектива позволяет заново взглянуть на классическую оппозицию «естественного» и «спровоцированного»: в повседневности «естественнное» предстает как результат постоянных согласований, а присутствие исследователя оказывается частью нормального хода вещей и не искажает его. На этом основании вводится понятие лиминального знания — знания, возникающего в переходах между участием и наблюдением, когда подвижные границы ролей и сами переключения становятся источником аналитической чувствительности. В статье выделяются три взаимосвязанных уровня рефлексии как формы присутствия: во-первых, методологическая (корректировка способов участия в ходе полевой работы); во-вторых, структурная (включенная объективизация социальных условий

познания в духе П. Бурдье); в-третьих, аналитическая (использование телесных, аффективных и практических переживаний исследователя как эмпирического материала). Эмпирическая часть опирается на полевое исследование труда на фабрике (работа упаковщицей и оператором) и показывает, как соблюдение нормы, изобретательность в условиях поломок и локальные формы солидарности становятся видимыми лишь изнутри участия, где исследователь одновременно действует и анализирует действие. В заключении предложена рабочая типология режимов участия: участник по опыту, участник в роли, участник по умолчанию, участник в роли по опыту, — позволяющая описать спектр промежуточных позиций между «инсайдером» и «аутсайдером». Теоретический вклад статьи заключается в операционализации лиминального знания через систематическую рефлексию и в переопределении валидности этнографического знания как прозрачности и осмыслинности переходов между ролями.

Ключевые слова: этнография; ролевая двойственность; рефлексия; лиминальное знание; инсайдерство; аутсайдерство; сценический порядок; участие; наблюдение

Введение: дистанция и вовлеченность в этнографии

Этнографическое исследование сочетает аналитическую чувствительность к смысловым и практическим аспектам социальной жизни [Geertz, 1973; Burawoy, 1998] с методологической и организационной сложностью [Hammersley, Atkinson, 2007]. Оно обладает высокой эвристической силой в понимании повседневных практик [Geertz, 1973; Emerson, Fretz, Shaw, 2011], но требует от исследователя особой вовлеченности и способности выстраивать доверительные отношения в поле [Spradley, 1980; Hammersley, Atkinson, 2007; DeWalt, DeWalt, 2011].

Однако познавательная ценность этнографии постоянно переосмысляется [Clifford, 1986; Hammersley, Atkinson, 2007; O'Reilly, 2009]. Несмотря на путь, который прошли социальные науки: от представления об этнографе как об «объективном наблюдателе» [Hammersley, Atkinson, 2007: 1–3] до рефлексивного поворота [Clifford, 1986; Krause, 2021] и последовавшего за ним «кризиса рефлексивности» [Young, 2014: 279–281], — дилемма «наблюдатель и/ или участник» остается центральной [Pink, 2015; Fine, Abramson, 2020; McGranahan, 2020; Bayeck, 2022; Forberg, Schilt, 2023; Yip, 2024; Seim, 2024].

Эта дилемма, или, точнее, особенность этнографии, может быть обозначена как *ролевая двойственность*. Исследователь всегда так или иначе вовлечен в социальную реальность, будучи сам ее продуктом [Berger, Luckmann, 1966], но степень, форма и практики этой вовлеченности различны. Наиболее остро ролевая двойственность проявляется там, где исследователь берет на себя роль, близкую своим информантам: например, Майкл Буравой работал на конвейере [Burawoy, 1982], Лоик Вакан тренировался как боксер [Wacquant,

2004], Кирстен Хаструп участвовала в сельских работах, живя среди рыбаков [Kolankiewicz, 2005: 342]. Однако даже если исследователь не берет на себя конкретную роль, он неизбежно опирается на собственный социальный опыт, нередко схожий с опытом информантов¹, что также делает его участником социальных процессов и действий.

В современной методологической литературе ролевая двойственность трактуется по-разному. В одних работах она рассматривается как этическая проблема, возникающая при совмещении ролей исследователя и участника (волонтера, социального работника, преподавателя), когда двойная позиция одновременно расширяет доступ к полю и усиливает риск вмешательства [Mercer, 2007; Watts, 2010; Bell, 2019]. В других — как вопрос положения исследователя в поле, связанный с устойчивым напряжением между двумя противоположными позициями — «быть своим» и «быть чужим», — на которое влияют биография, социальный опыт и отношения неравенства между исследователем и участниками [Mullings, 1999; Dwyer, Buckle, 2009; Råheim et al., 2016]. Нередко ролевую двойственность описывают и как практическую ситуацию, свойственную исследователям-практикам, когда совмещение ролей становится частью самой исследовательской работы [Coghlan, 2007; Robey, Taylor, 2018; Ryder, 2021]. В методологической перспективе этот термин описывает способ регулирования степени вовлеченности — перемещение между позициями «полного участника» и «полного наблюдателя»² [Gold, 1957; Hammersley, Atkinson, 2019]. В рефлексивных подходах двойственность понимается как динамическое состояние, побуждающее исследователя пересматривать собственную позицию [Davies, 2008; Bukamal, 2022; Yip, 2024]. В отличие от множества работ, трактующих ролевую двойственность как этическую или методологическую проблему, я рассматриваю ее не как проблему, а как эпистемологическое преимущество.

В этнографии аналитически различаются несколько типов знания, не сводимых друг к другу и описывающих разные регистры исследовательского опыта. Во-первых, это *эксплицитное знание* — концептуально оформленное, поддающееся вербализации и включенное в теоретические описания и интерпретации (*thick description* у К. Гирца; аналитическое описание у М. Хаммерсли и П. Аткинсона). Во-вторых, *неявное (tacit) знание*, которое имеет место «на фоне» практики: оно проявляется в узнаваниях, телесных навыках, чувстве

¹ Это особенно заметно в российском контексте, где исследователей с их полем часто связывает общий (пост)советский опыт, который, в свою очередь, создает эффект узнавания, но одновременно мешает замечать «само собой разумеющееся». Илья Утехин в интервью «Арзамасу», отвечая на вопрос о том, как ему удавалось дистанцироваться от поля, чтобы смотреть хотя бы чуточку со стороны, ответил: «Фактически я попытался взглянуть на повседневность взглядом иностранца, который, конечно, несколько замутнен отрывочными представлениями из области общественных наук, но не слишком» [Утехин, 2023]. Далее я обозначу такую позицию как «участник по умолчанию».

² В данном случае речь идет о классической проблеме «степени вовлеченности» — спектре исследовательских позиций от «полного участника» (полностью включенный, действующий как «свой») до «полного наблюдателя» (внешний наблюдатель, не связанный с изучаемой средой и никак не участвующий). Эта типология сформулирована Р. Голдом в 1958 году, а затем детально разработана у М. Хаммерсли и П. Аткинсона в популярном издании «Этнография: принципы на практике» (первое издание было опубликовано в 1983 году).

уместности, профессиональной интуиции и принципиально не может быть полностью выражено словами; по М. Полани, мы всегда «знаем больше, чем можем сказать» [Polanyi, 2009]. В-третьих, *практическое знание-как* (*knowing how*), которое относится не к скрытым интуициям, а к способности выполнять действия, осваивать операции и решать задачи через участие в практике; оно закрепляется в умении действовать, а не в способности формулировать правила [Ryle, 2000]³. В-четвертых, *телесно-чувственное* (*embodied/ sensory*) знание, возникающее через телесное вовлечение, восприятие, аффекты и ритмы действия [Csordas, 1994; Pink, 2015]. Наконец, можно выделить *ситуационное знание*, возникающее в порядке взаимодействия, которое производится внутри сценического порядка и поддержания совместной «сцены» [Goffman, 1959].

Между этими регистрами не существует жестких границ: в полевой работе исследователь постоянно перемещается между вербализуемым, неявным, практическим, телесным и ситуационным уровнями опыта. Поэтому мой аргумент заключается в том, что знание в этнографии рождается не вопреки двойственности, а благодаря ей — в переходах между участием и наблюдением, между «естественностью» и «спровоцированностью» ситуаций, между дистанцией и вовлеченностью, между тем, чтобы быть «инсайдером» или оставаться «аутсайдером», — то есть и в том числе между разными регистрациями познания. Для аналитического обозначения именно этого переходного слоя производства знания я ввожу понятие *лиминального знания*⁴, которое возникает на фоне и в результате накопления исследовательского опыта, а именно в переключениях между участием и наблюдением, когда, во-первых, исследователь одновременно действует и анализирует свое действие; во-вторых, когда границы этих режимов подвижны; и, наконец, когда сама динамика переходов становится источником аналитической чуткости⁵.

Поскольку этнографическая работа разворачивается в переходах между участием и наблюдением, знание формируется не в устойчивых фиксированных позициях, а в процессе переходов между ними. В дальнейшем я последовательно анализирую три связанных аспекта: исторические корни проблемы ролевой двойственности и ее связь с объективистскими основаниями социальных

³ У М. Полани *неявным* является именно способ присутствия знания в опыте (оно опознается, но не проговаривается), тогда как у Г. Райла принципиально различается не явность знания или его присутствие «на фоне практики», а логический статус *знания-как* и *знания-что*: первое существует как умение действовать, а не как скрытое высказывание о мире [Polanyi, 2009; Ryle, 2000].

⁴ В отечественной социальной науке сходную логику движения между практикой и аналитическим осмыслением развивал Т. Шанин в концепции «двойной рефлексивности» [Shanin, 1990; Shanin; 1994], где знание возникает в постоянном переходе между вовлеченным участием в социальной реальности и ее теоретическим переосмыслением. В отличие от этого подхода, фокус моего анализа смешен с макросоциальной и исторической рефлексии к микропроцессам этнографического участия: телесному присутствию, сценическим взаимодействиям и повседневным переключениям между действием и наблюдением. Поэтому лиминальное знание в данной работе описывает прежде всего опытно-полевую, ситуативную и телесно укорененную форму рефлексивного познания.

⁵ При этом опыт в данном понимании не тождествен знанию. Опыт выступает как исходный материал, однако сам по себе он еще не является знанием в строгом эпистемологическом смысле. «Превращение» опыта в знание требует работы по его фиксации, аналитической обработке, экспликации и сопоставлению с другими источниками.

наук; «сценическую» природу исследовательского участия в терминах Эрвинга Гоффмана; и формы исследовательской рефлексии, показывающие, как опыт участия становится источником знания.

Именно в этих переходах — между действием и анализом — формируется то, что я называю лиминальным знанием.

Проблема ролевой двойственности

Природа ролевой двойственности остается методологически противоречивой. С одной стороны, исследователи задаются вопросом, как участие влияет на поле — на сбор данных, их интерпретацию, анализ, публикации [Kim, Levitan, Kirsch, 2023; Forberg, Schilt, 2023; Seim, 2024]. С другой стороны, вовлеченность рассматривается как ресурс: если не познавательный, то по крайней мере практический, поскольку она облегчает доступ в поле и построение доверительных отношений [Bayeck, 2022; Watson, Lupton, Michael, 2022].

Корни проблемы уходят в позитивистские основания социальных наук, где вера в возможность объективности и невовлеченного наблюдения была исходной точкой [Atkinson, 2014; Hammersley, Atkinson, 2019]. С осознанием неизбежности влияния исследователя на поле [Denzin, 2018] усилились и попытки его устраниТЬ или нейтрализовать [LeCompte, Schensul, 2010; Calvey, 2017; Kim, Levitan, Kirsch, 2023; Watson, Lupton, Michael, 2022].

Уже классические этнографы сталкивались с эффектами двойственности: например, публикация дневников Бронислава Малиновского⁶ выявила, как эмоциональная вовлеченность и участие сосуществовали с представлением об объективном наблюдателе [Young, 2014: 288]. Малиновский, оставаясь «чужим», был непосредственным участником и тем не менее продолжал верить, что исследователь должен «дать фактам говорить самим за себя» [Malinowski, 1922: 15].

В социологии исследователи Чикагской школы первыми заявили о необходимости личного участия в жизни изучаемых сообществ [Adler, Adler, 1987: 3]. Уже тогда встал вопрос: насколько глубоко можно включаться, чтобы не потерять аналитическую дистанцию? Появилась метафора *becoming native (going native)* — риск стать «своим» и таким образом утратить способность видеть аналитически [Adler, Adler, 1987]. Исследователь как будто разрывался между двумя полюсами: с одной стороны, социальные взаимодействия вовлекали все глубже, с другой — академическая логика возвращала к необходимости удерживать исследовательскую позицию.

Это напряжение затрагивает и идентичность ученого: желание не «слишком вживаться» отражало страх потерять связь с академическим полем.

⁶ Личные дневники Бронислава Малиновского были впервые опубликованы посмертно в 1967 году под заголовком *A Diary in the Strict Sense of the Term*. Их выпустила вдова Малиновского, Валетта Свэнн, с предисловием Рэймонда Фирта. Сами записи включали заметки, которые Малиновский вел во время полевых работ в 1914–1915 годах и 1917–1918 годах в Новой Гвинее и на островах Тробриан.

Например, Дэвид Хаяно, изучая игроков в покер, признался, что чувствовал себя комфортнее за игровым столом, чем в университете [Hayano, 1982: 149]. За несколько лет полевой работы он стал признанным игроком — и, тем не менее, он стал не «только игроком»: по завершении поля работа с дневниками и над будущей книгой помогли ему дистанцироваться и вернуть аналитический взгляд.

Пример Хаяно показывает, что двойственность может быть описана не как состояние, подлежащее устраниению, а как неизбежный режим работы исследователя: да, она требует осмысления, но не выступает как техническая «проблема», имеющая методическое решение. Напротив, она встроена в саму логику полевой работы.

Эверетт Хьюз писал, что исследователь всегда находится «на границе» социальных миров: «Хорошая социология всегда является маргинальным феноменом» [Hughes, 1993: 529]. Для него «бесконечная диалектика между ролью члена и чужака» — существенное условие полевой работы [Hughes, 1993: 502].

Таким образом, с одной стороны, напряженность ролевой двойственности является устойчивой частью этнографической практики, однако, с другой стороны, представление о ней как о «проблеме, которую необходимо решать», во многом сконструировано внутри самой науки и связано с тем, как ученые понимают процесс познания и его ограничения.

Между наблюдением и действием

Вопрос о ролевой двойственности неотделим от другой классической дилеммы — различия между «естественным» и «спровоцированным» в поле [Monahan, 2010]. Уже ранние этнографы стремились различать то, что «происходит само», и то, что возникает в ответ на присутствие исследователя [Fine, 1993]. Но, как показывает опыт, это различие неустойчиво: в реальной полевой ситуации «естественное» поведение формируется в ответ на это присутствие.

Кирстен Хаструп, анализируя собственное исследование в Исландии, предложила понятие *этнографического настоящего* — времени и пространства совместного существования исследователя и участников, где мир не открывается как «иной», а временно собирается по-новому [Hastrup, 1990: 45–61]. Для Хаструп это особое, лиминальное состояние между культурами — ее собственной и культурой тех, среди кого она живет в поле.

Она описывает, как постепенно «вписывала себя» в распорядок дня и телесную рутину деревенской жизни — доение коров, засолку рыбы, участие в других заготовках: «Я узнала, что утренний холод, тяжесть ведра и запах скисшего молока — это не просто обстоятельства, а способ быть во времени этого места» [Hastrup, 1995: 117–119]. Здесь телесность — это форма становления в поле, когда исследователь начинает чувствовать ритм жизни сообщества через физическое участие.

Из этого опыта вытекает важный методологический вывод: граница между «естественным» и «спровоцированным» не просто размыта — она перестает быть аналитически продуктивной. Этнограф живет в режиме *двойного присутствия*: он участвует в создании социального мира и одновременно наблюдает, как этот мир создается другими.

Такое двойное присутствие делает понятие *естественного контекстуального*. Оно не обозначает некую автономную реальность, существующую независимо от исследователя, а указывает на форму совместного действия, в которой его присутствие становится частью нормального хода вещей. В поле, где исследователь живет, работает и разговаривает с другими, его поведение включается в систему взаимных ожиданий и оценок — в саму структуру повседневности.

Когда Хаструп помогает с тяжелой работой, участвует в деревенских собраниях, праздниках или похоронах, она чувствует себя одновременно внутри и вне происходящего. Присутствие этнографа часто приводит к возникновению лиминального пространства: невозможно быть полностью «внутри», потому что сама его роль всегда немного отличается; и невозможно быть полностью «вне», потому что участие вовлекает телесно и эмоционально.

В этом смысле «естественное» поведение других не существует без исследователя: его присутствие становится частью общего взаимодействия, которое все вместе поддерживают. Как показал Г. Гарфинкель [Garfinkel, 1967], нормальность — это не фон, а эффект усилий по ее поддержанию: таким образом, «естественное» становится продуктом постоянных «согласований», а не их исходной предпосылкой.

Следовательно, в этнографическом смысле естественное — это не свойство реальности, а результат совместного труда по ее воспроизведству. Оно поддерживается множеством мелких действий и реакций, в которых участвует каждый — включая исследователя. Это делает возможным лишь одно существенное различие: между *намеренно инсценированным* и совместно поддерживаемым. В первом случае исследователь задает сценарий и контролирует границы (как в эксперименте); во втором — он включен в совместное действие, где «сценарий» устанавливается коллективно.

Можно заключить, что этнографическое участие погружает исследователя в лиминальную ситуацию — состояние между наблюдением и действием, между отстраненностью и включенностью. Здесь «естественное» и «спровоцированное» не противопоставлены, а поддерживают друг друга: присутствие исследователя не нарушает естественный ход вещей — оно и есть его часть.

Таким образом, поле не существует как «естественная среда», к которой исследователь просто присоединяется: оно собирается заново в каждом действии, где наблюдение и участие взаимно формируют друг друга. Если у Хаструп эта взаимность осмысливается через телесное присутствие и чувственный опыт, то у Гоффмана, на которого я опираюсь дальше, она проявляется в самой структуре социального взаимодействия — в ролевых отношениях, которые делают совместное действие возможным.

Участие как сценическое взаимодействие

Понятие ролевой двойственности описывает общую ситуацию исследовательского участия, а «сцена» (в гоффмановском смысле) позволяет рассмотреть, как именно это участие разыгрывается в повседневных взаимодействиях. Любое социальное взаимодействие по Гоффману организовано как сценическое представление: люди не просто действуют, они разыгрывают себя перед другими, управляя впечатлениями и подстраиваясь под контекст и аудиторию [Goffman, 1959: 252–253]. Это касается и исследователя, который, начиная работать в поле, неизбежно становится частью этого сценического порядка. Его «роль» формируется не только исследовательской задачей, но и реакциями других, которые вместе с ним поддерживают общий ритуал взаимодействий [Goffman, 1959: 79]. Исследователь, как и другие участники, действует в разных ролях, становясь частью «группы», совместно поддерживающей согласованный порядок и образ реальности [Goffman, 1959: 79, 253].

Любое действие, нарушающее этот порядок, воспринимается как угроза и подрывает то, что Гоффман называл «порядком выражений» (*expressive order*) [Goffman, 1959: 13]. Разрывы в тонкой, но цельной социальной ткани возможны лишь в специально сконструированных вмешательствах, например в гарфинкелевских экспериментах по нарушению норм взаимодействия [Garfinkel, 1967]. Этнограф же, напротив, не может позволить себе такие сбои: он уже встроен в происходящее и сам участвует в поддержании сценического порядка. Любое сознательное нарушение этого порядка разрушило бы не только общую сцену, но и его собственную роль в ней.

Тем не менее «разрывы» случаются и без намерения исследователя. Его участие в поле всегда несколько отличается от участия других. Эта инаковость заложена в самой логике полевого взаимодействия: этнограф остается фигурой, слегка отличающейся от других, как минимум потому, что он не только «участник», но и «наблюдатель». К тому же большинство исследователей попадает в контексты, которые для них новы. В роли новичка этнограф вынужден учиться быть членом группы и осваивает это через знакомые формы поведения. Так он не столько конструирует новую роль, сколько адаптирует прежние модели действий, чтобы вписаться в общий порядок взаимодействий⁷.

Поддержание гоффмановского порядка — не только социальное, но и аналитическое условие. Именно в совместном поддержании сцены «рождаются»

⁷ Современные исследователи возвращаются к гоффмановской метафоре сцены, но расширяют ее за пределы ролевого взаимодействия — включают телесное, аффективное и технологическое измерения участия. Сара Пинк мыслит поле как чувственную среду, где восприятие, движение и телесная сонастройка становятся частью самого процесса познания [Pink, 2015]. Аманда Коффи показывает, что исследовательская идентичность не предшествует полю, а разыгрывается в нем как серия актов самоописания и самонаблюдения [Coffey, 1999]. Томас Стодулка рассматривает эмоциональную вовлеченность ученого как форму исследовательского труда, показывая, что она становится частью данных [Stodulka, 2015]. Как пишут Кэрол Роджерс-Шоу, Джинхи Чхве и Дэвин Карр-Челлман, управляемый эмоциональный труд — часть сценического порядка [Rogers-Shaw, Choi, Carr-Chellman, 2021]. Джилл А. Фишер и Торин Монахан добавляют, что участие и эмоциональное взаимодействие исследователя и участника совместно формируют знание [Fisher, Monahan, 2023]. Все это позволяет утверждать, что участие исследователя перестает быть лишь методом и становится способом знания — формой, которую я называю лиминальным знанием.

данные: исследователь наблюдает не «объективную реальность», а то, как она воспроизводится участниками, включая его самого. Это меняет и понимание валидности этнографического знания. В позитивистской логике достоверность достигается через дистанцию и контроль над влиянием, здесь же она основана на прозрачности описания сценических поддержек — тех практик, которые делают наблюдение возможным.

Таким образом, «сцена» — это не просто метафора, а реальное пространство, в котором исследователь, как и другие участники, ежедневно заново определяет свое место и роль. Именно здесь становятся видны разные формы участия — от адаптации к нормам до их осторожного нарушения. Эти формы можно наблюдать в конкретных примерах полевой работы — именно в них проявляется переходность исследовательской позиции, когда участие становится наблюдением, а наблюдение — формой участия. Именно эта переходность и лежит в основе того, что я называю лиминальным знанием.

Ролевые репертуары в полевой работе

Механизмы ролевой адаптации и сценического взаимодействия становятся особенно заметны в конкретных ситуациях полевой работы. Ниже я анализирую эпизоды из собственного исследования труда на фабрике⁸, где динамика участия и дистанции проявляется наиболее ясно — не как абстрактная дилемма, а как ежедневное практическое движение между разными позициями.

В первые месяцы работы мои коллеги из университетской лаборатории, где я тогда числилась научным сотрудником, советовали устроить небольшую провокацию, чтобы «проверить реакцию», например, во время смены сказать: «Я больше работать не буду! Не хочу и все!», или в курилке начать призывать к бойкоту начальства.

На фабрике, где я работала упаковщицей и оператором, оборудование было изношено, и эти проблемы постоянно обсуждались. Рабочие жаловались, что машины ломаются, что начальству все равно, что работать из-за этого тяжело. В курилке разговоры об этом звучали почти ежедневно. Возникал вопрос: почему, осознавая проблему, рабочие продолжают работать, не предпринимая коллективных действий? Так что подобная провокация, вероятно, позволила бы увидеть, где проходят границы допустимого поведения и как быстро рушится согласованный порядок. Но на практике я не могла этого сделать. Я уже заняла определенное место на «сцене»⁹: на фабрике меня знали как ответственную и старательную работницу, мне помогали и учили как

⁸ По результатам этого исследования опубликована книга и несколько статей [см. Пинчук, 2018; 2021; 2022]. Полевая работа длилась с августа 2016 года по август 2017 года на подмосковной конфетной фабрике IRISKI (название изменено).

⁹ Важно подчеркнуть, что данным примером я не стремлюсь показать, что «сценическое взаимодействие» и, как следствие, лиминальность положения социального исследователя раскрываются только в длительном наблюдении. Как уже было сказано выше, это в целом свойственно работе социального исследователя: он всегда остается частью общества. Поэтому даже когда исследователь приходит брать интервью, он становится частью «сценического взаимодействия».

новенькой. Любое действие, разрушающее этот образ, означало бы «сорвать спектакль» — нарушить ту ролевую целостность, которую поддерживали другие, и потерять доверие, на котором держались наши отношения.

Этот эпизод показывает, что *доверие в поле* — не внешнее условие доступа, а внутренний элемент сценического порядка. Оно не только открывает возможность взаимодействия, но и структурирует саму сцену, задавая границы допустимого для исследователя.

Тогда мне казалось, что дело просто в этике, — не хотелось провоцировать конфликт или разочаровывать людей. Позже я поняла две вещи. Во-первых, то, как я себя вела и как «зарекомендовала», было следствием не столько исследовательской прагматики, сколько моих привычных репертуаров представления себя — того, что Гоффман называл *performance*, управлением впечатлением, которое производишь на других. В обычной жизни мне важно, чтобы меня воспринимали как ответственного и надежного человека, и в отношениях на фабрике я воспроизвела тот же образ, выражая через поведение то, что Гоффман называл официально признаваемыми ценностями общества [Goffman, 1959: 35].

Во-вторых, заработав репутацию «ответственной» коллеги, я уже не могла совершить действия, которые перечеркнули бы этот образ. Это было не столько проявлением исследовательской осторожности, сколько внутренней зависимостью от сценического порядка: нарушить его означало бы разрушить не только собственную роль, но и само совместное представление. Я не боялась потерять доступ к полю — я боялась подвести коллег, «сорвать спектакль», поскольку я «играла вместе» с остальными — в спектакле ответственных, находчивых рабочих, которые жалуются на начальство за спиной, но при этом чинят машины и гордятся своей смекалкой.

Исследовательская роль формируется не произвольно, а через воспроизведение нормативных образов, признанных в данном контексте. Поле не только раскрывает индивидуальные качества исследователя, но и дисциплинирует их, превращая привычные ролевые репертуары в условие участия. Однако адаптация к полю не равна пассивному следованию нормам. Иногда она принимает форму инициативы или несогласия, которые тоже встроены в общий порядок взаимодействий. Устав от постоянных поломок машин и видя бездействие коллег, я решила действовать сама и, используя компьютер в цехе, стала писать электронные письма руководству — объясняя, что не так с оборудованием и какие меры необходимы. Сначала мои действия вызывали недоверие, но, когда они начали приносить результат, коллеги подключились и начали помогать писать письма. Этот сдвиг показывает, что границы допустимого участия не заданы заранее: они формируются в процессе взаимодействия и могут расширяться вместе с изменением коллективных ожиданий. Таким образом, инициативность исследователя — не вмешательство «извне», а одна из форм участия в сцене. В ходе полевой работы она становится частью совместного порядка, если вписывается в его ритм и язык.

Не всякая инициатива вызывает одобрение, но несогласие не обязательно разрушает сцену. Примером может служить наблюдение социолога Андрея

Алексеева¹⁰. Он устроился на завод наладчиком координатно-револьверного пресса, который не использовался уже год. Алексеев пытался восстановить работу пресса, поскольку иначе у него совсем не было бы работы, а он не понимал, как это — сидеть без дела. Алексеев писал письма администрации и требовал вызвать специалиста. Его активность смущала коллег, но в итоге пресс был отремонтирован и запущен. Эти действия могли выглядеть как нарушение порядка, но фактически оставались внутри общей логики производственных отношений.

Действия Алексеева можно интерпретировать не как сознательную «исследовательскую провокацию», которая, скорее, была проявлением его личных ролевых привычек — готовности действовать, если что-то идет не по регламенту. Его «спектакль» отличался от моего: он играл роль работника, не желающего мириться с тем, что сам называл «разгильдяйством», и тем самым воспроизвождал другой сценарий допустимого участия. Какими бы ни были ролевые репертуары этнографа и социального ученого, он не просто наблюдает «спектакль» — он становится одним из актеров, чье присутствие помогает удерживать сцену.

Эти случаи показывают, что исследовательское знание рождается не из фиксации стабильных ролей — поскольку никогда не ясно, что именно и как следует зафиксировать, — а из самой работы с их границами. Поле — не только пространство наблюдения, но и лиминальное состояние, где исследователь постоянно перемещается между действием и анализом, между вовлеченностью и дистанцией. Однако это еще не объясняет, как именно такое знание возникает. Сам по себе опыт перехода — участие, переключение, колебание «между» — не превращается в анализ автоматически. Чтобы лиминальное положение стало пространством познания, исследователь должен осмысливать эти смещения, фиксировать их и придавать им форму. Именно этот процесс — многоэтапная работа по осмыслинию, фиксации и аналитическому преобразованию опыта — и есть то, что в современной методологии обозначается как рефлексия.

Рефлексия как форма присутствия в поле

Если принять гоффмановскую перспективу, участие исследователя в поле не оставляет сомнений в том, что он влияет на происходящее. Однако это влияние не уникально: оно соизмеримо с тем, как любое взаимодействие влияет на его участников. Поле — не статичная сцена, а постоянно воспроизводимое

¹⁰ Ранее я подробно разбирала случай Андрея Алексеева в другой статье [см. Пинчук, 2022] и в своей диссертации [Пинчук, 2025]. Алексеев работал на советском предприятии в Ленинграде в 1980-е годы, ведя дневник наблюдений. Его полевая работа, продолжавшаяся около восьми лет, стала скорее частью его жизненного пути, нежели ограниченным исследовательским проектом. В процессе этой работы он стремился внести вклад в развитие методологии, обосновывая свой подход, который называл «наблюдающим участием». Центральное место в нем занимали «моделирующие ситуации» — ситуации, организованные самим исследователем на основе естественных предпосылок с целью «обнажения» или «заострения» наблюдаемого социального явления или процесса [Алексеев, 2003].

пространство отношений, где люди уточняют границы допустимого, реагируют друг на друга, подтверждают или пересматривают свои роли. Исследователь вовлечен в этот процесс: его действия становятся частью общего ритма, он сам постепенно встраивается в контекст и со временем перестает быть внешним по отношению к нему. Поэтому следующий вопрос — эпистемологический, он звучит уже не как методологическое сомнение — влияет ли исследователь на поле, — а как вопрос о том, что именно превращает это влияние в знание.

В предыдущем разделе я показала, что участие в поле всегда ролевое, а исследователь включается в сценический порядок, где доверие, дисциплина и совместное представление поддерживают общую игру. Однако одно лишь участие, каким бы глубоким оно ни было, не превращается в знание само по себе. Вслед за К. Дэвис [Davies, 2008], А. Коффи [Coffey, 1999] и П. Бурдье [Bourdieu, 2003] я понимаю рефлексию не как единичный акт «перевода» опыта в анализ, а как многоуровневую аналитическую работу, включающую одновременно методические коррекции, объективацию собственной позиции и использование пережитого как эмпирического материала. Чтобы опыт стал анализом, необходима рефлексия — то, что переводит его из сферы действия в сферу понимания. Рефлексия — это не надстройка над эмпирическим материалом, а условие, без которого участие исследователя остается лишь проживанием повседневности.

Публикация дневников Бронислава Малиновского в каком-то смысле запустила осознание этой проблемы. По выражению Майкла Янга, она вызвала «кризис совести в антропологии» [Young, 2014]. Эти записи показали, что фигура исследователя не может быть нейтральной: за внешней методической сдержанностью всегда стоят эмоции, сомнения, раздражение и привязанности. К концу 1960-х годов в антропологии, и в социологии возникла потребность пересмотреть основания научного знания, поставив в центр не наблюдение, а позицию наблюдателя.

Так в социальных науках оформилось понятие *рефлексивность*. Изначально оно трактовалось сравнительно узко — как внимательность к предвзятым, ошибкам интерпретации и влиянию личности на материал [Becker, 1958]. Постепенно акцент сместился: от фиксации ошибок — к анализу телесности, эффектов, нарративов исследователя [Clifford, Marcus, 1986]. В последние десятилетия центр тяжести снова сместился от интроспекции к исследованию структурных условий, в которых производится знание [Bourdieu, 2003; Krause, 2021]. Тем самым рефлексия перестает быть жестом самоконтроля и становится формой присутствия — способом превращать участие в познание.

Несмотря на разнообразие подходов, в современной методологии можно выделить три взаимосвязанных уровня работы с рефлексией: методологический, структурный и аналитический. Вместе они образуют не последовательность, а динамику — разные точки, между которыми движется исследователь, превращая опыт участия в знание.

Методологическая рефлексия: реакция и корректировка

На первом уровне рефлексия выступает частью метода. Речь идет не о постфактум-описании, а о постоянной работе с собственными решениями, реакциями и дистанцией. Следя за тем, как складываются отношения в поле, исследователь уточняет ритм наблюдения, степень вовлеченности, форму взаимодействия [Becker, 1958; Rubinstein, 2012].

В начале моей полевой работы я была упаковщицей в цехе, где упаковывали ириски. Я знала, что со временем перейду на должность оператора и буду закреплена за одной машиной. Наблюдая за тем, как изо дня в день воспроизводятся мои статус и роль, я заметила, что, будучи упаковщицей, я физически уставала сильнее, но оставалась более подвижной — могла общаться с разными людьми, видеть разные участки производства, включаться в разные ситуации. Это расширяло спектр наблюдений и помогало удерживать исследовательскую перспективу. Поэтому при первой возможности я вызывалась помогать в другие цеха.

В этом решении не было заранее спланированной стратегии. Оно рождалось из рефлексии и наблюдения за тем, как складываются мои позиции в поле и что именно делает возможным более широкое видение происходящего. Как отмечал Говард Беккер, «участник-наблюдатель может увидеть, как поведение [других] меняется по мере изменения ситуации, и наблюдать процессы, посредством которых происходят эти изменения» [Becker, 1958: 653]. Этот сдвиг от фиксации событий к осмысливанию собственных действий и решений превращает участие в инструмент анализа. Рефлексия здесь выступает не как контроль, а как способ адаптации — форма движения между участием и наблюдением, когда исследователь учится управлять самим процессом включенности.

Структурная рефлексия: объективация позиций

Второй уровень смещает внимание с методических решений на саму позицию исследователя. Пьер Бурдье вводит понятие включенной объективации (participant objectivation) — анализа социальных условий, которые делают возможным сам акт познания [Bourdieu, 2003: 282]. Исследователь должен направлять взгляд не только на «объект», но и на категории, институты и формы власти, через которые он видит этот объект.

Бурдье показывает, что анализ невозможен без осмысливания собственного социального положения. Он сопоставляет свои полевые исследования в Кабилии с наблюдениями в родной деревне Беарна и приходит к выводу, что категории, через которые он описывал кабильское общество, — представления о чести, родстве, мужской власти — выросли из тех же социальных структур, внутри которых формировалось его собственное мировоззрение. Тем самым Бурдье обнаруживает, что академический взгляд на «другую культуру» никогда не бывает нейтральным: он опирается на те же иерархии пола, класса и образования, которые исследователь пытается анализировать.

Речь идет не просто о личных предвзятостях, а о социальных условиях возможности самого научного познания [Bourdieu, 2003: 287–290]. Такой подход выводит рефлексию за пределы индивидуального самоанализа: он позволяет рассматривать, какие структурные силы — гендерные, институциональные, политические — встраивают исследовательский взгляд в определенный режим видимости.

В моей полевой работе это проявлялось в постоянных попытках понять, как мой собственный социальный опыт — в частности, отсутствие личного опыта фабричного труда, — влияет на то, что и как я замечаю. Я фиксировала в дневнике, что особенно тяжело переносилаочные смены и ощущала этот график как физически изнуряющий и нечеловеческий. Но, наблюдая за тем, как мои коллеги по бригаде спокойно выходят вочные смены и поддерживают привычный ритм, я поняла, что они переживают этот режим иначе — и эмоционально, и телесно. Для меня же это был первый опыт жизни по производственному расписанию, и потому сам мой способ ощущать время и усталость был частью моего социального положения как исследовательницы, пришедшей «со стороны». Рефлексия здесь перестает быть личным актом; она становится способом анализа самой науки как поля власти, где условия познания — гендер, класс, профессиональный статус — определяют, что именно можно увидеть и назвать знанием.

Аналитическая рефлексия: опыт участия как материал анализа

Третий уровень рефлексии превращает личный опыт в эмпирический материал. Здесь исследователь использует собственные чувства, телесные реакции, вовлеченность и эмоциональные колебания как источник понимания — как способ видеть социальные смыслы изнутри.

В феноменологической традиции рефлексия укоренена в телесном и чувственном опыте [Csordas, 1994; Katz, 1999]: переживание становится формой познания. Кирстен Хаструп показывает, что участие в повседневных ритмах — холод, усталость, запах рыбы и молока — позволяет уловить, как из телесного опыта рождаются культурные значения [Hastrup, 1992]. В pragmatической традиции Майкл Буравой благодаря своему участию в производственном процессе в роли рабочего смог увидеть механизм воспроизводства власти и согласия [Burawoy, 1982: 80]. А Лоик Вакан, исследуя боксерский зал, соединил социологический анализ Бурдье с телесной вовлеченностью¹¹: боль, усталость и физическая дисциплина стали способом понять, как через практику тела воспроизводятся социальные различия и гендерные иерархии [Wacquant, 2004]. Во всех примерах аналитическая чувствительность рождается не на дистанции, а в момент самого участия.

¹¹ Лоик Вакан связывает свою «телесную» социологию с феноменологией М. Мерло-Понти, где знание рождается не «о теле», а из тела — в непосредственном, телесно переживаемом действии, возникающем в конкретных ситуациях и отношениях. Соединяя феноменологический интерес к телесному опыту с бурдьезианским понятием «габитус» (habitus), Вакан развивает подход, который сам называет «энактивной этнографией» [Adloff, Wacquant, 2015; Wacquant, 2005].

Майкл Буравой, работая на заводе Allied токарем, заметил, что выполнение нормы превращается в локальную «игру» (*making out*) с собственными правилами. «Сделать норму» — это не просто выдать нужное число деталей, а выстроить сеть взаимных уступок и негласных соглашений: как распределить заказы, кого подстраховать, как не «испортить расценку»¹². Здесь конкуренция переплетена с координацией: рабочие одновременно меряются выработкой и договариваются о «честных» оценках и помощи. Участие в этой игре показало ему, что власть не существует вне производственного процесса — она вплетена в ткань повседневности. Пока он сам «гнал норму», торговался за «справедливую» оценку и переживал удачные и провальные смены, становилось ясно, что согласие не навязывается извне, оно воспроизводится в самой игре, где выполнение плана становится знаком профессиональной чести, а подчинение — формой соучастия [Burawoy, 1982: 51–73].

Мой собственный опыт полевой работы на фабрике также показывает, как участие становится способом анализа. В начале работы я переживала этот ритм с ночных сменами как насилие над телом и временем человека. Но для моих коллег заводской ритм не имел столь выраженного драматического характера: он стал частью их телесного распорядка, который структурировал не только труд, но и повседневную жизнь. Циклично сменяющиеся графики — утренние, вечерние,очные смены — определяли режим сна, питания, даже способы проведения времени с детьми. Это подчинение темпоральности завода создавало особые формы зависимости от предприятия и влияло на отношение рабочих к месту, где они трудились.

Когда, в своем поле, я стала оператором упаковки и отвечала за собственную машину, я увидела, как солидарность формируется вокруг поломки машины. Изношенное оборудование и давление начальства рождали не только недовольство и усталость, но и особую креативность рабочих: умение чинить «на ходу», обмениваться решениями, поддерживать друг друга. Эти практики одновременно воспроизводили иерархию — кто «лучший оператор», кто «смекалистее» — и создавали чувство коллективной компетентности, гордости за «свою» бригаду.

Рефлексия здесь становится способом видеть участие изнутри: превращать собственный опыт в материал анализа. Как и у Буравого, аналитическая чувствительность рождается в моменты смещения — когда действие переходит в наблюдение, а проживаемое превращается в знание.

Обобщая вышесказанное, отмечу, что выделенные три уровня рефлексии можно рассматривать как разные фазы одного движения — от корректировки действий (методологическая) через анализ структурных рамок (структурная) к использованию собственного опыта как материала анализа (аналитическая). Вместе они описывают не линейную последовательность, а циркуляцию между позициями, ту самую лиминальную динамику, в которой вовлеченность превращается в знание. На практике эти уровни переплетаются: исследователь

¹² Если кто-то вырабатывал сверх нормы, он «портил расценки» (*spoiled the rate*) не только себе, но и всем. После пересмотра нормы заработка всей группы падали.

одновременно реагирует, осмысляет и анализирует. Рефлексия в этом смысле — не заключительный этап исследования, а форма присутствия в поле и в науке: способ удерживать двойственность участия и наблюдения, превращая лиминальное положение в источник познания.

Участие и степени «инсайдерства»

Рассмотренные примеры показывают, что знание в поле возникает не из фиксированной позиции, а из движения между ролями и степенями вовлеченности. Соня Корбин-Двайер и Дженнифер Бакл показывают, что обсуждение позиции исследователя в качественных методах слишком долго оставалось в бинарной логике: *инсайдер* или *аутсайдер* [Dwyer, Buckle, 2009]. На практике же большинство исследователей занимают промежуточное положение, где принадлежность к сообществу и аналитическая дистанция сочетаются и взаимно формируют друг друга [Dwyer, Buckle, 2009: 60–62]. Такое положение и подвижность внутри включенности и между включенностью и дистанцией создают поле ролевых возможностей, внутри которых и формируется лиминальное знание [Dwyer, Buckle, 2009; Narayan, 1993].

Чтобы аналитически различить позиции в поле, полезно говорить не о статичных категориях, а о режимах участия — способах быть в поле, каждый из которых предполагает особую форму рефлексии. Далее я рассмотрю четыре таких режима участия этнографа: участник по опыту, участник в роли, участник по умолчанию и участник в роли по опыту.

Позиция *участник по опыту* основана на разделении с участниками исследования схожего жизненного опыта — утраты, болезни, эмиграции, гендерной или религиозной идентичности. В данном случае опыт становится ресурсом доверия и понимания, создает чувство узнавания, но не устраниет различие. С. Дуайер и Дж. Бакл называют это *пространством между* (the space between), где исследователь принадлежит группе по опыту, но сохраняет аналитическую дистанцию [Dwyer, Buckle, 2009]. Такой режим характерен для феминистских и автоэтнографических проектов [DeVault, 1990; Ellis, 1995; Frank, 1995; Browne, Nash, 2010]. Здесь личная биография не заменяет анализ, а делает его телесным и аффективно чувствительным: исследователь знает, как переживаются страх, боль или стыд, но способен распознавать эти состояния как социальные действия.

Вторая позиция — *участник в роли* — связана с методическим вхождением в роль. Исследователь действует в социальной среде как участник, но удерживает аналитическое осознание этой включенности. Это классическая стратегия «наблюдающего участия» — от этнографии Кирстен Хаструп до заводских исследований Майкла Буравого. Роль здесь становится инструментом и доступа, и понимания: именно через участие в действиях — доение коров, ремонт машин, выполнение норм — исследователь постигает внутреннюю логику социальных отношений, не теряя способности анализировать.

Третья позиция — *участник по умолчанию* — предполагает, что исследователь по умолчанию принадлежит той же культурной или социальной среде, что и его информанты. Преимуществом в данном случае выступают доверие и знание культурных смыслов, но возникает риск ослабления аналитической чувствительности. Хаммерсли и Аткинсон называют это потерей «этнографического удивления» [Hammersley, Atkinson, 2019: 117].

Так, Карин Клеман, изучая производственные отношения, обратила внимание на неформальные практики среди рабочих российских предприятий. Ее удивило то, что она назвала «невыплатой “скрытых” трудозатрат»: кузнец-штамповщик мог инициативно заниматься наладкой оборудования для своей работы, хотя это не входило в его обязанности и не оплачивалось [Клеман, 2003: 63]. Когда я впервые прочитала Клеман, я уже полгода работала на фабрике и такие практики казались мне в порядке вещей. Прежде я не имела опыта работы на производстве, но разделяла с участниками поле общего культурного фона, и поэтому сразу не заметила очевидного.

Наконец, позиция *участник в роли по опыту* предполагает, что исследователь постепенно движется от прожитого опыта к его анализу. Это движение изнутри наружу, когда повседневная жизнь становится материалом для научного осмысливания. Классический пример такого позиционирования этнографического участия — исследования Нильса Андерсона, который жил жизнью кочующих рабочих, а позже, став социологом, аналитически осмыслил этот опыт. Похожим образом Герберт Аппельбаум, инженер-строитель с двадцатипятилетним стажем, проводил этнографию труда, не покидая своей профессиональной среды. В таких случаях рефлексия возникает не из академической дистанции, а из практики переосмысливания прожитого, неизменно погруженной в контекст.

Таким образом, участие в поле — не просто способ сбора данных, а способ конституирования исследовательского взгляда. Ролевые переходы, разные степени «инсайдерства» и формы участия — это источники эпистемологической чувствительности. Именно в этих переходах — между опытом и анализом, действием и рефлексией — и возникает лиминальное знание.

Заключение

Спустя полгода работы на фабрике я сделала следующую, достаточно экспрессивную запись в дневник наблюдения:

«Хотите посмотреть на жизнь глазами рабочего? Попробуйте отпахать неделю в ночную смену, по восемь часов на ногах. Таскать тяжелые лотки, укладывать что-то вручную. А потом спать урывками, есть без аппетита, открывать книгу и осознавать свою беспомощность перед лицом любой формы интеллектуального досуга... Теперь я отлично понимаю, почему в конце недели рука рабочего тянеться к бутылке пива, почему “книгам, театрал, философским беседам”

предпочитают онлайн-игры в "Одноклассниках". Нет сил даже открыть крышку ноутбука»¹³ (28.01.2017).

Эта запись — не просто эффект «слишком глубокого вживания» в роль. С одной стороны, это следствие ролевой двойственности, а с другой — условие для лиминального знания. То, что легко объявить риском «стать своим», на деле и есть источник знания: телесная усталость, сбитые ритмы сна, мелкая гордость за «сделанную норму», стихийные практики взаимопомощи — весь этот опыт, если он систематически рефлексируется, превращается в материал для анализа. Мой аргумент здесь довольно прост: полное участие не само по себе ценно и не само по себе опасно. Оно опасно без рефлексии, ровно как и ценно участие, которое непрерывно переводится в три вида работы над собой и данными: методологическую (как я действую и записываю), структурную (какие позиции и иерархии делают мой взгляд возможным) и аналитическую (как пережитое становится единицей смысла).

В этой триаде режимов рефлексивности и рождается лиминальное знание — знание «между», которое не отменяет дистанции, а воссоздает ее изнутри действия. Этнография в таком понимании — не наблюдение за «естественной» реальностью и не сплошная провокация «искусственного» поведения, а совместная сцена, где исследователь и участники заново собирают повседневность. В этом случае задача исследователя — не скрывать собственные переходы между ролями, а делать их видимыми: последовательно фиксировать их в полевом дневнике, осмыслять и включать в анализ. Именно так участие становится способом познания.

Литература / References

Алексеев А. Н. Драматическая социология и социологическая ауторефлексия. Т. 1. СПб.: Норма, 2003.

Alekseev A. N. (2003) *Dramaticheskaya sociologiya i sociologicheskaya autorefleksiya* [Dramatic Sociology and Sociological Self-Reflection]. Vol. 1. SPb: Norma. (In Russ.)

Клеман К. Неформальные практики российских рабочих // Социологические исследования. 2003. № 5. С. 62–62. EDN: [ООТКН](#)

Clément K. (2003) Informal Practices by Russian Labor. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No. 5. P. 62–63. (In Russ.)

Пинчук О. «Нестандартные» условия труда женщин на производстве: опыт включенного наблюдения // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2018. Т. 10. № 15. С. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.2%20>

Pinchuk O. (2018) “Unconventional” Working Conditions of Women’s Industrial Labor: The Experience of Participant Observation. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 10. No. 15. P. 24–40. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2018.15.2%20> (In Russ.)

Пинчук О. В. Мастерство в труде: «Ориентация на задачи» и «совладание» с изношенным оборудованием на Подмосковной конфетной фабрике «riski» // Антропологический форум. 2022. № 54. С. 68–92. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92>

¹³ Эта цитата приводилась ранее в [Пинчук, 2021: 149].

Pinchuk O.V. (2022) Workmanship: "Task Orientation" and "Coping" with Worn-out Equipment at the "Iriski" Candy Factory. *Antropologicheskiy forum* [Forum for Anthropology and Culture]. No. 54. P. 68–92. DOI: <https://doi.org/10.31250/1815-8870-2022-18-54-68-92> (In Russ.)

Пинчук О. В. Особенности методологии наблюдющего участия в этнографических исследованиях труда и рабочего места: Дис. канд. соц. наук: 22.00.03. М.: НИУ ВШЭ, 2025.

Pinchuk O.V. (2025) *Osobennosti metodologii nablyudayushchego uchastiya v etnograficheskikh issledovaniyah truda i rabochego mesta* [Features of the Methodology of Observant Participation in Ethnography of Work and the Workplace]. Dis. kand. nauk. Moscow: NIU VShE. (In Russ.)

Пинчук О. В. Сбои и поломки: этнографическое исследование труда фабричных рабочих. M.: ФПСИ «Хамовники»; Common Place, 2021.

Pinchuk O.V. (2021) *Sboi i polomki: etnograficheskoe issledovanie truda fabrichnyh rabochih* [Failures and Breakdowns: An Ethnographic Study of Factory Workers' Labor]. Moscow: FPSI "Hamovniki"; Common Place. (In Russ.)

Пинчук О. В. «Партизанщина» на позднесоветском заводе через призму драматической социологии Андрея Алексеева // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Т. 14. № 3. С. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4> EDN: ACEDYA

Pinchuk O.V. (2022) "Partisanship" at the Late Soviet Factory through the Prism of Andrey Alekseev's Dramatic Sociology. *Interaktsiya. Intervyu. Interpretatsiya* [Interaction. Interview. Interpretation]. Vol. 14. No. 3. P. 77–96. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.3.4> (In Russ.)

Утехин И. В. Я попытался взглянуть на повседневность взглядом иностранца // Arzamas. 2023. URL: <https://arzamas.academy/materials/598> (дата обращения: 26.10.2025).

Utekhin I.V. (2023) Ya popytalsya vzglyanut na povsednevnost vzglyadom inostranca [I Tried to Look at Everyday Life through the Eyes of a Foreigner]. Arzamas. URL: <https://arzamas.academy/materials/598> (accessed: 26.10.2025). (In Russ.)

Adler P.A., Adler P. (1987) *Membership Roles in Field Research*. Newbury Park: SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781412984973>

Adloff F., Wacquant L. (2015) For a Sociology of Flesh and Blood: Questions to Loïc Wacquant. In: Adloff F., Gerund K., Kaldewey D. (eds.) *Revealing Tacit Knowledge: Embodiment and Explication*. Bielefeld: Transcript. P. 85–194.

Atkinson P. (2014) *For Ethnography*. London: SAGE.

Bayeck R.Y. (2022) Positionality: The Interplay of Space, Context and Identity. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 21. P. 1–10. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221114745>

Becker H.S. (1958) Problems of Inference and Proof in Participant Observation. *American Sociological Review*. Vol. 23. No. 6. P. 652–660. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2015.2164>

Bell K. (2019) The "Problem" of Undesigned Relationality: Ethnographic Fieldwork, Dual Roles and Research Ethics. *Ethnography*. Vol. 20. No. 1. P. 8–26. DOI: <https://doi.org/10.1177/1466138118807236>

Berger P., Luckmann T. (1966) *The Social Construction of Reality: A Treatise in the Sociology of Knowledge*. New York: Anchor Books.

Bourdieu P. (2003) Participant Objectivation. *Journal of the Royal Anthropological Institute*. Vol. 9. No. 2. P. 281–294. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-9655.00150>

Browne K., Nash C.J. (eds.) (2010) *Queer Methods and Methodologies: Intersecting Queer Theories and Social Science Research*. London: Routledge/Ashgate.

Bukamal H. (2022) Deconstructing Insider–Outsider Researcher Positionality. *British Journal of Special Education*. Vol. 49. No. 3. P. 327–349. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-8578.12426>

Burawoy M. (1982) *Manufacturing Consent: Changes in the Labor Process under Monopoly Capitalism*. Chicago: University of Chicago Press.

Burawoy M. (1998) The Extended Case Method. *Sociological Theory*. Vol. 16. No. 1. P. 4–33

Calvey D. (2017) *Covert Research: The Art, Politics and Ethics of Undercover Fieldwork*. London: SAGE. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781473920835>

- Clifford J. (1986) Introduction: Partial Truths. *Writing Culture: The Poetics and Politics of Ethnography*. Berkeley: University of California Press. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.1525/9780520946286-003>
- Clifford J., Marcus G. E. (1986) *The Poetics and Politics of Ethnography*. LA; London: University of California.
- Coffey A. (1999) *The Ethnographic Self: Fieldwork and the Representation of Identity*. London: SAGE.
- Coghlan D. (2007) Insider Action Research: Opportunities and Challenges. *Management Research News*. Vol. 30. No. 5. P. 335–343. DOI: <https://doi.org/10.1108/01409170710746337>
- Csordas T.J. (ed.) (1994) *Embodiment and Experience: The Existential Ground of Culture and Self*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Davies C. A. (2008) *Reflexive Ethnography* (2nd ed.). London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203822272>
- Denzin N.K. (2018) *The Qualitative Manifesto: A Call to Arms. Classic Edition*. London; New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780429449987>
- DeVault M.L. (1990) Talking and Listening from Women's Standpoint: Feminist Strategies for Interviewing and Analysis. *Social Problems*. Vol. 37. No. 1. P. 96–116.
- DeWalt K.M., DeWalt B.R. (2011) *Participant Observation: A Guide for Fieldworkers*. 2nd ed. Lanham: AltaMira Press.
- Dwyer S.C., Buckle J.L. (2009) The Space Between: On Being an Insider-Outsider in Qualitative Research. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 8. No. 1. P. 54–63.
- Ellis C. (1995) *Final Negotiations: A Story of Love, Loss, and Chronic Illness*. Philadelphia: Temple University Press.
- Emerson R. M., Fretz R. I., Shaw L. L. (2011) *Writing Ethnographic Fieldnotes*. 2nd ed. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Fine G. A. (1993) Ten Lies of Ethnography: Moral Dilemmas of Field Research. *Journal of Contemporary Ethnography*. Vol. 22. No. 3. P. 267–294. DOI: <https://doi.org/10.1177/089124193022003001>
- Fine G. A., Abramson C. M. (2020) Ethnography in the Time of COVID-19: Vectors and the Vulnerable. *Etnografia e Ricerca Qualitativa*. Vol. 13. No. 2. P. 165–174.
- Fisher J. A., Monahan T. (2023) Mutual Emotional Labor as Method: Building Connections of Care in Qualitative Research. *The Qualitative Report*. Vol. 28. No. 11. P. 3192–3212. DOI: <https://doi.org/10.46743/2160-3715/2023.6251>
- Forberg P., Schilt K. (2023) What Is Ethnographic about Digital Ethnography? A Sociological Perspective. *Frontiers in Sociology*. Vol. 8. P. 1–15. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2023.1156776>
- Frank A.W. (1995) *The Wounded Storyteller: Body, Illness, and Ethics*. Chicago: University of Chicago Press.
- Garfinkel H. (1967) *Studies in Ethnomethodology*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall. DOI: <https://doi.org/10.2307/2574750>
- Geertz C. (1973) *The Interpretation of Cultures*. New York: Basic Books. DOI: <https://doi.org/10.15581/009.35.31543>
- Goffman E. (1959) *The Presentation of Self in Everyday Life*. Garden City: Doubleday Anchor Books.
- Gold R. L. (1957) Roles in Sociological Field Observations. *Social Forces*. Vol. 36. No. 3. P. 217–223. DOI: <https://doi.org/10.2307/2573805>
- Hammersley M., Atkinson P. (2007) *Ethnography: Principles in Practice*. 3rd ed. London; New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203944769>
- Hammersley M., Atkinson P. (2019) *Ethnography: Principles in Practice*. 4th ed. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781315146027>
- Hastrup K. (1995) *A Passage to Anthropology: Between Experience and Theory*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203352250>
- Hastrup K. (1992) Anthropological Visions: Some Notes on Visual and Bodily Evidence. In: Wright C., Morphy H. (eds.) *The Anthropology of Art and Aesthetics*. Oxford: Clarendon Press. P. 8–25.

- Hastrup K. (1990) The Ethnographic Present: A Reinvention. *Cultural Anthropology*. Vol. 5. No. 1. P. 45–61. DOI: <https://doi.org/10.1525/can.1990.5.1.02a00030>
- Hayano D.M. (1982) *Poker Faces: The Life and Work of Professional Card Players*. Berkeley: University of California Press. DOI: <https://doi.org/10.2307/2067647>
- Hughes E.C. (1993) *The Sociological Eye: Selected Papers*. New Brunswick: Transaction.
- Katz J. (1999) *How Emotions Work*. Chicago: University of Chicago Press.
- Kim J.J., Levitan J., Kirsch D. (2023) Digitally Shaped Ethnographic Relationships during a Global Pandemic and Beyond. *Frontiers in Communication*. Vol. 23. No. 3. P. 809–824. DOI: <https://doi.org/10.1177/14687941211052275>
- Kolankiewicz M. (2005) Between Science and Life—Malinowski's and Hastrup's Fieldwork Experiences. *Antropologicas*. No. 9. P. 331–352.
- Krause M. (2021) On Sociological Reflexivity. *Sociological Theory*. Vol. 39. No. 1. P. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.1177/0735275121995213>
- LeCompte M.D., Schensul J.J. (2010) *Designing and Conducting Ethnographic Research*. London: Bloomsbury Publishing.
- Malinowski B. (1922) *Argonauts of the Western Pacific*. London: Routledge & Kegan Paul.
- McGranahan C. (ed.) (2020) *Writing Anthropology: Essays on Craft and Commitment*. Durham: Duke University Press.
- Mercer J. (2007) The Challenges of Insider Research in Educational Institutions: Wielding a Double-Edged Sword and Resolving Delicate Dilemmas. *Oxford Review of Education*. Vol. 33. No. 1. P. 1–17.
- Monahan T. (2010) The Benefits of “Observer Effects”: Lessons from the Field. *Qualitative Research*. Vol. 10. No. 3. P. 357–376. DOI: <https://doi.org/10.1177/1468794110362874>
- Mullings B. (1999) Insider or Outsider, Both or Neither: Some Dilemmas of Interviewing in a Cross-Cultural Setting. *Geoforum*. Vol. 30. No. 4. P. 337–350. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0016-7185\(99\)00025-1](https://doi.org/10.1016/S0016-7185(99)00025-1)
- Narayan K. (1993) How Native Is a “Native” Anthropologist? *American Anthropologist*. Vol. 95. No. 3. P. 671–686. DOI: <https://doi.org/10.1525/AA.1993.95.3.02A00070>
- O'Reilly K. (2009) *Key Concepts in Ethnography*. London: SAGE Publications.
- Pink S. (2015) *Doing Sensory Ethnography*. 2nd ed. London: SAGE/Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4135/9781446249383>
- Polanyi M. (2009) *The Tacit Dimension*. Chicago: University of Chicago Press.
- Råheim M., Magnussen L.V., Tveit Sekse R.J., Lunde A., Jacobsen T., Blystad A. (2016) Researcher–Researched Relationship in Qualitative Research: Shifts in Positions and Researcher Vulnerability. *International Journal of Qualitative Studies on Health and Well-being*. Vol. 11. No. 1. P. 1–12. DOI: <https://doi.org/10.3402/qhw.v11.30996>
- Robey D., Taylor W.T.F. (2018) Engaged Participant Observation: An Integrative Approach to Qualitative Field Research for Practitioner-Scholars. *Engaged Management Review*. Vol. 2. No. 1. P. 1–14. DOI: <https://doi.org/10.28953/2375-8643.1028>
- Rogers-Shaw C., Choi J., Carr-Chellman A. (2021) Understanding and Managing the Emotional Labor of Qualitative Research. *Forum: Qualitative Social Research*. Vol. 22. No. 3. P. 1–26. DOI: <https://doi.org/10.17169/fqs-22.3.3652>
- Rubinstein R.A. (1991) Reflection and Reflexivity in Anthropology. In: *Doing Fieldwork: The Correspondence of Robert Redfield and Sol Tax*. Boulder: Westview Press. P. 1–35.
- Ryder A. (2021) Critical Ethnography and Research Relationships: Some Ethical Dilemmas. *Anthropology and Humanism*. Vol. 46. No. 2. P. 300–314. DOI: <https://doi.org/10.1111/anh.12337>
- Ryle G. (2000) *The Concept of Mind*. London: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203875858>
- Seim J. (2024) Participant Observation, Observant Participation, and Hybrid Ethnography. *Sociological Methods & Research*. Vol. 53. No. 1. P. 121–152. DOI: <https://doi.org/10.1177/0049124120986209>

- Shanin T. (1990) *Defining Peasantries*. Oxford: Blackwell. DOI: <https://doi.org/10.2307/2803896>

Shanin T. (ed.). (1994) *Reflexivity and Social Science: A Dialogue*. London: Sage. DOI: https://doi.org/10.1007/978-0-585-28187-2_1

Spradley J.P. (1980) *Participant Observation*. New York: Holt, Rinehart and Winston.

Stodulka T. (2015) Emotion Work, Ethnography, and Survival Strategies on the Streets of Yogyakarta. *Medical Anthropology*. Vol. 34. No. 1. P. 84–97. DOI: <https://doi.org/10.1080/01459740.2014.916706>

Wacquant L. (2004) *Body & Soul: Notebooks of an Apprentice Boxer*. Oxford: Oxford University Press. DOI: <https://doi.org/10.1086/425391>

Wacquant L. (2005) Carnal Connections: On Embodiment, Apprenticeship, and Membership. *Qualitative Sociology*. Vol. 28. No. 4. P. 445–474. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11133-005-8367-0>

Watson A., Lupton D., Michael M. (2022) Remote Fieldwork in Homes During the COVID-19 Pandemic. *International Journal of Qualitative Methods*. Vol. 21. No. 2. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.1177/16094069221078376>

Watts J.H. (2010) Ethical and Practical Challenges of Participant Observation in Sensitive Health Research. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 14. No. 4. P. 301–312. DOI: <https://doi.org/10.1080/13645579.2010.517658>

Yip S.Y. (2024) Positionality and Reflexivity: Negotiating Insider–Outsider Dynamics in Cross-Cultural Research. *International Journal of Social Research Methodology*. Vol. 47. No. 3. P. 222–232. DOI: <https://doi.org/10.1080/1743727X.2023.2266375>

Young M.W. (2014) *Malinowski: Odyssey of an Anthropologist, 1884–1920*. New Haven: Yale University Press.

Сведения об авторе:

Пинчук Ольга Владимировна — кандидат социологических наук, Университет Фрибура, Фрибур, Швейцария. E-mail: pinchuk_olya@list.ru. РИНЦ Author ID: 408787; ORCID ID: 0000-0002-6403-9671; Researcher ID: AAZ-1435-2021.

Статья поступила в редакцию: 29.10.2025
Принята к публикации: 10.12.2025

BAK: 5.4.1

At the Boundary of Roles: Role Duality and Liminal Knowledge in Field Ethnography

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.2

Olga V. Pinchuk University of Fribourg, Fribourg, Switzerland
Email: pinchuk_olya@list.ru

This article reinterprets the ethnographer's role duality not as an ethical or methodological problem but as an epistemological condition of knowledge production. Drawing on Erving Goffman's concept of the "interaction order", I argue that the researcher is inevitably involved in sustaining a shared "scene," where their position is co-constructed with other participants.

This perspective allows us to reassemble the classic opposition between the “natural” and the “provoked”: in field everydayness, the “natural” is the outcome of continuous mutual adjustments, while the researcher’s presence is part of the normal course of events rather than its distortion. On this basis, the article introduces the concept of liminal knowledge that is knowledge emerging in the transitions between participation and observation, where shifting role boundaries and the very act of moving between them become sources of analytical sensitivity. I propose three interrelated levels of reflexivity as forms of presence: first, methodological reflexivity (reaction and adjustment of participation strategies during fieldwork); second, structural reflexivity (participant objectivation of the social conditions of knowledge, following P. Bourdieu); and third, analytical reflexivity (use of the researcher’s bodily, affective, and practical experiences as empirical material). Empirically, the argument draws on an ethnographic study of factory labor (the author’s experience as a candy packer/operator) and shows how norm fulfillment, creativity around equipment breakdowns, and local forms of solidarity become visible only from within participation — when the researcher simultaneously acts and analyzes action. The conclusion offers a working typology of participation modes (participant by experience; participant in role; participant by default; participant in role by experience), illustrating the spectrum of intermediate positions between “insider” and “outsider.” The theoretical contribution lies in operationalizing liminal knowledge through systematic reflexivity and redefining ethnographic validity as the transparency and interpretive awareness of transitions between roles.

Keywords: ethnography; role duality; reflexivity; liminal knowledge; insider position; outsider position; interaction order; participation; observation

Author Bio:

Olga V. Pinchuk — Candidate of Sociology, University of Fribourg, Fribourg, Switzerland. Email: pinchuk_olya@list.ru. RSCI Author ID: [408787](#); ORCID ID: [0000-0002-6403-9671](#); Researcher ID: [AAZ-1435-2021](#).

Received: 29.10.2025

Accepted: 10.12.2025

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.3

EDN: UPCQMY

Как преодолеть проблему «профессиональных информантов» в полевых исследованиях (на примере изучения повседневной этничности в сельском сообществе)

Ссылка для цитирования:

Галиндаева В.В., Карбайнов Н.И. Как преодолеть проблему «профессиональных информантов» в полевых исследованиях (на примере изучения повседневной этничности в сельском сообществе) // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 56–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.3> EDN: UPCQMY

For citation:

Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. (2025) How to Overcome the Problem of "Professional Informants" in Field Research (Using the Example of Studying Everyday Ethnicity in a Rural Community). *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 56–70. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.3>

Галиндаева Вера Валерьевна

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

Карбайнов Николай Иванович

Социологический институт РАН —
филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: nkarbainov@gmail.com

Одной из методических проблем, которая может возникнуть при проведении качественного исследования, является проблема «профессиональных информантов»: в некоторых полях формируется небольшая группа людей, которые, по мнению местного сообщества, являются носителями локальных знаний, что в результате приводит к потере значительной части

информации и экстраполяции мнений узкого круга информантов на все изучаемое сообщество. Авторы показывают, что в условиях ограниченного временного ресурса одним из инструментов преодоления данной проблемы может стать использование количественных методов. Это позволит не только получать новые данные, которые не вписываются в версию «профессиональных информантов», но и с помощью опроса выйти на тех информантов, которые по причине своей мнимой неэкспертности отказывались от интервью. Материалы этих интервью помогут увидеть другие представления и практики, которые не соответствуют картине «профессиональных информантов». Проблема раскрывается на примере полевого исследования этноконфессиональной ситуации в метисном сельском сообществе села Хасурта (Бурятия). Результаты анкетного опроса и интервью, которые удалось взять авторам при проведении анкетного опроса, показали, что этноконфессиональная картина сельского сообщества более разнообразна, чем выверенная и не противоречивая версия, которая конструировалась «профессиональными информантами». Благодаря разнообразию полученных посредством стратегии микс-методов данных авторы выстраивают объяснительную модель, в которой отражается сложный процесс взаимодействия категориальной политики локальных элит с повседневными представлениями обывателей.

Ключевые слова: микс-методы; полевое исследование; профессиональные информанты; сельское сообщество; этничность; метисы; Бурятия

Введение

В последние годы исследователи все чаще обращаются к стратегии микс-методов [Creswell, 2015]. Так, например, предлагаются следующие методические стратегии сочетания количественных и качественных методов в рамках одного дизайна: во-первых, стратегия пересекающихся, или конкурирующих, данных, когда качественная и количественная части реализуются одновременно; во-вторых, стратегия дополнительного покрытия, которая предполагает достижение различными методами разных исследовательских задач; наконец, стратегия последовательных вкладов, которая выстраивает цепочку преемственности между данными [Creswell, 2015; Полухина, 2014; Гегер, Гегер, 2015; Большаков, 2017]. Стратегия пересекающихся данных часто применяется в условиях дефицита времени и всегда предполагает триангуляцию и интеграцию количественных и качественных данных [Creswell, 2015]. Однако исследователи предупреждают, что триангуляция методов, основанная на сравнении данных, собранных с помощью некоторых видов качественных методов, с данными, полученными при помощи количественных методов, нередко приводит к конфликту результатов [Штейнберг и др., 2009: 316].

В данной статье мы предлагаем рассмотреть случай, когда стратегия пересекающихся данных становится ключом к эффективному рекрутингу информантов и, соответственно, к получению более насыщенной этнографической

информации в условиях дефицита времени. Трудности доступа к полю могут быть разнообразными [Полухина, 2014]. Здесь мы хотели бы затронуть одну из методических проблем, которая может возникнуть при проведении качественного исследования, — проблему «профессиональных информантов»¹. Данная проблема заключается в том, что в некоторых полях традиционно формируется небольшая группа людей, которые являются, по мнению местного сообщества, знатоками, носителями локальных знаний. Ученые, в свою очередь, обращаются к ним как к экспертам. Нередко это представители местной элиты (например, работники администрации, краеведы, учителя, участники ансамблей). Рядовые члены сообщества отказываются от интервью и отсылают исследователей к «профессиональным информантам», так как считают себя некомпетентными во многих вопросах. В результате происходит некоторая «профессионализация» этих людей как постоянных участников исследований. И проблема заключается не столько в том, что «профессиональные информанты» транслируют, а в том, что остаются неисследованными другие сегменты сельского сообщества, в которых могут существовать иные представления, не всегда совпадающие с мнениями «профессиональных информантов». Интервьюирование только «профессиональных информантов» может привести к нерефлексивной экстраполяции представлений ограниченного круга людей на все сообщество. Данную проблему можно преодолеть путем долговременного нахождения в поле, как это делают социальные антропологи [Pandian, 2019]. А что делать, если времени мало?

С подобной ситуацией мы столкнулись в исследовании метисных сообществ в сельской местности в Республике Бурятия. В этой статье мы покажем на примере одного из полевых кейсов, как анкетный опрос становится не только самостоятельным источником количественных данных, но и инструментом получения доступа к другим информантам, которые обычно не взаимодействуют с учеными в краткосрочных исследованиях.

Контекст исследования

Статья основана на материалах исследования метисных общностей и идентичностей Байкальской Сибири. Одной из таких метисных общностей в регионе, которая сформировалась еще в дореволюционный период, являются карымы — потомки крещеных бурят, которые впоследствии брали жен из русских и смешанных русско-бурятских семей [Галинданбаева, Карбаинов, 2020]. В 2013 году мы провели пилотное полевое исследование в селе Хасурта Республики Бурятия, в месте компактного проживания карымов. Село отличается дуальной этнической структурой: в нем почти с самого основания проживали две общины — карымов и семейских (старообрядцев). Специфика

¹ В данном случае мы различаем «профессиональных информантов» в качественных исследованиях и профессиональных респондентов, которые многократно получают денежное вознаграждение за участие в социологических исследованиях, как правило, в фокус-группах и онлайн-опросах [Рогозин, 2018].

села в том, что потомками русско-бурятских браков являются не только проживающие там карымы, но отчасти и семейские [Галиндаева, Карбанинов, 2020].

В ходе полевого исследования 2013 года мы использовали исключительно классические качественные методы. Эмпирическую базу исследования тогда составили полуструктурированные интервью с учителями местной школы и участниками фольклорного ансамбля, а также результаты наблюдения. Выборка производилась по принципу «снежного кома»: мы переходили от одного информанта к другому по цепочке². Центральным информантом выступил учитель и краевед, который создал музей при школе, посвященный истории села, и музей «Семейская горница», представляющий реконструкцию интерьера и быта семейской усадьбы начала XX в. Также данный информант являлся на тот момент уставщиком³ семейской общины и руководителем фольклорного ансамбля, который имел статус народного и специализировался на исполнении исконно семейских песен. Артисты из числа жителей села выступали в оригинальных семейских сарафанах, сохранившихся с до-революционных времен, участвовали в культурных мероприятиях в Бурятии и в других регионах России. Рядовые жители отказывались от интервью и отсылали к людям, которых они считали знатоками истории и культуры Хасурты.

Полученные нами результаты мало отличались от результатов другихученых, которые также проводили полевые исследования в Хасурте [Тихонова, 2011]. Оказалось, что все посещавшие Хасурту говорили с одними и теми же информантами: смещение выборки в сторону ограниченной группы было очевидным. Жители, названные нами «профессиональными информантами», известны и в селе, и за его пределами, и поэтому логично рассматриваются исследователями в качестве первых контактов, с помощью которых можно получить доступ к полю. Они отличаются открытостью и готовностью к взаимодействию, то есть представляют собой «идеальных» информантов с точки зрения исследователя.

Однако в условиях сельского сообщества выборка на основе снежного кома, начинающаяся с «профессионального информанта», приводит к тому, что исследователь замыкается на одном сегменте — местной элите. Стратегия снежного кома уже сама по себе предполагает некоторый перекос выборки, потому что исследователь идет за выбором информанта, который предоставляет контакты следующего участника и даже предварительно договаривается с ним. Например, В. И. Ильин пишет о риске ложного насыщения, если исследователь полагается исключительно на методику снежного кома [Ильин, 2006: 58–59]. В то же время информант часто ограничен в рекрутировании следующего участника исследования, так как не знаком со всеми представителями генеральной совокупности. В случае сельского сообщества «профессиональные информанты» знакомы со всеми жителями поселения, могут помочь связаться со всеми, но они проводят отбор: ищут знающих и полезных для исследования участников. Таким образом, «профессиональные информанты»,

² Принцип «снежного кома» широко используется социологами, которые проводят качественные исследования [Ильин, 2006; Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020].

³ В Хасурте уставщик — это глава старообрядческой общины.

с одной стороны, являются важными помощниками и проводниками в поле, с другой — допускают только в определенный сегмент сельского сообщества.

В 2017 году мы проводили проект «Метисные сообщества как культурные посредники в межэтнических отношениях (на примере карымов и метисов Бурятии)» при поддержке РГНФ. В проекте мы опирались на теорию этничности Р. Брубейкера, который указывает на важность исследования не только элит и их интерпретаций этнических категорий, но и обывателей и их представлений об этничности [Брубейкер, 2012]. Элиты (локальные, региональные и т. п.), или этнические предприниматели/активисты, всегда проводят политику по гомогенизации населения, продвижению «правильного» содержания этнических категорий, проведению четких границ между группами. Тогда как обыватели нередко разделяют и активно культивируют много других, зачастую «неправильных» версий этнических категорий, которые размывают этнические границы, превращая последние в этнический фронт [Галинда-баева, Карбанинов, 2020].

Таким образом, перед нами стояли две задачи: во-первых, изучить смысловое наполнение этнических категорий, которые поддерживают локальные элиты сельского сообщества; во-вторых, выявить, какие интерпретации этнических категорий распространены среди рядовых жителей села. Нам было важно понять, как простые жители рассказывают историю своего происхождения, трактуют и приписывают этничность, и на примере Хасурты проанализировать взаимоотношения между карымами и семейскими в настоящее время.

Мы вновь, как и в 2013 году, планировали провести интервью с «профессиональными информантами» как представителями местной элиты, чтобы понять, произошли ли изменения за последние годы в их представлениях. Однако мы хотели получить доступ и к обычным жителям, чтобы дать им возможность озвучить свое мнение, которое может противоречить версии «профессиональных информантов», и сохранить свое лицо, поскольку ситуация интервью — это интеракция лицом к лицу, в которой информант старается выглядеть компетентным социальным актором.

В итоге мы решили дополнить качественные методы интервью и наблюдения методом подворового анкетного опроса. Решение включить в исследование количественный метод, сделав дизайн комбинированным, было обусловлено следующими нюансами. Во-первых, согласно повседневным представлениям, анкетный опрос не требует особых знаний, так как в анкете уже заложены варианты ответов на вопросы. Во-вторых, анкета заполняется анонимно, что также снимает психологический барьер и страх ошибиться в ответе. Соответственно, все взрослые жители считают себя компетентными для участия в опросе, происходит выравнивание баланса власти между простыми жителями и «профессиональными информантами». В-третьих, такой метод очень удобен в сельской местности, где основная часть информантов находится дома и занята подсобным хозяйством. Также анкетный опрос позволяет не только получить определенный срез информации, но и завязать разговор с любым жителем села и дальше развить этот разговор в интервью.

Таким образом, на основе уже проведенных этнографических и исторических исследований была разработана анкета, которая включала 45 вопросов о национальной идентификации информантов и их предков, знании бурятского языка, религиозной принадлежности — всех маркерах этнической принадлежности к карымам и семейским. Анкета также включала вопросы об этнических стереотипах и шкалу Богардуса, разработанную для того, чтобы оценивать социальную дистанцию между различными этническими группами [Татарова, 1999].

В полевом исследовании мы представлялись как социологи из Российской академии наук из Санкт-Петербурга. Мы остановились в музее-усадьбе «Семейская горница», в котором до нас также проживали исследователи. Сначала мы посетили нескольких «профессиональных информантов» и позже в этот же день начали проводить подворовой опрос с местными жителями. Подворовой опрос в Хасурте был проведен в июле 2017 года. Он охватил 203 дома из 230, восемь индивидуальных предприятий, фельдшерский пункт, сельскую администрацию, отделение почты и РЭС. Всего было опрошено 169 респондентов из 450 официально зарегистрированных жителей села старше 18 лет.

Рассмотрим сначала особенности проведения интервью с «профессиональными информантами», далее перейдем к анализу особенностей проведения подворового опроса и интервью с рядовыми жителями. В заключении сравним данные, полученные разными методами.

Особенности интервью с «профессиональными информантами»

Исследование показало, что роль «профессиональных информантов» в Хасурте выполняют учителя и участники фольклорного ансамбля, а центральный информант выступает сразу в нескольких ипостасях: учитель, бывший глава администрации села, руководитель детского и взрослого ансамблей, руководитель и владелец двух музеев, уставщик. Здесь же отметим, что все указанные информанты идентифицировали себя как семейских, так обозначая свою принадлежность к определенной религиозной группе в селе. Причем часть из них являются потомками семейских, а часть приняли крещение в «семейскую веру». Таким образом, «профессиональные информанты» этого села, по сути, представляли семейскую элиту, карымов среди них не было.

Для нас было важно перед началом анкетного опроса познакомиться с гла-вой поселения и провести интервью с «профессиональными информантами», рассказать им о целях исследования, установить с ними доверительный контакт. Мы полагали, что, увидев незнакомых людей на улице, жители в первую очередь будут узнавать о них у администрации и уважаемых жителей села (здесь это часто пересекающиеся категории). В этом смысле «профессиональные информанты» (представители администрации) играют важную роль гейткiperов (привратников), которые могут как облегчить, так и затруднить доступ к полю [Ваньке, Полухина, Стрельникова, 2020: 66].

«Профессиональные информанты» одновременно играют три взаимосвязанные роли: публичных фигур, экспертов, политиков. Во-первых, будучи публичными фигурами, они часто выступают в составе ансамбля на разных площадках, гастролируют по республике и по стране, то есть они привыкли представлять семейскую культуру и историю, а также взаимодействовать с разными людьми. Поэтому такие сельчане легко вступают в контакт, открыты к взаимодействию с исследователями и дают достаточно много информации. Исследователь выступает в этом случае в роли активного слушателя.

Во-вторых, они являются экспертами (особенно краеведы), так как обладают глубокими знаниями истории и культуры. Например, лидер и семейский уставщик, учитель, бывший глава администрации поселения, руководитель ансамбля проделал огромную краеведческую работу: собрал фотоальбом, в котором реконструировал генеалогические древа всех семей, поселившихся в Хасурте до революции, и описал их историю почти до 1990-х годов. Многие сельчане хранят у себя этот фотоальбом, то есть у них есть доступ к документально подтвержденной версии истории села и их семей. Также он организовал кружок по плетению семейских поясов, основал два музея. Такой информант обладает экспертными знаниями и может поделиться важной для исследования информацией.

В-третьих, «профессиональные информанты» проводят локальную культурную и идентификационную политику, предлагая выгодные им интерпретацию истории и содержание этнических категорий. С 1990-х годов в Бурятии продвигается дискурс «чистоты» семейских, которых отличала строгость во взаимодействии с другими группами населения: бытует миф, что они, в отличие от других русских переселенцев, не смешивались с местным бурятским населением. С одной стороны, Хасурта опровергает этот миф. В картине мира «профессиональных информантов» население Хасурты исторически состоит из двух этноконфессиональных групп — карымов и семейских. Карымы — это потомки браков между бурятами и русскими. По религиозной принадлежности карымы — православные. Семейские, в свою очередь, — исключительно старообрядцы, потомки как чисто русских, так и смешанных бурятско-русских родов, перешедших из православия в старообрядчество. С другой стороны, жители этого села представляются хранителями «настоящей» семейской культуры, которые, в отличие от более «чистых» сел, сохранили и/или восстановили свои традиции. Таким образом, именно стремление к поддержанию чистоты традиций, то есть их соответствуанию историческому прошлому и региональным нарративам, становится мотивом к конструированию «герметичных» версий этноконфессиональных категоризаций, которые репрезентируются интервьюерам. По нашему опыту интервьюирования «профессиональных информантов», такие интервью получаются длительными, насыщенными информацией. Однако важно учитывать, что данная информация подается под определенным ракурсом, выгодным локальной эlite.

Например, рассмотрим презентации пространственной структуры села в интервью такого типа. По словам «профессиональных информантов», карымы проживают в нижней части села («низ»), а семейские — в верхней

части («верх»). Данные нарративы воспроизводятся в научных работах и материалах СМИ. Так, например, фольклорист Е.Л. Тихонова пишет: «Село Хасурта Хоринского района Республики Бурятия с точки зрения сложившейся в нем этноконфессиональной ситуации и этноконфессиональной идентичности его жителей является уникальным. До сих пор население села делится по конфессиональному признаку на семейских и карымов: в верхней части села проживают семейские, в нижней — карымы» [Тихонова, 2021: 18]. Важной частью «правильных» нарративов о пространственной дифференциации Хасурты представляются рассказы о двух кладбищах — семейском и карымском. Действительно, до революции старообрядцев хоронили на отдельном кладбище, которое находилось рядом со старообрядческой церковью в «верху», а карымов и всех остальных православных — на кладбище, которое находилось рядом с православной церковью в «низу». В советский период церкви были закрыты и хоронить на кладбищах стали произвольно. Однако после восстановления старообрядческой церкви батюшка и уставщик попытались закрыть семейское кладбище от захоронения на нем несемейских и нестарообрядцев. В интервью «профессиональные информанты» продвигали устоявшийся нарратив, который не соответствовал современным практикам в сельском сообществе, однако хорошо поддерживал образ Хасурты как места сохранения «истинных» семейских традиций.

Таким образом, с точки зрения «профессиональных информантов», ключевыми этнодифференциирующими маркерами между семейскими и карымами в Хасурте являются происхождение («кровь»), религия и пространственная структура села (карымский «низ» и семейский «верх», карымское и семейское кладбища).

Особенности интервью в контексте подворового опроса

Рассматривая особенности проведения интервью в контексте подворового опроса, отметим, что в первый день жители села настороженно отнеслись к нам, чужакам, которые ходят с анкетами, многие опасались мошенников. Однако большинство респондентов отвечали на вопросы анкеты. Во второй день жители уже знали и ждали нашего прихода. На третий день жители, которые по каким-то причинам не заполнили анкету, сами подходили на улице, чтобы поучаствовать в исследовании.

Структура пространства сельского домохозяйства отличается от городского, поэтому требует от интервьюера другого подхода. Сельский дом, обычно деревянный, одноэтажный, располагается на участке земли размером до 1 га. Дома стоят вдоль улицы, а дальше за ними тянутся хозяйствственные постройки, огороды и сенокосы. В июле, когда проводился опрос, люди в основном были заняты поливом огородов, сенокосом, а также обычными домашними делами. Участки жителей села обнесены высокими заборами, а стороны домов, выходящие на улицу, отделены от нее палисадами. Хорошо, когда кто-то находится прямо во дворе: достаточно постучать в ворота или в дверь рядом

с ними. Если есть собака, она громко оповестит о пришедших. А что делать, когда никого нет близко? Стук в ворота вряд ли кто-то услышит в доме или в огороде, который находится за домом. В этом случае, если собак во дворе нет или они привязаны, можно пройти к дому и проверить, заперта ли дверь. Не заперта — значит, хозяин либо дома, либо на участке, поэтому следует пройти через сени (веранду), открыть дверь в дом и спросить: «Хозяева здесь?» Именно так односельчане приходят друг к другу в гости без предварительной договоренности. Если хозяин дома, то он пригласит пройти в дом или выйти во двор.

В первом доме, куда мы зашли с анкетой, так и случилось. Нам открыла пожилая жительница, она предложила нам пройти на кухню, налила чай. Опрос мы начали с «низа» села, где должны жить карымы, но открыла нам семейская. Нarrативы «профессиональных информантов» о строгом пространственном разделении между современными жителями села с первой же анкеты не подтвердились. Далее в результате подворового опроса мы выяснили, что пространственная сегрегация «верх — низ» в селе осталась в прошлом. В настоящее время карымы и семейские проживают смешанно на всей территории Хасурты. Последующие интервью с обычными местными жителями, которые нам удалось взять благодаря анкетному опросу, показали, что в советское время в селе возникла более сложная пространственная структура вернакулярных районов, в которой существуют не только «низ» и «верх».

Респондентов сразу предупреждали, что анкетный опрос проводится в целях исследования мнения населения, поэтому правильных ответов в анкете нет, необходимо выбрать ответ, который больше всего нравится. Анкетный опрос проводился анонимно, но нам было важно зафиксировать происхождение респондентов: из семейского рода он(а) или из карымского. Благодаря работе нашего центрального информанта у нас на руках были генеалогические древа всех семейских и карымских родов. Анкета включала вопрос, нацеленный на выявление самоидентификации респондента, но для нас было важно выявить случаи, в которых респондент, например, отказывается от локальной идентичности, отдавая предпочтение другим этническим категориям. В целом для абсолютного большинства опрошенных жителей села локальные идентичности — семейский и карым — были не менее важны, чем принадлежность к русским.

Во время проведения анкетного опроса некоторые респонденты, отвечая на вопросы, начинали размышлять или вспоминать сюжеты, связанные с автобиографией, историей семьи и села. Таким образом, респонденты подворового опроса уже в процессе анкетирования превращались в полноценных информантов, дающих развернутые ответы. Эту дополнительную качественную информацию мы записывали на полях анкеты, на последней странице «Для заметок», а вечером переносили данные в полевой дневник. Случались ситуации, когда после заполнения анкеты мы проводили интервью, которые проходили за накрытым столом: в процессе заполнения анкеты информанты раскрывались, начинали чувствовать себя знатоками сельской жизни Хасурты, так как начинали понимать, что нас интересуют не какие-то

исторические факты, а вполне обыденные для них представления об их повседневной этничности.

Результаты анкетного опроса и интервью, которые нам удалось взять благодаря опросу, показали, что этноконфессиональная картина сельского сообщества более разнообразна и многоцветна в сравнении с выверенной и непротиворечивой версией, которая конструировалась «профессиональными информантами» на первом этапе полевого исследования.

В целом данные интервью с обычными местными жителями показали, что среди жителей Хасурты в понимании категорий «карым» и «семейский» помимо версии, продвигаемой «профессиональными информантами», также существуют альтернативные представления. Нам встречались информанты, которые отвергали разделение жителей Хасурты на карымов и семейских:

«Мы не подразделяем карымов и семейских. Сейчас не поймешь, где карымы, а где семейские. Все перемешано» (м., 35 лет).

В то же время в последующих интервью помимо версии «профессиональных информантов» жители села также называли другие варианты происхождения карымов. Одни говорили, что карымы произошли от смешения бурят с татарами (в этой версии, по сути, отрицается «русскость» карымов), бурят с семейскими, бурят с казаками, семейских с казаками. Респонденты, которые считали себя карымами, придерживались в основном двух версий: карымы — это результат смешения бурят с семейскими или бурят с казаками [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

Другим ключевым маркером, разделяющим карымов и семейских помимо происхождения, в картине «профессиональных информантов» выступает религиозная принадлежность: карымы — православные, а семейские — старообрядцы. Результаты исследования показали, что в Хасурте есть карымы, которые крестились в семейскую веру (старообрядчество). При этом после крещения в старообрядческой церкви некоторые карымы стали идентифицировать себя как семейских (в свою очередь семейские могут не признавать их за своих). Другие продолжают считать себя карымами. Третьи выбирали двойную идентичность: «я — карымка по рождению, но семейская по вере».

Неожиданной находкой полевого исследования, которая не вписывалась в картину «профессиональных информантов», стал еще один принцип категоризации карымов в Хасурте. Кроме представителей основных карымских родов, мы встречали людей, которые приехали жить в село из других регионов, но и односельчане, и сами себя они идентифицировали как карымов. Так, русский мужчина, приехавший из Тюмени, называет себя и трех своих сыновей карымами, потому что нет другого выбора: если не семейский, значит, карым. В этом случае «смешанность кровей», происхождение из карымских семей и религиозная принадлежность не играют никакой роли, так как карымы — это все те, кто не являются семейскими [Галинданбаева, Карбанинов, 2020].

Принцип происхождения («крови») также выступал одним из важных маркеров, определяющих семейских. Но, как показали интервью с рядовыми

жителями, помимо происхождения существуют и другие принципы (само) идентификации. Как высказалась одна из информанток, «семейскими становятся не по рождению, а по принятию семейской веры». У другой информантки родные родители были марийцами, но в раннем возрасте ее удочерили жители Хасурты:

«Отец — русский, казак из Санномыска. В Хасурте его считали карымом. Мать — православная хохлушка. Оба похоронены на семейском кладбище».

Информантка приняла семейскую веру и считает себя семейской. Поет в семейском ансамбле «Родник». Дети, внуки также принимали семейскую веру. Сын информантки до принятия семейского крещения считал себя карымом, а после крещения идентифицирует себя семейским. Таким образом, принцип определения семейских по происхождению («крови») иногда дополняет, а иногда вступает в противоречие с принципом идентификации по вере.

Следует отметить, что «профессиональные информанты» ничего не говорили о бытованиях в Хасурте обрядов буддизма и шаманизма, но, как показывают результаты нашего опроса и последующие интервью, эти религиозные практики широко распространены среди жителей села как у карымов, так и у семейских.

В целом анкетный опрос и интервью, которые нам удалось взять благодаря подворовому опросу, показали, что культурная, историческая и идентификационная политика, проводимая сельской элитой (одновременно «профессиональными информантами»), оказывает только частичное влияние на представления и реальные практики этнической категоризации рядовых жителей Хасурты.

Заключение

В статье мы рассмотрели проблему «профессиональных информантов» в полевом исследовании этнической идентичности в сельском сообществе и предложили для ее решения модель комбинированного полевого дизайна, который позволяет собрать данные разного типа и на их основе составить комплексное представление о формировании религиозно-этнической идентичности. В любых полях (не только в сельских) исследователи могут столкнуться с проблемой «профессиональных информантов», что может серьезно отразиться на результатах исследования. В условиях, когда нет возможности провести долговременное полевое исследование, одним из способов преодоления проблемы, по нашему опыту, может стать использование количественных методик. В нашем случае проведение анкетного опроса позволило не только получить данные, которые не вписывались в версию «профессиональных информантов», но также с помощью опроса выйти на тех информантов, которые сначала отказывались от интервью. Материалы этих интервью помогли

увидеть другие представления и практики, которые не соответствовали картине «профессиональных информантов» об этноконфессиональной ситуации в локальном сообществе.

Таким образом, использование стратегии микс-методов позволило нам получить три типа данных: во-первых, нарративы локальной элиты («профессиональных информантов») с помощью метода интервью; во-вторых, количественные данные анкетного опроса; наконец, нарративы интервью с рядовыми жителями, доступ к которым удалось получить во время проведения анкетного опроса. Благодаря такому разнообразию данных и их триангуляции [Штейнберг и др., 2009], в дальнейшем удалось построить объяснительную модель, которая отражает сложный процесс взаимодействия категориальной политики локальных элит с повседневными представлениями обывателей. Стратегия последовательного комбинирования качественных и количественных методов позволила нам отойти от концепции этнических границ, традиционно популярной среди исследователей, и предложить новую интерпретацию понятия этнического фронтира [Галиндабаева, Карбанинов, 2020].

Литература / References

Большаков Н. В. Сочетать, комбинировать, смешивать: качественные и количественные методы в современной исследовательской практике // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2017. № 3. С. 21–29. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03> EDN: ZQZENF

Bolshakov N.V. (2017) Bring Together, Combine and Mix: Qualitative and Quantitative Methods in Modern Research Practices. *Monitoring obshchestvennogo mnenija: Ekonomicheskie i socialnye peremeny*. [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. No. 3. P. 21–29. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2017.3.03>

Брубейкер Р. Этничность без групп / Пер. с англ. И. Борисовой. М.: Издательский дом ВШЭ, 2012.

Brubaker R. (2012) *Etnichnost bez grupp* [Ethnicity Without Groups]. Transl. from Eng. by I. Borisova. Moscow: Izdatelkij dom VShE. (In Russ.)

Ваньке А. В., Полухина Е. В., Стрельникова А. В. Как собрать данные в полевом качественном исследовании. М.: Издательский дом ВШЭ, 2020.

Vanke A. V., Polukhina E. V., Strelnikova A. V. (2020) *Kak sobrat dannye v polevom kachestvennom issledovanii* [How to Collect Data in a Qualitative Field Study]. Moscow: Izdatelkij dom VShE. (In Russ.)

Галиндабаева В., Карбанинов Н. Карымы и семейские в Бурятии: трансформации этнического фронтира // Ab Imperio. 2020. № 3. С. 115–156. DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2020.0059> EDN: MYDKPM

Galindabaeva V.V., Karbainov N.I. (2020) The Karyms and Semeiskie in Buryatia: Transformation of the Ethnic Frontier. *Ab Imperio* [Ab Imperio]. No. 3. P. 115–156. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.1353/imp.2020.0059>

Гегер А., Гегер С. Проблема изучения ценностных ориентаций: поворот к микс методам // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2015. № 3. С. 25–28. EDN: RWXGIK

Geger A., Geger S. (2015) The Problem of Studying Value Orientations: A Turn to Mixed Methods. *Teleskop: zhurnal sociologicheskikh i marketingovyh issledovanij* [Telescope: Journal of Sociological and Marketing Research]. No. 3. P. 25–28. (In Russ.)

Ильин В. И. Драматургия качественного полевого исследования. СПб.: Интерсоцис, 2006.
Ilin V.I. (2006) *Dramaturgiya kachestvennogo polevogo issledovaniya* [Dramaturgy of a Qualitative Field Study]. St. Petersburg: Intersocis. (In Russ.)

Полухина Е. В. Основания и возможности интеграции количественного и качественного подходов в социальных науках: от методологического плюрализма к 3-х парадигмальному континууму // Социология, естествознание, общество. Сб. научных статей и материалов Всероссийской научной конференции «Социология и естествознание: междисциплинарные подходы к изучению социальной реальности». М.: Сообщество профессиональных социологов, 2014. С. 137–142.

Polukhina E.V. (2014) Osnovaniya i vozmozhnosti integratsii kolichestvennogo i kachestvennogo podkhodov v sotsialnykh naukakh: ot metodologicheskogo plyuralizma k 3-kh paradigmal'nomu kontinuumu [Foundations and Possibilities of Integrating Quantitative and Qualitative Approaches in Social Sciences: From Methodological Pluralism to a Three-Paradigmatic Continuum]. In: *Sociologija, estestvoznanie, obshhestvo. Sb. nauchnyh statej i materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii "Sociologija i estestvoznanie: mezhdisciplinarnye podhody k izucheniju social'noj real'nosti"* [Sociology, Natural Science, Society. Proceedings of the All-Russian Scientific Conference "Sociology and Natural Science: Interdisciplinary Approaches to Studying Social Reality"]. Moscow: Soobshhestvo professionalnyh sociologov. P. 137–142. (In Russ.)

Рогозин Д. М. Фабрики «темных» ответов, или четыре негативных свойства современных опт-ин онлайн-панелей // Социология власти. 2018. Т. 30. № 3. С. 38–53. EDN: [YMCUPJ](#)

Rogozin D. M. (2018) “Dark Answer” Factories or Four Negative Features of Modern Opt-in Online Panels. *Sotsiologiya vlasti* [Sociology of Power]. Vol. 30. No. 3. P. 38–53. (In Russ.) EDN: [YMCUPJ](#)

Татарова Г. Г. Методология анализа данных в социологии. М.: “Nota Bene” Медиа Трейд, 1999. EDN: [RVRQNP](#)

Tatarova G.G. (1999) *Metodologiya analiza dannyh v sociologii* [Methodology of Data Analysis in Sociology]. Moscow: “Nota Bene” Media Traid. (In Russ.)

Тихонова Е. Л. Отражение этнокультурного взаимодействия русских и бурят в фольклоре старообрядцев западного Забайкалья // Сибирский сборник — 3. Народы Евразии в составе двух империй Российской и Монгольской. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 246–255.

Tikhonova E. L. (2011) Otrazhenie etnokulturnogo vzaimodejstviya russkikh i buryat v folklore staroobryadtsev zapadnogo Zabajkalya [Reflection of Ethnocultural Interaction of Russians and Buryats in Folklore of Old Believers of Western Transbaikalia]. In: *Sibirskij sbornik — 3. Narody Evrazii v sostave dvuh imperij Rossiijskoj i Mongolskoj* [Siberian Collection — 3. Peoples of Eurasia in the Composition of Two Empires: Russian and Mongolian]. St. Petersburg: MAE RAN. P. 246–255. (In Russ.)

Тихонова Е. Л. К вопросу об этноконфессиональной идентичности жителей С. Хасурта Хоринского района РБ: семейские, карымы, православные (по материалам фольклорной экспедиции) // Вестник Восточно-Сибирского государственного института культуры. 2021. Т. 19. № 3. С. 17–24. DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2021-3-19-17-24> EDN: [RZFFYP](#)

Tikhonova E. L. (2021) To the Issue of the Ethno-Confessional Identity of the Residents of the Village Khasurta in the Khorinsk District of the Republic of Buryatia: The Old Believers, Karyms, Orthodox (On the Materials of the Folklore Expedition). *Vestnik Vostochno-Sibirskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [East Siberian State Institute of Culture Bulletin]. Vol. 19. No. 3. С. 17–24. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.31443/2541-8874-2021-3-19-17-24>

Штейнберг И., Шанин Т., Ковалев Е., Левинсон А. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб: Алетейя, 2009. EDN: [QOJMXF](#)

Steinberg I., Shanin T., Kovalev E., Levinson A. (2009) *Kachestvennye metody. Polevye sotsiologicheskie issledovaniya* [Qualitative Methods. Field Sociological Research]. St. Petersburg: Aleteyja.

Creswell J.W. (2015) *A Concise Introduction to Mixed Methods Research*. Thousand Oaks: SAGE Publications.

Pandian A. (2019) *A Possible Anthropology: Methods for Uneasy Times*. New York: Duke University Press.

Сведения об авторах:

Галиндаева Вера Валерьевна — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** vgalindabaeva@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 587134; **ORCID ID:** 0000-0002-3544-5953X; **Researcher ID:** P-7586-2015.

Карбанинов Николай Иванович — научный сотрудник, Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН, Санкт-Петербург, Россия. **E-mail:** nkarbainov@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** 497539; **ORCID ID:** 0000-0001-7100-0292; **ResearcherID:** N-8689-2015.

Статья поступила в редакцию: 02.10.2025

Принята к публикации: 01.12.2025

BAK: 5.4.1, 5.4.4

How to Overcome the Problem of “Professional Informants” in Field Research (Using the Example of Studying Everyday Ethnicity in a Rural Community)

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.3

Vera V. Galindabaeva *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: vgalindabaeva@gmail.com

Nikolay I. Karbainov *Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia*
E-mail: nkarbainov@gmail.com

One of the methodological problems that may arise while conducting qualitative research is the problem of “professional informants”: in some fields, a small group of people forms who are considered by the local community to be experts and bearers of local knowledge, which ultimately leads to the loss of a significant amount of information and the extrapolation of the opinions of a narrow circle of informants to the entire community under study. In this article, the authors show that, given limited time resources, one of the tools for overcoming this problem was the use of quantitative methods. This made it possible not only to obtain new data that did not fit into the version of “professional informants”, but also, with the help of a survey, to reach those informants who, due to their perceived lack of expertise, refused to be interviewed. The materials

from these interviews also helped to reveal other ideas and practices that did not correspond to the picture painted by the "professional informants". This problem is illustrated by the example of field research on the ethno-confessional situation in a mestizo rural community (Khasurta, Buryatia). The results of the questionnaire survey and interviews that the authors were able to conduct showed that the ethno-confessional picture of the rural community is more diverse and colorful, in contrast to the verified and consistent version constructed by "professional informants". Due to the diverse data obtained through a mixed-methods strategy, the authors develop an explanatory model that reflects the complex process of interaction between the categorical policies of local elites and the everyday perceptions of ordinary people.

Keywords: mixed methods; field research; professional informants; rural community; ethnicity; mestizos; Buryatia

Authors Bio:

Vera V. Galindabaeva — Candidate of Sociology, Senior Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** vgalindabaeva@gmail.com. **RSCI Author ID:** 587134; **ORCID ID:** 0000-0002-3544-5953X; **Researcher ID:** P-7586-2015.

Nikolay I. Karbainov — Researcher, Sociological Institute of RAS — Branch of the FCTAS RAS, St. Petersburg, Russia. **E-mail:** nkarbainov@gmail.com. **RSCI Author ID:** 497539; **ORCID ID:** 0000-0001-7100-0292; **ResearcherID:** N-8689-2015.

Received: 02.10.2025

Accepted: 01.12.2025

Визуальная социология

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.4

EDN: BDTYEE

Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море — 2024

Ссылка для цитирования:

Тысячнюк М. С. Этнография спонтанной экологической мобилизации: разлив мазута в Черном море — 2024 // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 71–101. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.4> EDN: BDTYEE

For citation:

Tysiachniouk M.S. (2025) Ethnography of Spontaneous Ecological Mobilization: The Black Sea Oil Spill of 2024. *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 71–101. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.4>

Тысячнюк Мария Сергеевна

Независимый исследователь,
Санкт-Петербург, Россия

E-mail: mtysiachn@gmail.com

Статья посвящена исследованию опыта волонтеров, участвовавших в ликвидации последствий разлива мазута в Керченском проливе 15 декабря 2024 года. В ситуации отсутствия четких протоколов и институциональной поддержки мобилизация строилась на индивидуальных мотивациях, спонтанных решениях и совместных практиках заботы. На материалах включенного наблюдения, фокус-группы и 90 интервью анализируются способы, с помощью которых люди встраивались в ситуацию катастрофы. Мотивация участвовать описывается не только как чувство долга или моральное обязательство, но и как поиск нового опыта, ответ на личный кризис и стремление восстановить нарушенную связь с природой. Пространство штабов по очистке берегов и по спасению птиц одновременно представляло собой смешение материального и социального, становилось рабочим узлом и символическим центром общности.

Особое значение имели практики взаимодействия с птицами и эмоционального сопреживания, в которых волонтеры осваивали новые навыки (отмывание, очистку желудочно-кишечного тракта, искусственное кормление)

и формировали чувство ответственности. Эти переживания находили выражение и в визуальных образах, включая настенные росписи, карты, граффити и детские рисунки, которые превращали повседневное пространство в поле символической коммуникации и коллективной поддержки. В совокупности эти практики формируют опыт солидарности, рождающейся в условиях уязвимости и неопределенности. Экологическая катастрофа предстает не только разрушением, но и началом формирования новых режимов общности и гражданской вовлеченности. Рассмотренный в статье российский случай дополняет существующие исследования катастроф, демонстрируя, что вне институциональных рамок возможно возникновение инфраструктуры заботы, соединяющей материальное, социальное и эмоциональное измерения.

Ключевые слова: экологическая катастрофа; разлив мазута; очистка берегов Черного моря; спасение птиц; забота; гражданская вовлеченность; волонтер

Благодарности

Выражаю признательность Яне Хмельницкой за активное участие в исследовании и поддержку базы данных информантов. Особая благодарность Александре Орловой и Софии Белошицкой, подготовившим карту исследования. Также я благодарю всех информантов, в особенности Татьяну Егорову, за помошь в поиске участников, прибывших к месту катастрофы первыми, за организацию фокус-группы и сопровождение по различным локациям в Крыму. Наконец, признательность выражается Елене Здравомысловой и Александрине Ваньке за ценные комментарии на ранних этапах подготовки рукописи.

Введение

Экологические катастрофы, связанные с разливами нефти, уже несколько десятилетий остаются предметом изучения социальных наук. Существующая литература, основанная преимущественно на случаях из Северной Америки и Западной Европы, детально описывает стандартизованные протоколы спасения животных, институциональные механизмы координации помощи и эмоциональный труд волонтеров в условиях относительно стабильных политических систем [Florina, Ziccardi, 2019]. Однако подобные исследования часто оставляют за скобками вопросы о том, как добровольческие практики формируются в условиях дефицита ресурсов, государственного давления или отсутствия инфраструктуры гражданского общества. Классические работы, такие как исследования Международной организации по спасению птиц (International Bird Rescue) или анализ бюрократических ограничений во время катастрофы в Мексиканском заливе [Ottinger, 2022], фиксируют, как волонтеры

взаимодействуют с официальными структурами, но редко рассматривают ситуации, где помочь организуется снизу, вопреки логике государственного контроля. Эмоциональные аспекты волонтерства, например, ритуалы, помогающие справляться с травмой, изучались преимущественно в контекстах, где психологическая поддержка встроена в систему реагирования. Однако в условиях, когда катастрофа происходит на фоне политической нестабильности или военных действий, подобные практики могут принимать иные формы, оставаясь невидимыми для академического анализа.

15 декабря 2024 года разлив мазута в Керченском проливе после шторма, разломившего пополам танкеры «Волгограднефть-212» и «Волгограднефть-239», привел к загрязнению более 60 километров побережья Краснодарского края и Крымского полуострова. В последующие недели на побережье стали прибывать волонтеры, образовавшие стихийные сети помощи по очистке береговой линии и спасению пострадавших птиц, дельфинов и других животных. Изучение Черноморского случая предлагает важное дополнение к существующим исследованиям, демонстрируя, как волонтерские сети возникают в обход официальных ограничений, а использование подручных средств заменяет отсутствующие ресурсы. Если в Калифорнии или Канаде работа строится согласно заранее подготовленным инструкциям, здесь ключевыми становятся спонтанные решения и альтернативные системы коммуникации. Кроме того, взаимодействие с пострадавшими животными приобретает особый характер: птицы и другие обитатели побережья — не просто пассивные объекты помощи, но и акторы, активно влияющие на организацию пространства и распорядок дня волонтеров. Рассматриваемый пример позволяет пересмотреть устоявшиеся представления о гражданской мобилизации в условиях кризиса, сместив фокус с институциональных рамок на повседневные тактики выживания — как для людей, так и для животных, ставших жертвами катастрофы. Включение подобных кейсов в академический дискурс расширяет исследования моделей реагирования, предлагая альтернативные пути осмыслиения взаимосвязи между экологией, политикой и низовыми инициативами.

Исследование основано на материалах участящего наблюдения и интервью, фокусируется на повседневных практиках волонтеров, работавших на берегу и в штабах по спасению птиц. В центре исследовательского внимания находится следующий основной вопрос. Как в условиях отсутствия институциональной поддержки и четких протоколов волонтеры встраивались в ситуацию экологической катастрофы, создавая практики заботы, солидарности и новые формы общности? Мы разбиваем его на вспомогательные подвопросы: какие мотивы — от морального долга до поиска личного опыта и восстановления связи с природой — определяли участие волонтеров в ликвидации последствий катастрофы; как пространство штабов по спасению птиц и очистке берегов становилось одновременно пространством работы и символическим центром сообщества волонтеров. Таким образом, практики взаимодействия с птицами и их визуализация (рисунки, росписи, граффити) трансформировали эмоциональный опыт участников и укрепляли чувство солидарности. Исследование рассматривает эти практики не как исключительный случай

гражданской мобилизации, а как специфический режим повседневности, сложившийся в условиях экологической катастрофы. Особое внимание уделяется материальным аспектам работы — используемым инструментам, организации пространства, телесным практикам взаимодействия с пострадавшими животными и загрязненной средой.

Материальное, аффективное и символическое в волонтерском ответе

Анализ волонтерской деятельности во время ликвидации последствий разлива мазута в Черном море строится на пересечении нескольких теоретических направлений, позволяющих рассмотреть волонтерскую мобилизацию как сложный социально-материально-эмоциональный процесс ответа на экзистенциальную катастрофу в локальном выражении. Ключевым понятием здесь выступает инфраструктура: временные штабы и «инфраструктуры на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015]. Ее можно понимать не только в утилитарном измерении как склады, мойки или пункты распределения, но и как узлы социальной жизни и политической динамики. Именно там рождаются формы солидарности в условиях институционального вакуума [Larkin, 2013]. В этом отношении наш анализ опирается на идеи Анны Цзин [Tsing, 2015] о жизни во временных и несовершенных условиях, в которых импровизированные практики выживания становятся кристаллизацией новых форм взаимодействия. Штабы в Керченском проливе предстали именно такими пространствами — одновременно техническими и символическими, где материальное было неотделимо от социального.

Эмоциональное измерение этих практик не менее значимо. Теория эмоционального труда Арли Хохшильд [Hochschild, 2018] помогает рассмотреть, каким образом волонтеры регулировали собственные чувства и формировали коллективные ритуалы, делающие повседневный стресс управляемым. В ситуациях неопределенности аффективная работа становилась частью организационной логики. Вводя понятие эмоциональных режимов, Дильте Фассен [Fassin, 2013] подчеркивает, что управление чувствами — это не только индивидуальный опыт, но и элемент политической рациональности. Применительно к катастрофе это означает, что эмоциональная атмосфера штабов была не побочным продуктом взаимодействия, а условием воспроизведения самой мобилизации.

Особое место занимает перспектива заботы. Вслед за Джоан Тронто [Tronto, 2020], мы рассматриваем заботу как политическую и моральную практику, распределенную во времени и социальном пространстве. Включение подхода *more-than-human* Марии Пуйг де ла Беллакаса [de La Bellacasa, 2017] позволяет увидеть птиц не просто как объекты помощи, а как соакторов, организующих ритм волонтерской работы и придающих ей смысл. Их присутствие структурировало графики дежурств, распределение ресурсов и эмоциональные вложения участников. Тем самым практики заботы расширялись за пределы

человеческого сообщества, превращаясь в опыт совместного выживания и со-бытия.

Коммуникационное измерение катастрофы открывает еще один слой анализа. Исследования экологической коммуникации [Cox, 2023] и роли цифровых медиа в чрезвычайных ситуациях [Houston et al., 2015] показывают, что социальные сети функционируют как каналы мобилизации, координации и эмоциональной поддержки. Согласно выводам Уиттакера с коллегами [Whittaker, 2015], российский случай демонстрирует ключевое значение неформального волонтерства: именно через онлайн-каналы происходили набор добровольцев, обмен знаниями и формирование чувства сопричастности.

Наконец, отдельного рассмотрения требуют визуальные практики штабов. Настенные росписи, карты, граффити и детские рисунки можно анализировать через антропологию визуальности и агентности образа [Gell, 1998; Geismar, 2018; Marcus, 2021; Pink, 2020]. Следуя Мишелю де Серто [De Certeau, 1984], такие практики мы будем понимать как способы присвоения пространства катастрофы, превращающие его из зоны разрушения в пространство колективной памяти и идентичности. Визуальные образы работали не только как украшения, но и как символические якоря, поддерживавшие чувство общности и направлявшие эмоциональные режимы.

Таким образом, наша теоретическая рамка соединяет исследования инфраструктур, эмоционального труда, заботы, коммуникации и визуальных образов. Она показывает, как в условиях экологической катастрофы в Керченском проливе возникли гибридные формы социальной жизни. Эти формы объединяют материальное, эмоциональное и символическое измерения и демонстрируют, что экологическая катастрофа — это не только разрушение, но и начало формирования новых режимов общности и гражданской вовлеченности. Такой подход позволяет вписать российский случай в более широкий контекст исследований катастроф [Picou, 1997; Solnit, 2010; Tierney, 2007], одновременно выявляя его особенности — институциональный вакuum, сильное измерение more-than-human и значимость визуальных практик как инфраструктуры солидарности.

Методология

Полевая работа

Полевое исследование проводилось с 4 марта по 15 апреля 2025 года. Экспедиция охватывала Краснодарский край и Крым: штабы помощи птицам, штабы по очистке берегов, а также отели, где жили волонтеры (рис. 1). В экспедиции наряду со мной принимала участие Яна Хмельницкая, социолог Высшей школы экономики. Мы делились друг с другом интервью и вместе вели полевые дневники. В процессе работы мы совмещали несколько качественных методов: участие в волонтерской деятельности, включенное наблюдение, фотодокументацию, проведение 90 полуструктурированных интервью и одной фокус-группы с волонтерами, которые стояли у истоков ликвидации

катастрофы. Приоритет в выборке информантов отдавался волонтерам, которые участвовали в ликвидации последствий аварии с декабря 2024 года, а также тем, кто возвращался в разные периоды и занимал руководящие позиции в штабах. Такая стратегия позволила охватить различные траектории вовлеченности и зафиксировать разнообразие волонтерского опыта.

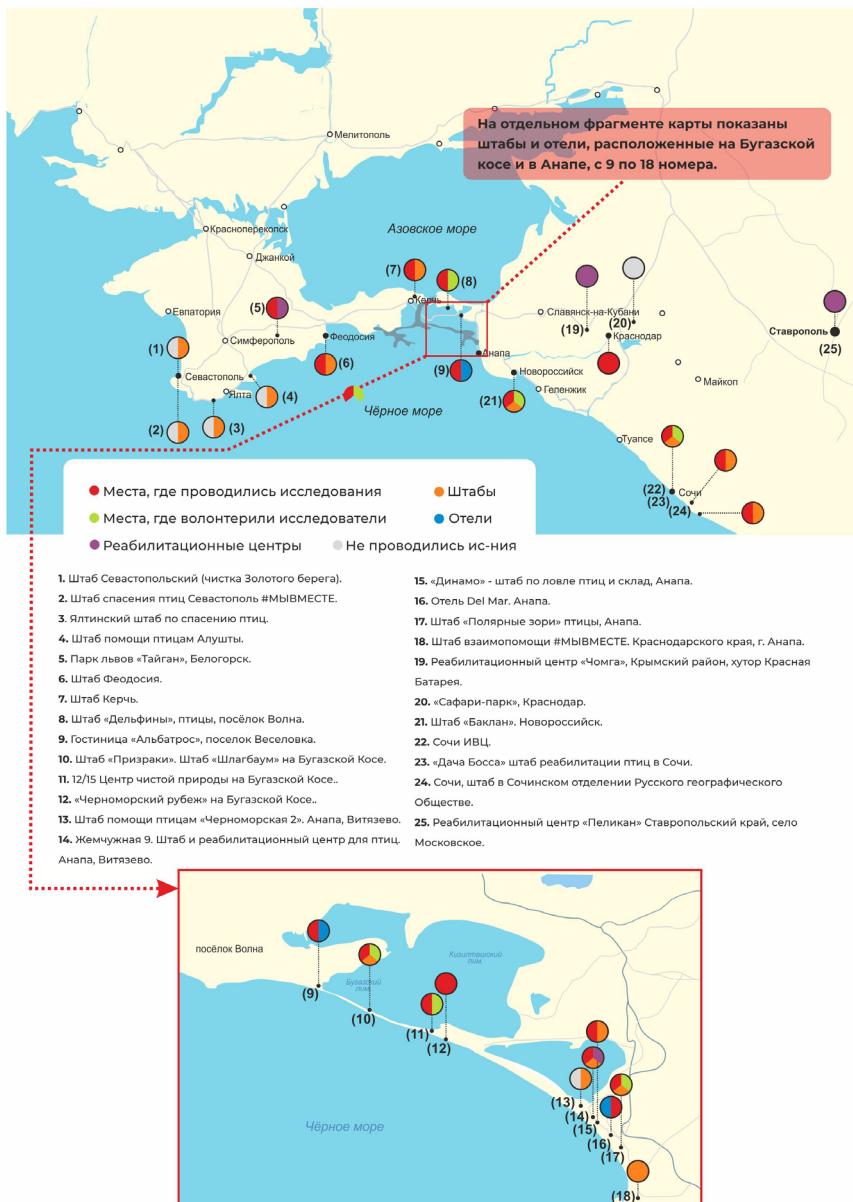

Рисунок 1. Карта мест проведения исследования

Источник: карта создана Александрой Орловой и Софией Белошицкой специально для этой статьи.

Социальный состав информантов оказался весьма разнородным. В штабы и на места работ приходили студенты, сотрудники СМИ, ветеринары, индивидуальные предприниматели, эксперты, художники, фотографы, люди рабочих профессий и многие другие. Наиболее заметной была молодежь до сорока лет, однако около пятой части участников составляли люди старшего возраста. Информанты младше 18 лет в исследование не включались: они не допускались к непосредственному контакту с мазутом. Среди волонтеров преобладали женщины. Гендерные различия проявлялись в характере труда: среди ловцов птиц встречалось приблизительно равное число мужчин и женщин, но на мойке и в процессе ухода за птицами особенно заметно было присутствие девушек. В очистке берегов сохранялся баланс, тогда как строительные и ремонтные работы чаще всего выполняли мужчины.

Стремясь к максимально широкому охвату, мы сознательно включали в круг информантов людей разных профессий и занятых различными видами волонтерской помощи. Это позволило уловить разнообразие практик, возникавших в условиях экологической катастрофы.

Визуальная этнография экокатастроф

Особенностью данного исследования стало сочетание классических этнографических практик с визуальными методами. Мы не только наблюдали за повседневностью волонтеров, но и сами участвовали в спасательных операциях и уборке побережья. Такая двойная вовлеченность позволила глубже понять логику действий участников и динамику организации штабов. Ключевым методологическим приемом стало совмещение ролей исследователя и волонтера. Эта двойная перспектива сделала возможным выявление эмпатических и аффективных измерений волонтерства, которые трудноуловимы при классическом дистанцированном наблюдении.

Визуальные методы занимают центральное место в исследовании: фото-документация процессов работы, материальных объектов (карт, плакатов, граффити, рисунков птиц в штабах) и бытовых условий жизни волонтеров стала не только вспомогательным источником данных, но и аналитическим инструментом. Визуальные артефакты, создаваемые самими волонтерами, позволили зафиксировать коллективные идентичности, формы солидарности и символическую презентацию катастрофы.

Наш подход находится в диалоге с традицией *этнографии катастроф*, в которой исследователи анализируют социальные практики и коллективные формы действия, возникающие в условиях катастроф [Auyero, Swistun, 2009; Davis, Walby, 2025]. Однако в отличие от большинства этнографий бедствий, акцентирующих внимание на институциональных реакциях или стратегиях выживания, мы сосредоточились на добровольческом измерении и на том, как экологическая катастрофа становится пространством для формирования новых сообществ, практик заботы и символических презентаций.

Особое значение визуальные методы приобретают в анализе солидарности. Фотографии и изображения, созданные как исследователями, так и самими волонтерами, не только документировали процесс спасения птиц

и очистки побережья, но и становились формой коллективного выражения сопричастности. Подобно тому, как в этнографических и визуальных исследованиях урагана «Катрина» [Tierney, 2007] и землетрясения на Гаити [Schuller, 2016] визуальные практики фиксировали уязвимость и разрушение, в нашем случае они делали видимым обратное — процессы заботы, объединения и совместного действия.

В этом смысле мы также опираемся на традиции *визуальной этнографии* [Grasseni, 2004], которая рассматривает визуальные данные не только как иллюстрацию, но и как полноценный способ познания и анализа. Наша работа на стыке этнографии катастроф и визуальной этнографии позволяет показать, что визуальное измерение не является второстепенным: оно раскрывает ключевые механизмы формирования солидарности и символического переосмысления катастрофы.

Результаты исследования

Мотивация волонтеров: «Если не я, то кто?»

На помощь местным жителям приехали волонтеры со всей России (рис. 2, 3). Волонтерское движение развивалось стремительно, в том числе через социальные сети [Houston et al., 2015; Cox, 2023].

«18-го я увидела видео: чомга вся „в глазури”... И 19-го поехала на мойку в «Черноморскую», уже дежурить» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Решение ехать спасать птиц и очищать побережье, как правило, рождалось из эмоционального порыва, переживания катастрофы как глубоко личного события:

«Я просто не могла оставаться дома, когда такое происходит. Захотелось хоть что-то сделать» (ж., волонтер, штаб «Полярные зори», Анапа, 18.03.2025).

Для многих этот шаг стал единственным возможным ответом на переживаемую тревогу и боль. Одни волонтеры говорили о давней привязанности к морю, воспринимая его как живое существо, которому теперь требуется помочь:

«Почему я пошла? Это огромное чувство долга перед морем. Сначала болели мы — оно нам помогало, теперь болеет море» (ж., местная жительница, автоволонтер, 29.03.2025).

Другие связывали решение приехать с памятью детства, когда мечтали стать ветеринарами и заботиться о животных:

«И вот наконец-то у тебя такой шанс, когда ты можешь помочь. У меня птицы замазченные в первую очередь перед глазами встали» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Так описывает свои чувства одна из участниц движения по ликвидации ЧС:

«Я поехала, потому что почувствовала: если не я, то кто?» (ж., волонтер, ветеринарный центр, Сочи, 09.03.2025).

Это переживание личной незаменимости повторялось в разных вариациях:

«Здесь я конкретно понимаю, что здесь я полезна. Если не будет моих рук, ног и меня вообще, то минус один человек» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Многие отмечали, что участие было продиктовано внутренней необходимостью:

«Мне важно было сделать что-то хорошее. Мне, наверное, было в том моменте критически важно... И поэтому это — не героизм» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Это внутреннее побуждение часто связывалось с чувствами совести и долга:

«Ну, лично мне-то надо, чтобы спокойнее спать. Чтобы совесть была спокойнее» (м., фотограф, штаб «Полярные зори», Анапа, 23.03.2025).

Для некоторых волонтерство становилось способом обрести смысл своей роли в текущей геополитической ситуации и справиться с личными кризисами:

«Здесь какой-то совсем другой мир: как будто я уже другой человек и не смогу жить ту обычную жизнь, в которой была раньше» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Другие говорили, что участие помогло им не уйти в депрессию:

«И вот чтобы совсем не уходить в эту депрессию, я в тот же день решила, что я иду волонтерить. Это был способ справиться» (ж., волонтер, Анапа, 21.03.2025).

Однако из индивидуального опыта это участие нередко вырастало в колективное действие, наделенное более широким смыслом. В нынешней геополитической ситуации, когда многие формы политической и гражданской активности в России оказались существенно ограничены, экологическое

Рисунок 2. Штаб «Полярные зори» (спасение птиц): на карте обозначены места, откуда приезжали волонтеры

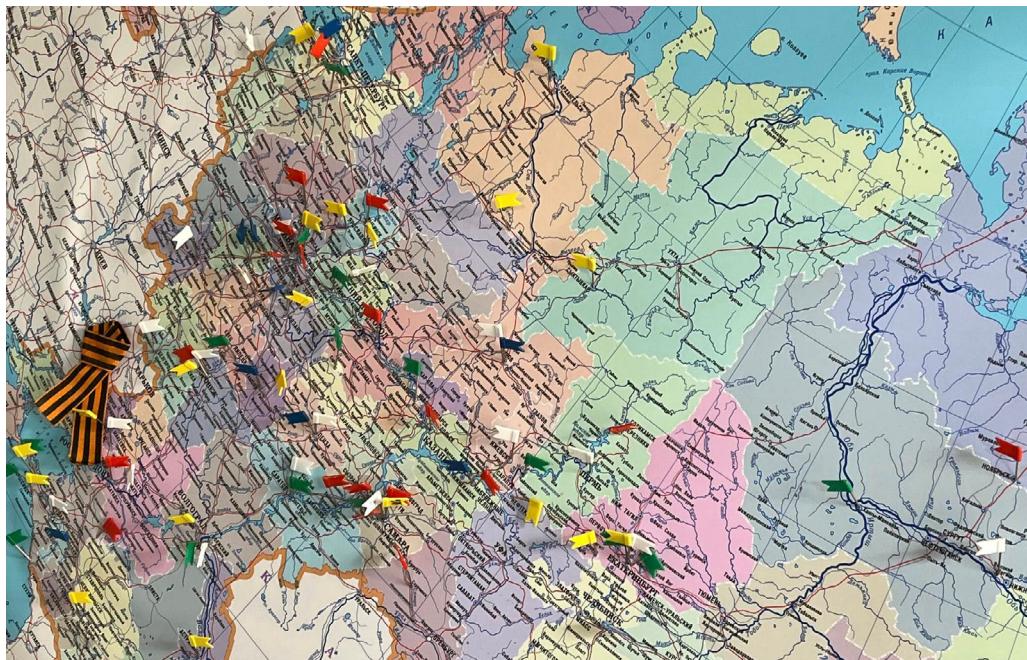

Рисунок 3. Штаб «Дельфины» (очистка берега): на карте обозначены места, откуда приезжали волонтеры

волонтерство становилось одной из немногих сфер, где люди ощущали возможность реального влияния. Оно воспринималось не только как личная терапия или моральный долг, но и как вклад в общее будущее, в сохранение условий жизни для последующих поколений. Один из участников делился:

«Мы же не сегодняшним днем живем. У нас дети есть, внуки» (м., фотограф, штаб «Полярные зори», Анапа, 23.03.2025).

Другая участница ликвидации ЧС сформулировала это еще конкретнее:

«По факту, наверное, каждый из нас делает это в первую очередь для своих детей. То есть чтобы они могли жить и видеть чистое море, и наблюдать перелетных птиц» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025).

Тем самым в ситуации ликвидации ЧС экологическое волонтерство приобретало и латентно политическое измерение. Оно открывало пространство для коллективного действия, которое, оставаясь в рамках социально приемлемого и разрешенного, все же содержало в себе опыт гражданской субъектности. Через заботу о природе и будущем формировались практики ответственности и солидарности, косвенно восполнявшие утраченные каналы более явного политического участия. Подобные пересекающиеся сюжеты описывает антрополог Джереми Моррис [Morris, 2025] в книге *Everyday Politics in Russia*, чьи информанты рассказывают о своем участии в низовых экологических инициативах по очистке берегов рек и лесов в Калужской области.

Важной частью мотивации было и ощущение ценности совместного действия. Это чувство сопричастности находило отражение в простых, конкретных результатах:

«Когда ты взял себе участок, скажем, 20–24 метра, ты их прошел часов за пять, смотришь — и у тебя вот был грязный песочек, а теперь чистый песочек. Каждый день результат понятен» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 14.03.2025).

Таким образом, за индивидуальными историями проступает более широкая картина: мотивация к участию формировалась на пересечении ценностей, личной памяти, этики ответственности и стремления обрести смысл. В этом отношении катастрофа становилась не только экологическим, но и экзистенциальным вызовом, на который волонтеры отвечали действием. Как отмечают исследователи, в условиях бедствий в людях раскрываются неожиданные способности к взаимопомощи и солидарности [Solnit, 2010; Basheva, Ermo- laeva, 2025].

В литературе подобные практики рассматриваются как часть моральной экономики [Fassin, 2013], где действия людей определяются не столько материальными стимулами, сколько ценностями долга, совести и заботы о будущем.

Ранее работы, посвященные нефтяным катастрофам, например, на Аляске (разлив нефти из танкера «Эксон Валдиз») или в Мексиканском заливе [Picoou, 1997; Gill et al., 2016], акцентировали внимание преимущественно на травмах, социальных конфликтах и разрушении локальных сообществ. Однако другие исследования показывают, что гражданское вовлечение и солидарность являются типичными практиками в подобных ситуациях, традиционно смягчая последствия катастроф [Sharpe et al., 2019; Walker et al., 2015; Naggea, Miller, 2023].

Представленный материал демонстрирует, как в условиях российской действительности экология становится ареной формирования новых солидарностей и практик взаимной поддержки. Такой аналитический ракурс позволяет подчеркнуть не только разрушительные, но и созидательные последствия катастрофы.

Формирование штабов: материальное, социальное и эмоциональное в работе волонтеров

Разлив мазута был воспринят жителями и активистами как катастрофическое событие, требующее немедленных действий. Один из информантов описывал первые впечатления следующим образом:

«Кажется, что конец света. Пляж, мертвые птицы и мазут. И ощущение, что если сейчас ничего не сделать, будет поздно» (м., эксперт, Краснодар, 10.04.2025) (рис. 4).

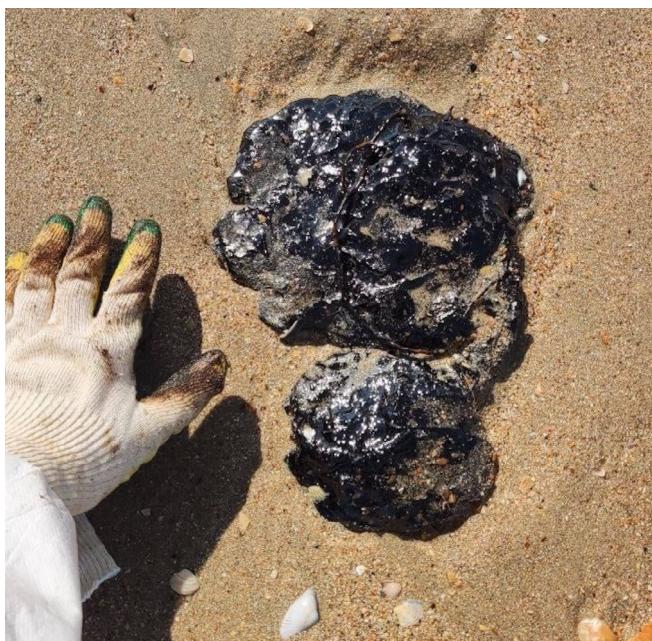

Рисунок 4. Птица в мазуте, найденная на побережье

Местные жители оказались первыми участниками ликвидации последствий:

«15-го декабря я почувствовал запах дикий, а 16-го мне позвонили с утра, сказали, что нужно выйти на пляж — тут ужас что творится! Никаких СИЗов¹, никаких масок — ничего. Бегали, лопаты искали. И начали убирать» (м., местный житель, владелец малого бизнеса, Анапа, 25.03.2025).

В отсутствие официальной информации и координации инициативу взяли на себя активные граждане:

«С 17-го люди вышли на берег и обнаружили слой мазута. Потом стали добиваться от государства, чтобы оно эконы мешки вывозило куда-то. Позже государство объявило федеральную ЧС» (м., эксперт, штаб «Черноморский рубеж», 18.03.2025).

Свидетельства подчеркивают не только экологический масштаб бедствия, но и телесно-чувственный опыт:

«Первые дни невыносимый запах стоял. Причем даже на Пионерском проспекте невозможно было дышать» (ж., фокус-группа, Анапа, 21.03.2025).

На побережье «лежали пластины по 20–30 метров, ковер толщиной 20–30 сантиметров» (ж., волонтер, Анапа, 21.03.2025). Для многих участие было выражением морального долга:

«Почему я пошла? Это огромное чувство долга перед морем. И народ пошел с открытым забралом на этот мазут, без защиты. Это просто реально человеческий вулкан, который тут был» (ж., местная жительница, Анапа, 30.03.2025).

Организация штабов по очистке берегов и спасению птиц в условиях разлива мазута может быть понята как пример «инфраструктуры на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015], возникающей в ситуации внезапной катастрофы, где практики складываются в хрупких и изменчивых обстоятельствах (рис. 5). На раннем этапе действия волонтеров носили хаотичный характер:

«Поначалу это просто было, как сказать, не очень организованно... Все приходили без опыта, пытались помочь, но по сути никто ничего не умел» (ж., ветеринарный центр, Сочи, 09.03.2025).

Однако уже в течение двух недель сложилась устойчивая организационная логика:

¹ СИЗ — средства индивидуальной защиты.

«Направление работы с птицей сформировалось в какую-то уже нормальную устоявшуюся рабочую систему. Полный цикл работы с птицей: отлов, автоволонтеры, мойка, стационар, — все это было организовано» (м., волонтер, штаб «Полярные зори», Анапа, 18.03.2025).

Рисунок 5. Штаб «Дельфины»

Пространство штаба выполняло складские, хозяйствственные и социальные функции. Здесь хранились и распределялись средства защиты: «Стояли коробки с сапогами, с масками, с респираторами» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025); «инструменты для очистки пляжей (лопаты, мешки), а также оборудованные мойки для птиц, где одновременно работало по 20–25 человек» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.09.2025). Снабжение обеспечивалось благодаря коллективным усилиям в социальных сетях. «Люди сбрасывают деньги на пункт выдачи, привозят продукты» (м., волонтер, организация «Чистая природа», Бугазская коса, 20.03.2025), что перекликается с пониманием инфраструктуры как узла материальных и социальных связей [Larkin, 2013].

Тактическая организация пространства проявлялась в постоянной адаптации к погоде и новым выбросам мазута:

«Мы почистили — пошел ветер, сдул слой песка — и мы опять заново эту зону чистили» (ж., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 15.03.2025) (рис. 6, 7).

Эти циклы иллюстрируют временную и повторяющуюся природу «инфраструктур на коленке», где каждое решение является неокончательным и подвержено пересмотру [Tsing, 2015].

Рисунок 6. Волонтеры в третий раз очищают один и тот же участок берега на Бугазской косе

Рисунок 7. Автор статьи на очистке берега

Наряду с материальными практиками формировалась эмоциональная инфраструктура — поддерживающие социальные и символические механизмы. Коллективное изобретение языка для обозначения смерти птиц показывает работу символического упорядочивания в условиях травматического опыта: «*Долгое время не было слова, которым назвать мертвых птиц. Потом ветеринары подарили нам слово „ладеж“*» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Это можно рассматривать через концепт эмоциональных режимов [Fassin, 2013; Hochschild, 2018], где управление чувствами становится частью совместной работы.

Повседневная жизнь штабов включала расписание и ритуализированные собрания:

«*В 7.30 ты встаешь, ешь, выходишь чистишь мазут, потом обдаешь, потом опять чистишь. Вечером общее собрание, на котором есть возможность всем высказаться*» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 14.09.2025).

Так штабы становились гибридными пространствами — одновременно складами, мастерскими, социальными узлами и местами эмоциональной поддержки. В совокупности эти практики показывают, что временные штабы были не только техническими узлами ликвидации катастрофы, но и пространствами коммуникации и тактической самоорганизации, воплощая динамику «инфраструктур на коленке» [Larkin, 2013; Tsing, 2015], где материальное, социальное и эмоциональное соединяются в условиях институционального вакуума и экологической неопределенности.

Помощь птицам

Взаимодействие с пострадавшими птицами стало центральным элементом, определявшим и повседневные процедуры, и эмоциональный ритм работы волонтеров. Поведение птиц, их физическое состояние и исход лечения структурировали организацию труда, задавая его интенсивность, последовательность и смысловые рамки. Непосредственный контакт с птицами требовал от волонтеров особой телесной и эмоциональной вовлеченности:

«*Птица, кстати, тоже: как у людей — характер у каждой свой. И вот ты на нее смотришь и нежно-нежно, вот как массаж когда делаешь, чувствуешь же тело. Птица — она такая же душа, она маленькая, но это душа*» (ж., волонтер, мойка птиц, склад «Динамо», 08.04.2025).

Этот тип взаимодействия выстраивал не только технический порядок действий (отмывание от мазута, сушка, кормление), но и режим телесного внимания и бережности. Высокая смертность птиц формировала эмоциональные циклы работы и требовала от участников умения «взять себя в руки и продолжать работать» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025). В первые дни «птицы стали умирать прямо на руках, в процессе мойки... Это стало

бить по людям вот прям сразу» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Волонтер отмечала, что именно первые жертвы были особенно тяжелыми: «Вот это, наверное, самое тяжелое было, что я над каждой птицей плакала» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025). Другой участник рассказывал о волонтерстве как о тяжелом моральном и физическом опыте:

«Было тяжело морально: уставший, голодный, а еще и не знаешь, спа- сешь ли хоть одну птицу. Очень много птиц умирает от стресса со- вокупного: и того, что измазались в мазуте, и того, что их куда-то притащили, и того, что их в коробку засунули. А смертность птиц до- стигает 90%» (м., исследователь-эксперт, штаб «Черноморский рубеж», 28.03.2025).

Эмоциональная нагрузка была столь высокой, что многие описывали ежедневный кризис, который стал частью волонтерского опыта:

«Может быть, это хорошо — пережить такое потрясение — для че- ловека, чтобы стержень внутренний укрепить. Но у нас — истерика за истерикой. Я боялась, что птица в мойке умрет не потому, что птица умрет, а потому, что это потом 30 минут слез для тех трех, которые ее пытались спасти. Это была боль. И это — каждый день, просто каждые два часа какая-нибудь — бац! — истерика, — бац! — истерика. Конечно, нельзя пускать людей неподготовленных в такой ужас. Ну нельзя» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Чтобы поддержать других, волонтер нарисовала инструкцию, как работать и как беречь себя (чтобы не сойти с ума), по аналогии с кукухой из передачи *The Breakfast Show* (рис. 8).

Рисунок 8. Фрагменты инструкции-заботы о волонтерах

Со временем волонтеры адаптировались к условиям ликвидации ЧС. Даже язык внутри штаба изменился: для умерших птиц стали использовать более

нейтральные термины (как отмечалось выше, «падеж»), чтобы снизить остроту эмоций. При этом важным оставалось сохранить надежду:

«Пусть на неделю, но мы дали птице шанс. И приложили все усилия, чтобы пусть даже эту неделю, но она прожила, питалась... Не опускаем руки, не расстраиваемся: сколько выживет, столько выживет» (м., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025).

Рисунок 9. Автор статьи осуществляет волонтерскую работу и ведет включенное наблюдение, штаб «Баклан», Новороссийск

Как показывают интервью и наблюдения, состояние птиц определяло приоритеты и ритм смен:

«Мы прекращаем разбирать птиц часов, наверное, в 6–7 утра... В 8 утра приходят другие волонтеры, и мы с ними начинали работать,

делать медицинские процедуры. Мы, наверное, первую неделю вообще не спали, там, может, минут по 20» (ж., волонтер, реабилитационный центр «Пеликан», Ставропольский край, 12.03.2025).

Ночные смены воспринимались как особенно тяжелые:

«Ночные смены тяжелее, чем дневные, потому что ты целую ночь моешь птиц» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Успехи, напротив, становились источником мобилизации и оправданием усилий: «даже если ты выпускаешь одну птицу, то это уже большая победа» (м., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025) (рис. 9). Волонтеры видели в этом не только спасение живых существ, но и экзистенциальное оправдание собственных действий (рис. 10):

«Я это увидела и почувствовала, что вот — я сделала: помыла птицу. Я увидела результат — все, она чистая. Все, я — молодец» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Рисунок 10. Адаптация птиц к жизни в природных условиях, центр реабилитации птиц «Тайган»

Таким образом, взаимодействие с птицами выполняло двоякую функцию. С одной стороны, оно определяло материально-технический порядок работы, включающий последовательность процедур, режим смен, новые экспериментальные практики вроде переливания крови от петухов больным

чомгам. С другой — формировало эмоциональную атмосферу штаба, где трагический опыт утрат сосуществовал с мобилизующей силой воодушевления от спасенных жизней. Птицы становились своеобразными организаторами процесса: их состояние диктовало ритм волонтерской работы, а их уязвимость структурировала коллективные усилия и придавала смысл всей деятельности. С академической точки зрения подобная динамика может быть рассмотрена как пример эмоциональной работы [Hochschild, 2018], когда участникам приходится регулировать собственные чувства, чтобы соответствовать нормам заботы и продолжать труд в условиях утрат. Одновременно это близко к концепции работы по уходу и заботе (*care work*) [Tronto, 2020; de la Bellacasa, 2017], где уход за умирающими понимается не только как техническая помощь, но и как этическая практика, придающая ценность самому процессу.

Тысячи птиц прошли через руки волонтеров и ветеринаров, но выжила лишь малая часть (менее 10%); эвтаназия применялась считанные разы. В этих условиях выхаживание умирающих становилось своеобразной этической инфраструктурой, удерживавшей людей в кризисе и придававшей смысл их действиям. В этой перспективе фигура спасателя требует особого теоретического осмыслиения. В отличие от волонтера, воспринимающегося прежде всего как добровольный участник, спасатель становится субъектом действия, направленного на преодоление разрушения и возвращение жизни. Его работа объединяет техническую помощь и эмоциональное сопреживание, физическое усилие и символическое сопротивление, которое осуществляется в условиях постоянной нехватки инфраструктуры, ресурсов и времени. Эта нехватка заставляет спасателей одновременно координировать действия, импровизировать, принимать организационные решения и справляться с собственным истощением.

При этом они не действуют в пустоте: даже в этих предельно тяжелых условиях их опыт раскрывает возможность возвращения к опорам, которые в повседневной жизни утрачены или забыты. Эти опоры — практики заботы, солидарности и сопричастности с природой — становятся источником силы и предметом гордости. Для многих участников спасение птиц оказалось редким временем жизни, когда труд, сопричастность и забота возвращали смысл существования и помогали ощутить собственную вовлеченность.

Наши наблюдения перекликаются с исследованиями волонтерской вовлеченности в чрезвычайных ситуациях. Как отмечает Катлин Тиерней [Tierney, 2007], катастрофы сопровождаются не только мобилизацией ресурсов, но и интенсивной эмоциональной нагрузкой, требующей коллективных механизмов адаптации. Исследователи [Whittaker et al., 2015] подчеркивают роль неформального волонтерства, где эмоции и опыт оказываются столь же важными, сколько и материальные ресурсы. В случае катастрофы в Черном море эти механизмы включали и новые профессионализированные практики (внесенные в среду волонтеров ветеринарами), и символическое переосмысление даже единичных спасенных жизней как общей победы. Исследования экологических катастроф показывают, что эмоциональные режимы формируют

не менее важный ресурс, чем инструменты и техника [Cox, 2023; Houston et al., 2015]. Наши интервью подчеркивают эту логику: сохранение вовлеченности при постоянных потерях требовало от волонтеров и индивидуальной работы над чувствами, и создания коллективной среды, где забота о самих себе была так же важна, как забота о птицах.

Визуализация в штабах

Заходя в штабы по спасению птиц и очистке берегов, невозможно было не заметить, что стены превращались в полотна коллективного воображения. Первое, что бросалось в глаза, — карты с отмеченными на них местами, откуда приехали волонтеры. Эти карты не только фиксировали географию участия, но и делали видимым сообщество, раскиданное по всей стране (рис. 11). Каждая отметка становилась своеобразным следом, вписанным в общую историю [Marcus, 2021; Pink, 2020].

Рисунок 11. Фотографии волонтеров из разных частей России, реабилитационный центр, штаб «Жемчужная»

В отдельных штабах появлялись граффити и настенные росписи (рис. 12, 13). Особую роль играли рисунки школьников. Они приходили со всей России и постепенно занимали все свободное место: простые карандашные наброски, яркие акварели — наивные, но проникновенные образы. Волонтеры говорили, что именно они придают силы. Эти рисунки становились медиатрами между полем и широкой аудиторией, превращая локальную практику в общенациональное дело [de Certeau, 1984].

Рисунок 12. Граффити, штаб «Жемчужная»

Рисунок 13. Волонтеры пишут о своих впечатлениях и оставляют памятные послания последователям

Визуализация выходила и за пределы настенных изображений. Уезжающим волонтерам на средства индивидуальной защиты — перчатки, маски, комбинезоны — наносили рисунки и слова напутствия (рис. 14). Утилитарные предметы становились носителями символической памяти и знаками признания [Pink, 2020].

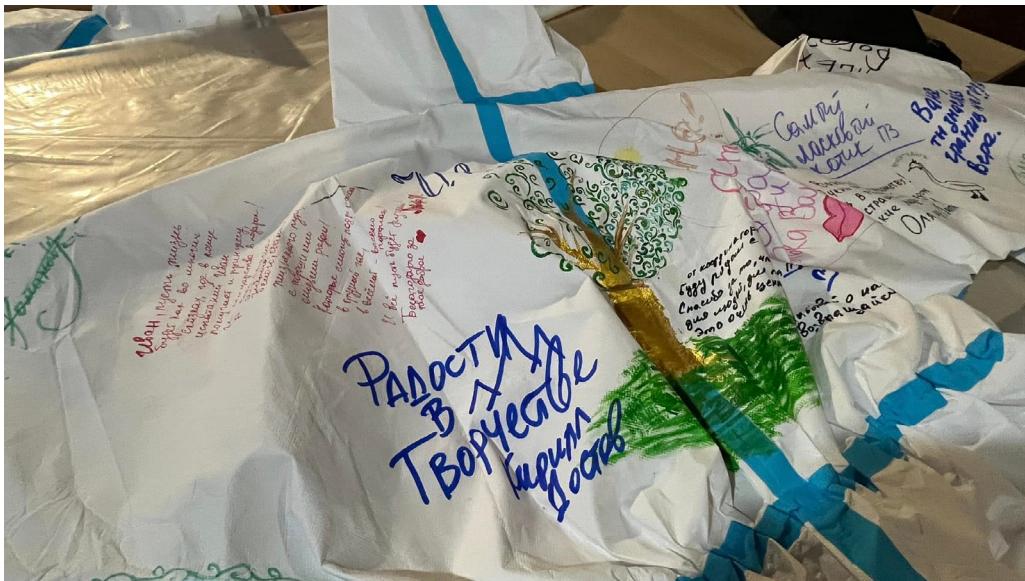

Рисунок 14. Напутствие на СИЗе

В штабе «Шлагбаум» по очистке берегов сделали целую инсталляцию: несколько манекенов в СИЗ, изображающих волонтеров. Эта игра с образом подчеркивала и напряженность ситуации, и способность к самоиронии.

Наконец, визуальные практики сопровождали участников и за пределами штаба. Популярными стали татуировки с изображениями птиц — маленьких, контурных или более сложных, реалистичных (рис. 15). Для многих это был способ увезти с собой сильный эмоциональный опыт участия, зафиксировать его на теле и сделать частью собственной идентичности [Geismar, 2018].

Рисунок 15. Татуировка, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса (публикуется с разрешения информанта)

С точки зрения визуальной антропологии подобные практики можно рассматривать как формы агентности изображений [Gell, 1998]. Карты, рисунки и татуировки не были лишь отражением событий — они поддерживали, сплачивали и придавали смысл происходящему. Визуализация превращалась в элемент повседневного действия [Pink, 2020], связывая индивидуальный опыт с коллективной памятью.

Эта связь особенно важна в контексте катастрофических событий, которые по своей природе мимолетны и хаотичны. Визуальные следы — будь то карта с отмеченными городами, граффити на стене штаба или нарисованная птица — превращались в материальные якоря памяти, позволяющие удерживать переживания и превращать их в общую историю. Такие изображения становились медиаторами между личными впечатлениями и коллективным нарративом, представляли собой форму осмыслиения опыта и сохраняли его для будущего.

Именно через визуальные практики повседневное и эмоциональное получало форму, доступную для совместного воспоминания. Коллективная память здесь складывалась из устных рассказов и документов и из образов, которые работали на сохранение чувства общности. В дальнейшем эти изображения могли служить напоминанием о солидарности, символами пережитого единства и знаками принадлежности к сообществу ликвидаторов ЧС. Тем самым визуализация становилась не просто частью документации катастрофы, но и инструментом трансформации травматического опыта в ресурс коллективной идентичности.

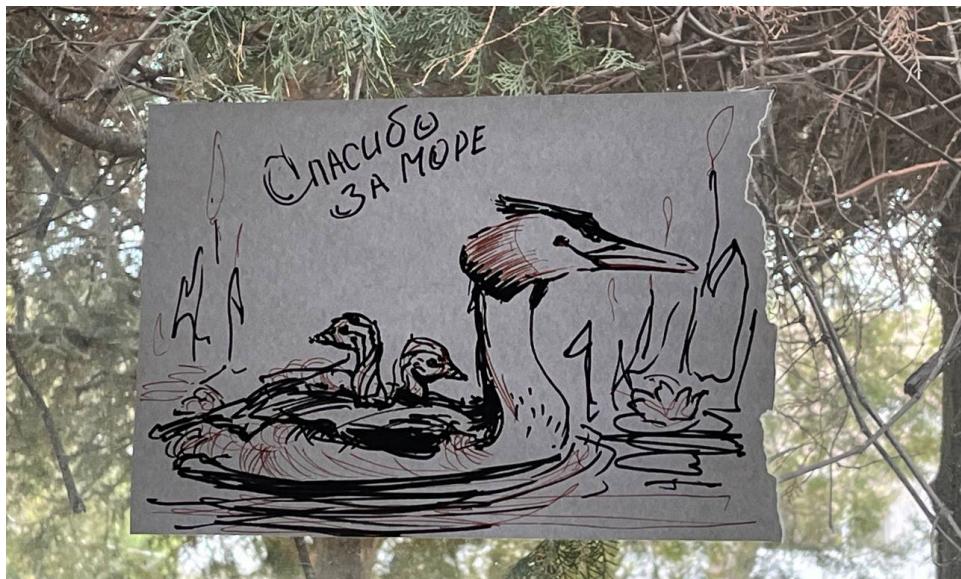

Рисунок 16. Рисунок волонтера, штаб «Динамо»

Но важно, что эти изображения были не просто средствами коммуникации. Они становились частью эмоциональной инфраструктуры штаба (рис. 16).

В условиях постоянных потерь и высокой смертности птиц, когда требовалось удерживать способность взять себя в руки и продолжать работать [Hochschild, 2018], визуальные практики поддерживали баланс чувств, помогали переключать внимание и наполняли среду знаками заботы. Рисунки детей или надписи на перчатках превращались в жесты работы по заботе (*care work*) [Tronto, 2020], которые касались и птиц, и самих волонтеров. Таким образом, визуальные практики соединяли эстетику спасения и этику заботы: они оформляли пространство штаба и становились ресурсом эмоциональной стойкости и символической заботы, поддерживающей людей в ситуации кризиса.

Опыт солидарности и общности

Экологическая катастрофа, хотя и воспринималась в первую очередь как источник санитарных рисков, стала одновременно и полем формирования новых практик солидарности и коллективного опыта, который многие участники описывали как уникальный:

«Когда я впервые увидела пятна мазута, я ужаснулась. Но это был уникальный опыт — столкнуться не только с катастрофой, но и с настоящими людьми» (ж., фотограф, штаб «Полярные зори», 23.03.2025).

В этом высказывании, помимо масштаба катастрофы, важен акцент на опыте встреч с другими, на обретении *настоящих людей*. Здесь проявляется ключевая особенность волонтерского участия: катастрофа становится не только объектом страха и ужаса, но и средством выхода за пределы индивидуальной замкнутости. Встреча с настоящими людьми воспринимается как момент подлинности и солидарности, где бытовое и рутинное соседствуют с переживанием глубокого человеческого смысла.

Именно поэтому уникальность опыта для волонтеров заключалась как в помощи птицам и очистке побережья, так и в создании нового сообщества. В нем ценились не столько профессиональные навыки или социальный статус, сколько готовность к действию, взаимопомощь и доверие. Этот опыт можно рассматривать как пример формирования горизонтальных связей и практик коллективности в современной России при реакции на катастрофы. Аналогичные примеры выявлены и при исследовании участия волонтеров в России в других чрезвычайных ситуациях, например, в пожарах и наводнениях, где формировались горизонтальные волонтерские сети для ликвидации последствий природных катастроф [Торотоева, 2022; Башева, 2021].

Разлив мазута в Черном море стал еще одним примером формирования коллективного опыта и солидарности во время катастроф. Волонтеры отмечали ощущение общности и взаимозависимости:

«Мы стали как одна семья, хотя раньше не знали друг друга» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Это чувство родства становилось фоном всей работы и придавало смысл самым разным повседневным практикам — от приготовления еды и переноса

мешков с мазутом до бесконечной мойки птиц². Информанты подчеркивали, что именно этот опыт изменил их представление о людях:

«Это дало мне веру в людей. Столько добра и участия я не видела никогда» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

В интервью звучала мысль о взаимном обмене теплом и вниманием:

«Мне нравилось в этом процессе не только спасать птиц, а вот с людьми мне нравился этот обмен энергией, вот эта доброта. Я любила дарить ее. Я любила разговаривать. И обмен добротой» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Риторика героизма в этом контексте многими отвергалась:

«Герои? Да нет, мне кажется, это не про героев. И, наверное, никто из волонтеров не любит про героев... Потому что один бы там стоял — и все. А тут: Таня приносила облепиху, мальчики сделали компьютерную систему учета птиц, ловцы ловили птиц, кто-то убирал мазут, кто-то переводил деньги из другого города... Это только всем сообществом неравнодушных можно было провернуть» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

В этих словах звучит важная для участников мысль: речь не о подвигах отдельных людей, а о совместной, распределенной работе, где каждый элемент имеет значение. Такое общее дело открывало и неожиданные горизонты доверия:

«Пока есть люди, не все потеряно. Жизнь продолжается. Сколько прекрасных людей я встретила! Да, мы все разные. На разном этапе, уровне понимания, развития. Но все равно мы — люди. И это здорово» (ж., волонтер разных штабов, Краснодар, 10.04.2025).

Другая участница сравнивала это чувство с «энергетическим столбом», который «стоял над этим местом» (ж., местная жительница, Анапа, 21.03.2025), создавая почти сакральное переживание единения. Нередко волонтеры говорили о концентрации добрых людей, о встрече в одном месте большого количества альтруистов и эмпатов, которым в обычной жизни тяжело выживать в жестких структурах. Здесь же они находили пространство, где отзывчивость и готовность проявлять заботу о людях и природе становились нормой:

«Люди из разных городов общаются, дружат и даже ездят друг к другу. Это круто, что сюда приезжают разные люди — от студентов до 70-летнего мужчины из Ейска. У всех разные профессии, взгляды,

² Выражение «мойка птиц» использовалось волонтерами и репрезентирует волонтерский нарратив.

а объединяет одна цель» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Многие отмечали, что именно люди были самым ценным приобретением в этой ситуации:

«Самое ценное? Люди, конечно. И птицы — тоже самое ценное. Но люди! Здесь концентрация добрых людей» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025);

«Все, что мы отсюда выносим, — это люди, это знакомства. Что бы ни происходило вообще в жизни глобально, люди — это самое ценное» (ж., волонтер «Единой России», штаб «Черноморский рубеж», 20.03.2025).

Эта общность проявлялась и в ритуалах, таких как совместныеочные смены, новогодняя ночь в штабе, песни под гитару:

«При всем аду внешнем это было потрясающее событие с точки зрения людей: обмен шутками, угощениями, советами. Волонтеру нужен волонтер» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 19.03.2025).

Важно и то, что в одном пространстве встречались люди самых разных политических взглядов, возрастов и профессий:

«Тут сидят военные все в зеточках, тут же левые, тут веганы, мясоеды, консерваторы, прогрессивные... Все в этом варятся, общий язык ты со всеми находишь» (м., волонтер, штаб «Шлагбаум», Бугазская коса, 19.03.2025).

Взаимопомощь стирала границы, которые в других обстоятельствах разделяли бы этих людей. Мы наблюдали не вертикальную и институционально заданную форму общности, а горизонтальную, гибкую и эмпатически насыщенную. Она сочетала в себе бытовое, утилитарное и экзистенциальное. «Мы справились, мы смогли, мы сделали», — говорили волонтеры. И это «мы» было не риторической фигурой, а прожитым опытом совместности, который, как признавались информанты, не хотелось терять:

«Я хотела ощутить это командное чувство. Мне кажется, я его здесь и получила... Это ощущение не хочется утерять» (ж., волонтер, штаб «Баклан», Новороссийск, 13.03.2025).

Ощущение солидарности и общности, которое мы наблюдали в штабах, выходит за рамки классических концепций эмоциональной работы [Hochschild, 2018; Tronto, 2020; de la Bellacasa, 2017]. Здесь эмоциональная

вовлеченность и коллективная забота становятся инструментом организационной устойчивости в условиях кризиса, а не только средством соблюдения норм. Эффективность работы штабов зависела от способности участников совместно управлять эмоциональными ресурсами: поддерживать друг друга, перерабатывать травматический опыт и сохранять мотивацию.

Таким образом, опыт черноморских волонтеров вносит новое в исследования солидарности в условиях катастроф. Этот кейс иллюстрирует, что социальная жизнь в катастрофических ситуациях не сводится к мобилизации ресурсов, она включает интенсивную работу по созданию совместного опыта и коллективного смысла, который становится ключевым ресурсом для преодоления кризиса [Tierney, 2007; Whittaker et al., 2015; Cox, 2023; Houston et al., 2015].

Заключение

Разлив мазута в Черном море выявил не только масштабы экологической уязвимости, но и способность людей выходить за пределы роли пассивных свидетелей катастроф. В условиях отсутствия четких протоколов и институциональной поддержки участники создали собственные практики организации, заботы и солидарности, встроившись в ситуацию разрушения как действующие субъекты.

Штабы, организованные волонтерами, оказались гибридными пространствами: материальная инфраструктура — склады, мойки, пункты хранения — переплеталась с социальными узлами, где возникали новые формы взаимопомощи, эмоциональной поддержки и коллективного согласования. В этих пространствах проявлялись неожиданные формы общности, рождающиеся не из заранее заданных рамок, а из совместного труда и опыта уязвимости. Особое значение приобрело взаимодействие с птицами. Их спасение стало не только практикой ухода, но и способом переосмыслить свое присутствие в мире, ощутить сопричастность с жизнью и смысл собственных действий. Эти трудоемкие и эмоционально насыщенные практики формировали чувство ответственности и солидарности, а для участников становились редким источником личного удовлетворения.

В современной геополитической ситуации в России такие действия обретают дополнительный символический и практический смысл. Совместная работа на благо природы и спасение уязвимых видов выступают не как экологическая обязанность, а как форма активного гражданского участия, утверждение гуманистических ценностей и сохранение моральной автономии. Эти практики показывают, что даже при ограниченных ресурсах, нехватке инфраструктуры и социального согласия возможно создание инфраструктур заботы, где материальное, социальное и эмоциональное взаимодействуют, формируя коллективное противодействие разрушению и укрепляя чувство общности.

Экологическая катастрофа в Черном море демонстрирует, что уязвимость и разрушение могут стать точкой рождения новых форм коллективной субъектности. Вместе проявляя заботу о природе, люди создают значимые

пространства ответственности, солидарности и смысла, где проявляется потенциал человеческого коллективного действия, а экзистенциальная катастрофа превращается в возможность переосмыслить собственное место в мире.

Литература / References

Башева О. А., Невский А. В. Волонтеры в чрезвычайных ситуациях как объект социологического исследования // Информационно-аналитический бюллетень института социологии ФНИСЦ РАН. 2021. № 3. С. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.1> EDN: MLQYFJ

Basheva O.A., Nevskii A.V. (2021) Volunteers in Emergency Situations as an Object of Sociological Research. *Informacionno-analiticheskij byulleten instituta sociologii FNISC RAN* [Information and Analytical Bulletin of Institute of Sociology of FCTAS RAN]. No. 3. P. 4–9. DOI: <https://doi.org/10.19181/INAB.2021.3.1> (In Russ.)

Торотоева А. М. Волонтерство в чрезвычайных ситуациях как вид добровольческой деятельности: основные черты, препятствия и возможности развития. (Обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11. Социология. 2022. № 4. С. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.06> EDN: OZEFSB

Torotoeva A.M. (2022) Volunteering in Emergencies as a Type of Volunteer Activity: Main Features, Difficulties and Opportunities for Development (Literature Review). *Socialnye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 11 Sociologiya* [Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Series 11. Sociology]. No. 4. P. 89–108. DOI: <https://doi.org/10.31249/rsoc/2022.04.06> (In Russ.)

Auyero J., Swistun D. (2009) Tiresias in Flammable Shantytown: Toward a Tempography of Domination. In: *Sociological Forum*. Vol. 24. No. 1. P. 1–21. Oxford: Blackwell Publishing. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1573-7861.2008.01084.x>

Basheva O. A., Ermolaeva P. O. (2025) Digital Volunteering Concept: Definition and Models for Analysis. In: *The Palgrave Handbook of Environmental Policy and Law*. P. 207–219. Cham: Springer Nature Switzerland. DOI: https://doi.org/10.1007/978-3-031-30231-2_26-1

Cox R. (2023) *Environmental Communication and the Public Sphere*. Thousand Oaks: Sage.

Davis B., Walby K. (2025) Outline of an Interdisciplinary Method: From Counter-Visual Ethnography to Tracing. *Visual Studies*. P. 1–11.

de La Bellacasa M. P. (2017) *Matters of Care: Speculative Ethics in More than Human Worlds*. Minneapolis: University of Minnesota Press.

De Certeau M. (1984) *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California.

Fassin D. (2013) The Predicament of Humanitarianism. *Qui Parle: Critical Humanities and Social Sciences*. Vol. 22. No. 1. P. 33–48. DOI: <https://doi.org/10.5250/quiparle.22.1.0033>

Gell A. (1998) *Art and Agency: An Anthropological Theory*. Oxford: Clarendon Press.

Geismar H. (2018) *Museum Object Lessons for the Digital Age*. London: UCL Press. DOI: <https://doi.org/10.14324/111.9781787352810>

Gill D. A., Liesel A. R., Picou J. S. (2016) Sociocultural and Psychosocial Impacts of the Exxon Valdez Oil Spill: Twenty-four Years of Research in Cordova, Alaska. *The Extractive Industries and Society*. Vol. 3. No. 4. P. 1105–1116. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.exis.2016.09.004>

Grasseni C. (2004) Video and Ethnographic Knowledge: Skilled Vision in the Practice of Breeding. In: *Working Images: Visual Research and Representation in Ethnography*. P. 15–30. London: Routledge.

Hochschild A. R. (2018) *Strangers in Their Own Land: Anger and Mourning on the American Right*. New York: The New Press.

Houston J. B., Hawthorne J., Perreault M. F., Park E. H., Hode M. G., Halliwell M. R., McGowen S.E.T., Davis R., Vaid S., McElderry J. A., Griffith S. A. (2015) Social Media and Disasters: a Functional

- Framework for Social Media Use in Disaster Planning, Response, and Research. *Disasters*. Vol. 39. No. 1. P. 1–22. DOI: <https://doi.org/10.1111/dis.12092>
- Larkin B. (2013) The Politics and Poetics of Infrastructure. *Annual Review of Anthropology*. Vol. 42. P. 327–343. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev-anthro-092412-155522>
- Marcus G. E. (2021) *Ethnography through Thick and Thin*. Princeton: Princeton University Press.
- Morris J. (2025) *Everyday Politics in Russia: From Resentment to Resistance*. New York: Bloomsbury Publishing.
- Naggea J., Miller R. K. (2023) A Comparative Case Study of Multistakeholder Responses Following Oil Spills in Pointe d’Esny, Mauritius, and Huntington Beach, California. *Ecology and Society*. Vol. 28. No. 1. P. 1–24. DOI: <https://doi.org/10.5751/ES-13737-280124>
- Ottinger G. (2022) Becoming Infrastructure: Integrating Citizen Science into Disaster Response and Prevention. *Citizen Science: Theory and Practice*. Vol. 7. No. 1. P. 1–13. DOI: <https://doi.org/10.5334/cstp.409>
- Picou J. S. (1997) *The Exxon Valdez Disaster: Readings on a Modern Social Problem*. Dubuque: Kendall/Hunt Publishing Company.
- Pink S. (2020) *Doing Visual Ethnography*. London: Sage.
- Sharpe J. D., Kaufman J. A., Goldman Z. E., Wolkin A., Gribble M. O. (2019) Determinants of Oil-Spill Cleanup Participation Following the Deepwater Horizon Oil Spill. *Environmental Research*. Vol. 170. P. 472–480. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.envres.2019.01.009>
- Schuller M. (2016) The Tremors Felt Round the World: Haiti’s Earthquake as Global Imagined Community. *Contextualizing Disaster*. P. 66–88. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781789204773>
- Solnit R. (2010) *A Paradise Built in Hell: The Extraordinary Communities that Arise in Disaster*. London: Penguin.
- Tierney K. J. (2007) From the Margins to the Mainstream? Disaster Research at the Crossroads. *Annual Review Sociology*. Vol. 33. No. 1. P. 503–525. DOI: <https://doi.org/10.1146/annurev.soc.33.040406.131743>
- Tronto J. (2020) *Moral Boundaries: A Political Argument for an Ethic of Care*. New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9781003070672>
- Tsing A. L. (2015) *The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins*. Princeton: Princeton University Press.
- Florina S. T., Ziccardi M. (2019) Care of Oiled Wildlife. *Medical Management of Wildlife Species: A Guide for Practitioners*. P. 75–84.
- Walker A. H., Pavia R., Bostrom A., Leschine T. M., Starbird K. (2015) Communication Practices for Oil Spills: Stakeholder Engagement During Preparedness and Response. *Human and Ecological Risk Assessment: An International Journal*. Vol. 21. No. 3. P. 667–690. DOI: <https://doi.org/10.1080/10807039.2014.947869>
- Whittaker J., McLennan B., Handmer J. (2015) A Review of Informal Volunteerism in Emergencies and Disasters: Definition, Opportunities and Challenges. *International Journal of Disaster Risk Reduction*. Vol. 13. P. 358–368. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijdrr.2015.07.010>

Сведения об авторе:

Тысячнюк Мария Сергеевна — независимый исследователь, PhD Вагенингенского университета, Нидерланды. **E-mail:** mtysiachn@gmail.com. **РИНЦ Author ID:** [507246](#). **ORCID ID:** [0000-0002-0754-6829](#).

Статья поступила в редакцию: 29.09.2025
Принята к публикации: 20.11.2025

BAK: 5.4.1

Ethnography of Spontaneous Ecological Mobilization: The Black Sea Oil Spill of 2024

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.4

Maria S. Tysiachniouk Independent Researcher, St. Petersburg, Russia
E-mail: mtysiachn@gmail.com

This article examines the experience of volunteers who responded to the oil spill in the Kerch Strait on December 15, 2024. In the absence of clear protocols and institutional support, mobilization unfolded through individual motivations, improvised decisions, and shared practices of care. Drawing on participant observation and 90 interviews, the study analyzes how people integrated into the unfolding disaster. Motivations for participation extended beyond duty or moral to include a search for new experiences, responses to personal crises, and a desire to restore disrupted connections with the sea and birds. Coastal clean-up and bird rescue units formed hybrid networks of the material and the social. These units functioned simultaneously as operational hubs and symbolic community centers.

Practices of interaction with birds were particularly significant, through which volunteers developed new skills and a sense of responsibility. Such experiences found expression in visual imagery which transformed everyday spaces into sites of symbolic communication and collective support. Taken together, these practices illuminate an experience of solidarity forged under conditions of vulnerability and uncertainty. The ecological disaster appears not only as a scene of destruction but also as a moment of emergence for new regimes of community and civic engagement. The Russian case thus complements existing disaster studies, showing that even outside institutional frameworks, infrastructures of care can arise that interweave material, social, and emotional dimensions.

Keywords: environmental disaster; oil spill; Black Sea shoreline clean-up; bird rescue; care; civic engagement; volunteer

Author Bio:

Maria S. Tysiachniouk — Independent Researcher, PhD from Wageningen University, the Netherlands. **Email:** mtysiachn@gmail.com. **RSCI Author ID:** 507246. **ORCID ID:** 0000-0002-0754-6829.

Received: 29.09.2025

Accepted: 20.11.2025

Социология профессий

DOI: 10.19181/inter.2025.17.4.5

EDN: DIVAHB

Professional Identity Formation in “Green Professions” in Russia

Ссылка для цитирования:

Ermolaeva Yu.V. Professional Identity Formation in “Green Professions” in Russia // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2025. Т. 17. № 4. С. 102–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.5>
EDN: DIVAHB

For citation:

Ermolaeva Yu.V. (2025) Professional Identity Formation in “Green Professions” in Russia. *Interaction. Interview. Interpretation.* Vol. 17. No. 4. P. 102–118. <https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.5>

Ermolaeva V. Yulia

Institute of Sociology of FCTAS RAS,
Moscow, Russia

E-mail: mistelfrayard@mail.ru

This study examines how Russian professionals form “green professions” — occupational activities addressing environmental challenges and advance sustainable development. The secondary qualitative analysis of 60 narrative interviews using Hyman and Alkhasov’s recontextualization methodology identifies professional self-identification as the core mechanism through which individuals align biospheric values and environmental behavioral transformation with occupational roles. Career transitions typically stem from ethical dissonance in previous roles, prompting radical shifts toward values-congruent work, while protean careerism enables adaptive mobility across sectors despite prestige hierarchies that privilege symbolic roles over manual eco-jobs. Unlike Western contexts with formal certification systems, Russian green professionals rely on grassroots boundary work and informal validation to establish legitimacy. The findings reveal fragmented institutionalization, with professionals filling systemic gaps through innovation while facing gendered and geographic inequities. This research contributes to professional sociology by demonstrating how ecological identity formation bridges global theoretical frameworks with Russia’s unique transitional context, challenging Western-centric models that overlook precarity beneath clear autonomy. Future efforts must prioritize intersectional policies that democratize

ecological work by connecting individual agency with institutional reforms, particularly through standardized certifications, public awareness campaigns to elevate manual eco-jobs, and longitudinal studies tracking value evolution amid geopolitical shifts in post-Soviet economies.

Keywords: sociology of professions; autobiography; narrative; ecosociology; green professions; green jobs; innovation; subject transformation; environmental behavior

Introduction

Environmental and sustainable professions (commonly termed “green jobs”) constitute a transformative category within contemporary labor markets, operationalized as occupational roles that directly contribute to preserving or restoring environmental quality while advancing social equity and economic resilience principles. These jobs support transitions in a few dimensions. Environmental and sustainable professions must be operationally defined to encompass occupational roles that demonstrably integrate three interdependent dimensions: first, environmental stewardship (ecosystem conservation, decarbonization, waste reduction, and climate adaptation technologies); second, social equity (fair wages, safe working conditions, inclusive access to opportunities, and community well-being); and third, economic resilience (circular economy transitions, sustainable production/consumption models, and climate-resilient financial systems)¹ [Urban et al., 2023].

Roles addressing only environmental aspects without concurrent contributions to social and economic sustainability dimensions fall outside this definition, ensuring boundaries exclude compliance-focused or narrowly technical positions that fail to advance systemic transformation across all three pillars of sustainability. In contrast, modern green professionals operate at the intersection of multiple innovative systems: ESG consultants synthesize corporate governance, climate science, and social equity metrics; circular economy designers merge industrial engineering with behavioral economics; and climate communicators translate scientific data into public policy narratives.

The sociological innovation of current green professions lies in their reconfiguration of professional identity as a dynamic, value-driven process rather than a static credential-based status. Unlike traditional professions (medicine or law), where identity is anchored in standardized education and institutional authority, green professionals in transitional economies, such as Russia, construct identity through protean careerism, characterized by non-linear mobility across sectors, hybrid skill acquisition, and self-directed learning. This represents a fundamental shift from institutionalized professionalism to reflexive ecological identity formation, where the very definition of “green work” is co-created by practitioners

¹ How Renewable Energy Transition is Creating a Green Jobs Boom. *World Economic Forum*. 2023. URL: <https://www.weforum.org/stories/2023/01/renewable-energy-transition-green-jobs/> (accessed: 20.09.2025).

navigating geopolitical and institutional precarity, a phenomenon absent in earlier environmental specializations.

The planetary urgency propelling these professions transcends mere labor market evolution, representing institutional responses to *polycrisis* (climate destabilization, biodiversity collapse, resource depletion, and social problems) through societal functions such as regulatory implementation, social policy, educational transformation, and SDG operationalization [Jansen, 2019]. The environmental issues refer to a functionalism approach to inform analysis of professional green jobs and professions' roles by focusing on institutional stability and societal integration into policy. These professions function as institutional mediators between policy aspirations as future global and international targets and localized implementation, while reconstituting labor markets around ESSEs [Voykina, Potravniy, 2018]. Their growth correlates significantly with enhanced social mobility vectors, particularly in economically vulnerable regions adjacent to sustainability infrastructure projects [Lee, van Der Heijden, 2019].

Russia's engagement with green professionalization reveals that asynchronous institutionalization characterized by structural constraints around resource-curse path dependency in carbon-intensive sectors creates disincentives for green workforce investment, fragmented sustainability, and job policy without interagency coordination mechanisms for promoting social program development and green professions. As a result, educational-industrial decoupling produces graduates lacking industry-relevant competencies due to obsolete curricula and minimal corporate engagement [Cardoso et al., 2019; Sulich, Sołoducha-Pelc, 2022].

This study advances the sociology of professions by demonstrating how ecological identity formation functions as a mechanism for professional boundary work in transitional economies, where Russian green professionals construct legitimacy through informal validation and grassroots innovation rather than formal credentials, challenging Western-centric models that overlook precarity beneath apparent autonomy. It simultaneously contributes to environmental sociology by revealing how environmental values become embedded in professional practice through reflexive identity work, providing empirical evidence for the socio-structural dynamics of sustainability transitions beyond mere environmental attitudes or policy frameworks [Abramov, 2003]. This study investigates the micro-sociology of ecological self-actualization and examines how workers integrate environmental values into their professional habitus through *competence* (i.e., environmental skill mastery), *autonomy* (i.e., transition agency), and *relatedness* (i.e., movement solidarity). The institutionalization of green professions constitutes a societal coordination project with concrete applications in educational repatterning, social elevator engineering, and self-determination, infrastructure and policy integration models. The sociology of green professions represents a diagnostic lens for examining how post-industrial societies reconstitute labor around environmental and sustainability discourse imperatives.

The next section explains the theoretical frameworks applicable to the sociology of professions and green jobs. The methodology section will describe the research methods employed, sample characteristics, and limitations of the study. The results

and discussion section presents the findings regarding the transformation of professional identity among respondents in green occupations, with particular attention paid to evolving values and the emergence of ecological identity. Finally, the conclusion summarizes the key findings and suggests potential avenues for further research within the Russian context and beyond.

Theoretical frameworks in the sociology of professionals

The *structural-functional* approach views professions as institutions that maintain social order through specialized knowledge, ethical codes, and regulatory autonomy [Archibong, 2014]. Applied to green professions, this perspective emphasizes normative internalization — where professionals adopt ecological norms through socialization, such as circular economy principles, climate ethics, and SDG goals [Jansen, 2019]. These norms form competence “regimes” that guide professional conduct. The status of green professions stems from state recognition, educational credentials, and institutional roles, with functional value tied to mitigating systemic environmental risks [Gaile et al., 2022]. However, this approach overemphasizes top-down control and overlooks grassroots reinterpretations of ecological mandates. For example, the standardized certifications of the EU Green Deal have enhanced jurisdiction and prestige in building decarbonization, yet mobility among green professionals remains uneven². While some sectors transition (corporate to NGO) to align with ecological values, precarity in gig-based green jobs is often ignored. Identity regulation theory by Alvesson and Willmott explains organizational control over mobility but neglects instability in informal eco-work [Alvesson, Willmott, 2002]. Similarly, the labor market segmentation theory fails to account for how global policy shifts disrupt eco-sector employment. Longitudinal studies on mobility among geopolitical disruptions are critically lacking [Fernandez-Urbano, 2025]. The social constructionist framework, inspired by Abbott [Abbott, 1988], examines how professions compete for jurisdiction over environmental problems to better understand the role of social actors. Boundary work is central: green professionals assert their expertise by framing ecological crises as requiring their intervention. Discursive strategies position “green skills” as solutions, legitimizing new occupational niches [Pham et al., 2024]. Power dynamics shape this process: dominant groups may co-opt environmental agendas, while marginalized actors challenge exclusion from professional legitimacy. Bourdieu’s cultural capital further mediates prestige, as certifications and elite education confer symbolic value, yet reproduce inequity. High-status roles, such as sustainability consultants, often require inaccessible credentials, privileging elite actors [Xiaowei, 2019]. While social constructionism reveals struggles over “green expertise,” it underestimates material constraints, such as funding cuts that limit environmental agency.

² The European Green Deal. Striving to Be the First Climate-Neutral Continent. European Commission. 2024. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (accessed: 20.09.2025).

In contrast, the *Anglo-Saxon model*, shaped by neoliberal thought, emphasizes individual agency and market-driven careers. Subjective success arises from the alignment between personal environmental ethics and professional work, independent of hierarchy [Svensson, Evetts, 2010]. “Self-direction” and “influence in sustainability decisions” are key fulfillment predictors. Market demand and state incentives drive the proliferation of green jobs, although policy volatility can create precarity. The emergence of an EPI reflects a pivotal sociological shift that transcends traditional occupational boundaries and integrates ecological values into professional self-concept. Understanding how professionals internalize ecological imperatives amid structural constraints is vital for sustainability transitions as planetary crises intensify. However, the Anglo-Saxon model underestimates how precarity undermines value congruence, as seen among underpaid recyclers lacking autonomy [Brante, 1988]. Notably, workers in the Middle East and North Africa region who transitioned to renewable industries reported higher career satisfaction despite income loss, highlighting values-congruence as a core dimension of subjective success³.

The subjective dimensions of EPI are further illuminated by psychological theories. Stern's VBN theory and the NAM posit that pro-environmental behavior stems from a cognitive chain linking personal values, perceived responsibility, beliefs about consequences, and normative commitment [Stern, 2000]. Motivation in green professions is often rooted in biospheric values as a concern for ecosystems and future generations [Caniëls et al., 2021; Gifari, Sanusi, 2025]. Empirical studies show that environmental scientists and sustainability officers prioritize such intrinsic motives over salary or status. Super's life-span theory reinforces this notion, framing career choice as an expression of vocational self-concept [Super, 1980], while Schwartz's value theory identifies self-direction and universalism as key drivers of green professionalism [Schwartz, 2006]. Although useful, Freidson's model of professional dominance underestimates resistance, such as indigenous stewards asserting traditional ecological knowledge against state-led conservation [Quick, 2017].

Self-actualization in green careers aligns with the protean career model of Hall and Moss, emphasizing autonomy and values-driven transitions [Hall, Moss, 1998]. Institutional barriers, rigid labor markets, and limited green job creation can hinder this process. Despite growing cultural prestige, elite bias in high-status roles reproduces inequity, contradicting the ethical foundations of sustainability. Mobility-identity trade-offs are evident in fossil-fuel regions, where professionals suppress EPI to retain employment, causing identity dissonance. No single theoretical lens is sufficient. This requires the development of a multidimensional approach that combines all three perspectives. Subjective self-actualization (Anglo-Saxon) depends on structural-functional institutional recognition and discursive legitimization (social constructionist). Russian green professionals exemplify this synthesis of bricklaying state policies, market roles, and personal values

³ How Renewable Energy Transition is Creating a Green Jobs Boom. *World Economic Forum*. 2023. URL: <https://www.weforum.org/stories/2023/01/renewable-energy-transition-green-jobs/> (accessed: 20.09.2025).

[De Vos et al., 2009]. This integration enables a holistic analysis of how personal values, structural opportunities, and cultural narratives interact to shape green careers [Abdelwahab et al., 2024]. Ultimately, subjective dimensions mediate broader forces, while resource economies' path dependencies demand localized, context-sensitive research.

Research methodology

This study is based on a secondary qualitative analysis of narrative data from 60 in-depth interviews with professionals in Russia's emerging green sectors, conducted between 2021 and 2024. The participants included experts from the fields of manufacturing, eco-product entrepreneurship, media, IT, marketing, consulting, circular economy, design, and ESG — individuals who have implemented environmental practices in their work or businesses. The sample consisted of 70% women and 30% men, all of whom held university degrees.

This research applies a complementary methodological framework developed by Hyman [Hyman, 1972] and Alkhasov [Alkhasov, 1989] who focused on recontextualizing secondary data to uncover latent meanings in professional narratives. Additionally, the study uses iterative thematic analysis guided by Meiring's depth-oriented approach to explore participants' experiences of professional self-realization, personal values, career barriers, and social mobility. This method prioritizes paraphrasing, contextual explication, and structural refinement over automated processing. It ensures fidelity to the richness of lived experiences while addressing the challenges of reusing secondary data.

Originally collected to study grassroots environmental engagement, the interviews were reinterpreted through a new lens: the formation of professional identity during the green transition. This required detaching narratives from their original context and reconstructing them around emerging themes, such as perceived prestige in green jobs or systemic obstacles to career advancement. Cross-case patterns were identified through repeated close reading while preserving the unique depth of individual stories.

During data analysis, Meiring's three-phase protocol [Fairclough, 2003] was followed, adapted as follows. First, concise summarization: interview transcripts were condensed through paraphrasing, preserving core meanings and key semantic categories related to professional values. Second, explicative analysis: dominant themes were examined in context, exploring how participants balanced personal environmental values against organizational limits or societal expectations. Third, structural filtering: thematic matrices organized narratives into hierarchical frameworks, clarifying the relationships between concepts such as autonomy, recognition, and career progression. Manual coding was used instead of computational tools to ensure precise control over thematic boundaries, especially when interpreting subtle expressions such as irony or metaphor in descriptions of career challenges.

To enhance validity and reduce bias in secondary analysis, three strategies were applied: first, triangulation of findings with trends from existing research literature; second, member checking, where preliminary interpretations were shared with a subset of participants; and third, audit trail documentation, which recorded all coding decisions and excluded incomplete narratives (those lacking career-path details).

Results

Motivational value drivers and entry strategies in green professions

Biographical narrative analysis of green professionals in Russia reveals a complex interplay between deeply held values and adaptive career strategies. At the heart of their professional transitions lies a powerful alignment between biospheric values and a sense of ethical purpose. This alignment resonates with Stern's VBN theory, which posits that personal values initiate a cognitive chain: awareness of environmental consequences leads to a sense of responsibility, which activates normative commitment to action [Stern, 2000]. In the context of green work, this chain becomes a structuring force that shapes not only career choices but also professional identity and social impact perceptions.

Three dominant value clusters intersect with Schwartz's theory of basic human values across the narratives. First, biospheric values are central to those who frame their work as planetary stewardship. These individuals often describe pivotal moments that triggered ethical dissonance with their previous careers, such as exposure to ecological degradation or attending a talk by Bea Johnson on zero-waste living. As one former marketer recalled:

"Bea Johnson's talk at the UN changed everything. I couldn't ignore the environmental impact of my job anymore" (ESG manager, 2024);

"About two years ago, I became sick with ecology when I read the National Geographic magazine 'Arctic, Winter is Canceled' and could no longer walk past climate change and environmental pollution" (climate activist and Arctic specialist, 2022).

This illustrates biospheric values as the primary driver of professional transition, which is central to Stern's VBN theory. This moment exemplifies the VBN mechanism: a shift in beliefs leads to new life goals and, ultimately, a normative decision to act. Such narratives often culminate in radical career shifts, underscoring the ecological consciousness's transformative power.

Second, altruistic values — defined as concern for others and social-ecological justice — drive engagement in community-based initiatives, education, and advocacy. These professionals often transition into roles that blend environmental and social goals, such as developing social policies for local governments and creating NGO initiatives. A blogger and policy advocate stated the following:

"My goal is to make sustainability a 'boringly normal' part of daily life" (chief, 2024).

This quote captures a crucial insight: the desire to embed ecological values as a normalized, accessible practice into everyday routines. This reflects a strategic form of altruism that seeks systemic cultural change through incremental, relatable actions. Rather than positioning sustainability as exceptional, these professionals aimed to democratize ecological knowledge, making it part of ordinary life and expanding its reach beyond elite or activist circles.

Third, self-direction values that emphasize autonomy, innovation, and personal agency motivate those who pursue entrepreneurial or hybrid roles. A bioecologist who founded a waste management startup explained the following:

"I wanted to solve technical problems like optimizing waste systems, but on my own terms" (waste management director, 2023).

This reflects Hall and Moss's protean career model, where success is defined internally through alignment with personal values, rather than external markers such as status or salary [Hall, Moss, 1998]. In this context, green professionalism becomes a space of creative agency, where individuals reframe existing skills, such as marketing, engineering, and journalism, toward ecological ends.

These value systems are enacted through key green jobs and mobility strategies: first, boundary work; second, informal learning and skill hybridization; and third, protean and boundaryless careers, as described below.

Boundary work, which is central to Abbott's theory of jurisdictional contestation, enables professionals to claim expertise without formal credentials [Abbott, 1988]. Many began as volunteers, organizing cleanups or contributing to NGOs, which served as proving grounds for practical knowledge. Some respondents demonstrated boundary work and informal learning strategies for establishing expertise without formal credentials, which is key to the social constructionist approach, in the article. As one eco-trainer noted:

"I started volunteering at an eco-center while working in publishing. Eventually, my hands-on experience allowed me to pivot full-time" (eco-trainer, 2024);

"After a year of deep study of the problem, I realized that I wanted to do this professionally. My soul ached for every cigarette thrown away in front of me, for every bag taken by someone at the cash register. First, I studied at the Green Driver school to become an eco-trainer. After graduating with honors, my passion only grew. I wanted to learn more and know more. At one point, I realized that I had enough knowledge to share with others. I started an Instagram and TikTok blog while simultaneously studying on various courses on sustainable development and reading professional literature" (eco-blogger and consultant, 2022).

By engaging in grassroots projects, they carved out professional jurisdictions that later gained legitimacy in corporate or academic settings.

Informal learning and skill hybridization enable professionals to bypass traditional educational gatekeeping. Respondents frequently acquired knowledge through online courses (e.g., Coursera, Ecowiki), mentorship in eco-communities, and cross-sectoral skill transfer. A former journalist turned climate communicator said:

"I had no ecology degree, but my media background allowed me to translate scientific research into accessible content...Certifications came later" (biologist, 2023).

This reflects a broader trend of the deinstitutionalization of expertise, where practical competence and narrative authority often outweigh formal qualifications.

Protean and boundaryless careers characterize mobility patterns. For example, a former railway engineer who became an ESG consultant described her path as follows:

"I spent 10 years in RZhD⁴, then launched a sustainability consultancy. My engineering skills remained relevant, but I rebranded them around green goals" (environmental engineer, 2022).

Similarly, many leveraged their international experiences to build transnational credibility — a strategy consistent with the Anglo-Saxon model's emphasis on self-directed career capital [Svensson, Evetts, 2010]. However, this mobility is often precarious. As one ESG specialist noted:

"Freelance eco-consulting pays the bills, but does it provide job security?... Nonexistent" (ESG specialist, 2023).

This tension reveals a critical insight: while the Anglo-Saxon model celebrates autonomy, it often masks structural vulnerabilities, particularly for those without institutional support. Although international experience may enhance prestige, it does not guarantee stability, especially in Russia's underfunded green economy. These quotes from the interview with one respondent exemplify protean careerism and adaptive mobility across sectors despite precarity, on Russian green professionals:

"I love my job because I constantly learn something new and sometimes do things that seem impossible at first glance";

"Life throws something unexpected every time I think I've already decided what I'll be doing this time" (startup consultant for international eco-markets, 2021).

⁴ RZhD means Russian Railways.

Moreover, structural and social barriers persist. Rural women and professionals reported greater difficulty accessing elite eco-networks, reinforcing gendered and geographic inequities. The prestige associated with green roles, often mediated by Bourdieu's cultural, social and symbolic capitals, frequently reproduces existing hierarchies, privileging those with access to education and cosmopolitan networks [Xiaowei, 2019].

Altruistic values, in turn, motivate roles that focus on education and community empowerment. The desire to normalize ecological practices, making them accessible rather than exceptional. Such professionals act as cultural translators, often outside formal institutions, using media or education skills to democratize environmental knowledge.

Self-direction values drive entrepreneurial and hybrid roles, reflecting Hall and Moss's protean career model, which emphasizes autonomy over hierarchical advancement [Hall, Moss, 1998]. These professionals reframe existing expertise — marketing, engineering, journalism — to ecological ends, often bypassing formal training through self-directed learning on platforms such as Coursera or Ecowiki. This process involves boundary work — a concept from Abbott's theory of jurisdictional contestation where professionals assert expertise without formal credentials [Abbott, 1988]. Many volunteer, using grassroots projects to build legitimacy. In Russia, where green certifications are rare, such informal validation is essential. Ethical dissonance triggers radical career shifts toward values-congruent work, reflecting Stern's Value-Belief-Norm framework:

"After many years of working in marketing, even though I enjoyed the work itself, I began to feel a lack of meaning, spending half my life making people buy more yogurts, chocolates, etc. I couldn't. Furthermore, I began to search for these meanings" (entrepreneur and founder of Want Her Dress, 2024).

Yet, structural inequalities shape professional growth. Bourdieu's theory of capitals explains why roles such as sustainability consultants gain prestige through education, networks, and symbolic recognition, while manual eco-jobs (as the waste pickers) remain stigmatized despite their critical role in circular systems [Xiaowei, 2019; Ermolaeva, 2020].

Despite these barriers, green careers offer pathways for social mobility. Volunteering, skill hybridization, and community advocacy serve as entry points, aligning with protean careerism but often leading to precarity. Institutional support remains weak. As one respondent explains:

"We're building frameworks from abrasion... no state-backed programs exist" (certification developer, 2024).

As noted, this sharply contrasts with regulated systems, for example, in Germany or Finland [De Vos et al., 2009]. The analysis of sociodemographic characteristics reveals consistent patterns across the GPC cohort. A significant majority of respondents are women, reflecting broader trends in environmental activism,

where women often dominate community-based initiatives and educational roles. All participants hold university degrees, yet their professional backgrounds span diverse. This demonstrates that green professions in Russia are not confined to traditional environmental science graduates but emerge from interdisciplinary pathways in which individuals apply their existing expertise to ecological challenges. Notably, the geographic distribution shows that urban professionals predominantly engage in policy-oriented roles, whereas rural respondents focus on localized solutions, such as permaculture and waste management systems, adapted to regional constraints.

The environmental context critically shapes professional trajectories through the formation of place-based identity. Regional pollution patterns directly influence career priorities, with coastal cities fostering marine-focused activism, industrial regions driving localized environmental justice movements, and Arctic regions shaping specialized climate adaptation expertise. This aligns with the findings of Dunlap and co-authors [Dunlap et al., 2000] on how ecological identity is inherently place-dependent. The data indicate a strong correlation between personal exposure to environmental degradation and professional commitment, with many respondents reporting pivotal experiences with local ecological crises as catalysts for their career shifts. These patterns highlight how environmental challenges are not abstract global issues but deeply localized experiences that shape professional identity and action in transitional economies such as Russia.

The professional trajectories of Russian green professionals, as revealed through biographical narratives, allow us to build empirical observations and construct a holistic framework for the research of green professions' values and motivations (Figure 1). Professional self-identification and environmental identity are the processes by which individuals align ecological values with occupational roles and serve as the cornerstone of green career transitions in Russia. Consistent with Stern's Value-Belief-Norm framework [Stern, 2000], biospheric values emerge as the primary driver, triggering radical career shifts when ethical dissonance arises in non-ecological roles. This self-identification unfolds through reflexive identity work, where professionals navigate "splinting" (adopting established green roles like "eco-trainer") and "patching" (integrating ideals such as "circular economy pioneer" into evolving identities), as explained by Giddens' structuration theory.

The integration of environmental values into one's self-concept serves as a foundation for green professionals' career choice, job satisfaction, and impact. In Russia, professional identity is shaped by three core value clusters: biospheric concern (care for ecosystems and future generations), altruism (community well-being), and self-direction (autonomy and innovation) [Stern, 2000; De Vos et al., 2009]. These values do not merely guide personal behavior; they become drivers of professional self-actualization, shaping how individuals navigate careers during institutional gaps and societal skepticism, and creating deep-rooted environmental ethics that influence decisions. Biospheric values often trigger profound career shifts. This reflects Stern's Value-Belief-Norm (VBN) model, where ecological harm awareness leads to personal responsibility and normative commitment to action [Stern, 2000]. This moral clarity becomes the foundation of professional identity

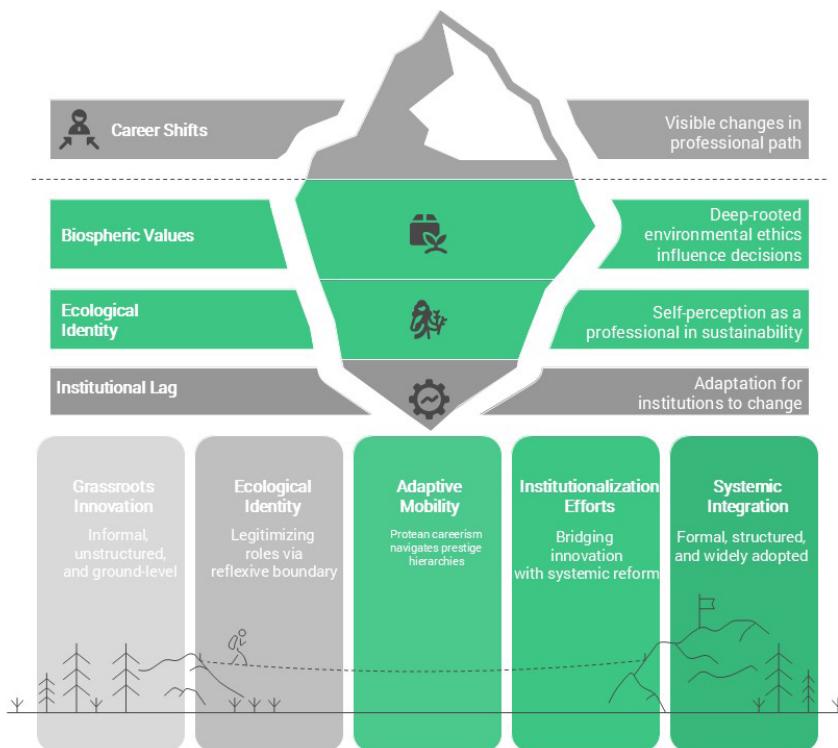

Figure 1. Empirical model of green profession transformations: core mechanisms and stages. Source: Ermolaeva V. Yulia

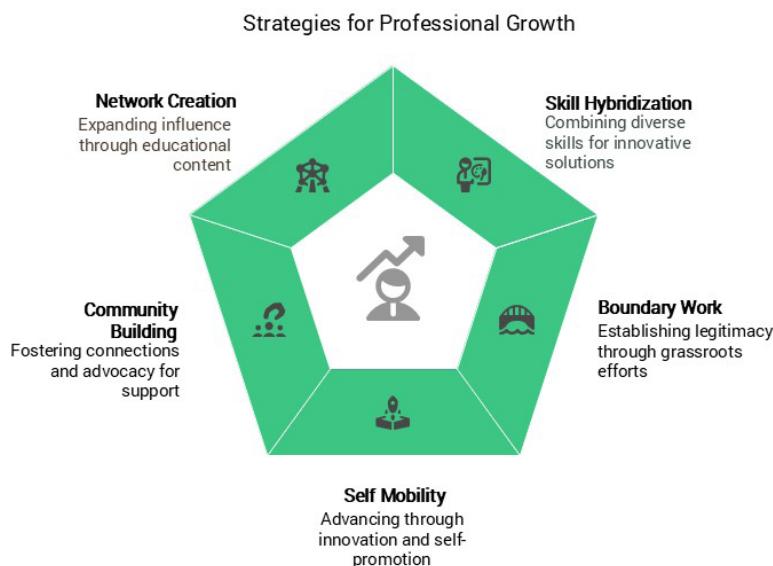

Figure 2. Empirical model of green profession transformations: strategies for professional growth. Source: Ermolaeva V. Yulia

for many people doing green jobs. Strategies for promoting the new career path include network creation, community building, skill hybridization and self-education, boundary work strategies (grassroots efforts), and self-mobility (self-employment, business innovations) (Figure 2).

Our findings reveal that the core drivers of green professions — biospheric values (concern for ecosystems and future generations), altruistic values (social-ecological justice), and self-direction values (autonomy and innovation) — align with universal psychological frameworks that operate across cultural contexts, such as Stern's Value-Belief-Norm theory. These fundamental motivations for environmental engagement manifest globally, as evidenced by comparable career transitions driven by ethical dissonance in Western contexts and the widespread adoption of protean career models that emphasize values-driven professional identity. However, the Russian case reveals how these universal values interact with unique institutional structures. While Western systems often rely on formal certification to legitimize green roles, Russian professionals navigate fragmented institutionalization through grassroots boundary work and informal validation, illustrating how global environmental imperatives are locally enacted [Caniëls et al., 2021]. This local perspective positions Russian green professionals as active participants in a transnational sustainability discourse, where the universal aspiration to "make sustainability a boringly normal part of daily life" (as one respondent described) coexists with context-specific strategies for institutionalizing ecological values amid systemic constraints. Thus, the study contributes to a more nuanced understanding of environmental sociology by showing how global environmental values are simultaneously translated, adapted, and reconfigured across different sociopolitical contexts.

The institutionalization of green professions in Russia requires bridging grassroots innovation with systemic reform through standardized certifications and public awareness campaigns that democratize ecological work. Ultimately, effective professional development in this field requires intersectional policies that align individual agency with institutional support, ensuring that the formation of ecological identity translates into sustainable career pathways rather than precarious transitions. Legitimacy is often asserted through grassroots validation rather than formal credentials, with self-direction values fueling non-linear, boundaryless career trajectories across sectors. However, adaptive mobility remains constrained by prestige hierarchies and institutional gaps that stigmatize manual eco-jobs while elevating symbolic roles such as sustainability consultants.

Conclusion

This study reveals how ecological identity formation mediated through biospheric values, altruism, and self-direction enables professionals in Russia to navigate institutional barriers during green career transitions. Unlike in Western contexts, where formal credentials legitimize green roles, Russian professionals rely on boundary work and grassroots to transform ethical dissonance into actionable expertise.

Our key contribution lies in demonstrating how reflexive identity work bridges global theoretical frameworks (e.g., VBN theory and protean careers) with the unique constraints of transitional economies, where institutional support is minimal and innovation persists. This challenges the dominant Anglo-Saxon models that overlook precarity despite clear autonomy. For meaningful sustainability transitions, policies must democratize ecological work by addressing gender, geography, and class intersectional barriers that reproduce inequities even within "green" sectors. Future research should employ longitudinal mixed-methods to track how ecological values translate into career stability during geopolitical shifts, particularly in post-Soviet contexts where environmental agendas compete with economic priorities.

These findings confirm that the core drivers of green innovation — value-driven identity formation, adaptive boundary work, and knowledge-sharing across formal-informal divides — are universal, even though their manifestations vary contextually. For meaningful sustainability transitions, policies must recognize that the Russian case exemplifies a "glocal" innovation model: locally adapted yet globally connected solutions that collectively advance planetary-scale environmental stewardship. Future research should prioritize comparative analysis of green innovation across diverse sociopolitical contexts to map how localized adaptations enrich international best practices in sustainability transitions.

References

- Abramov R. N. (2003) Sotsiologiya professii [Sociology of Professions]. Ekonomicheskaya sotsiologiya [Economic Sociology]. Vol. 4. No. 3. P. 159–167. (In Russ.)
- Alkhasov M. M. (1988) Nekotorye problemy vtorichnogo analiza dannykh massovykh oprossov [Some Problems of Secondary Analysis of Mass Survey Data]. In: *Sravnitelnyy analiz i kachestvo empiricheskikh sotsiologicheskikh dannykh* [Comparative Analysis and Quality of Empirical Sociological Data]. Moscow: ISI AN SSSR. (In Russ.)
- Voykina E. A., Potravny I. M. (2018) Green Employment and Labor Market in the Formation of an Environmentally Friendly Economy. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya: Ekonomika* [St. Petersburg University Journal of Economic Studies. Series: Economics]. Vol. 34. No. 2. P. 217–240. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu05.2018.202217>
- Abbott A. (1988) *The System of Professions: An Essay on the Division of Expert Labor*. Chicago; London: University of Chicago Press.
- Abdelwahab M. M. (2024) Implications of Labour Market Disruptions on Subjective Wellbeing During the COVID-19 Pandemic in MENA Countries. *Heliyon*. Vol. 10. No. 4. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2024.e25665>
- Alvesson M., Willmott H. (2002) Identity Regulation as Organizational Control: Producing the Appropriate Individual. *Journal of Management Studies*. Vol. 39. No. 5. P. 619–644. DOI: <https://doi.org/10.1111/1467-6486.00305>
- Archibong E. (2014) Structural-Functionalism: Its Relevance to Medical Profession. *International Journal of Educational Research*. Vol. 2. No. 5. P. 335–348.
- Brante T. (1988) Sociological Approaches to the Professions. *Acta Sociologica*. Vol. 31. No. 2. P. 119–142. DOI: <https://doi.org/10.1177/000169938803100202>
- Caniëls M. C. J. (2021) 50 Shades of Green: Insights into Personal Values and Worldviews as Drivers of Green Purchasing Intention, Behaviour, and Experience. *Sustainability*. Vol. 13. No. 8. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13084140>

Caniels M.C.J., Lambrechts W., Platje J., Motylska-Kuźma A., Fortuński B. (2021) 50 Shades of Green: Insights into Personal Values and Worldviews as Drivers of Green Purchasing Intention, Behaviour, and Experience. *Sustainability*. Vol. 13. No. 8. P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13084140>

Cardoso L. (2019) Benefits and Risks of Green Jobs in the Construction Industry. *Emerald Open Research*. Vol. 1. No. 5. P. 1–4. DOI: <https://doi.org/10.35241/emeraldopenres.2019.v1.5>

Čavar I. (2021) "The Good, the Bad, and the Ugly" of Professions: Overview of the Theoretical Developments in the Sociology of Professions. *Interdisciplinary Description of Complex Systems*. Vol. 19. No. 3. P. 80–93. DOI: <https://doi.org/10.7906/indecs.19.1.7>

Dunlap R.E., Van Liere K.D., Mertig A.G., Jones R.E. (2000) New Trends in Measuring Environmental Attitudes: Measuring Endorsement of the New Ecological Paradigm: A Revised NEP Scale. *Journal of Social Issues*. Vol. 56. No. 3. P. 425–442. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00176>

De Vos A. (2009) Proactive Career Behaviours and Career Success During the Early Career. *Journal of Occupational and Organizational Psychology*. Vol. 82. No. 4. P. 761–777. DOI: <https://doi.org/10.1348/096317909X471013>

Ermolaeva Yu. (2020) Wastepickers Social History: From Outsiders to "Green Profession". *Laboratorium: Russian Review of Social Research*. Vol. 12. No. 2. P. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.31857/S086904990010751-8>

Fairclough N. (2003) *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research*. London; New York: Routledge. DOI: <https://doi.org/10.4324/9780203697078>

Fernandez-Urbano R. (2025) How Perceptions of Labor Market Opportunities Predict Happiness: Evidence from Natural Field Experiments. *Frontiers in Sociology*. Vol. 10. P. 1–17. DOI: <https://doi.org/10.3389/fsoc.2025.1527125>

Gaile A. (2022) Examining Subjective Career Success of Knowledge Workers. *Review of Managerial Science*. Vol. 16. No. 7. P. 2135–2160. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11846-022-00523-x>

Gifari D., Sanusi F. (2025) Employee Green Values: A Review of Theory and Application to Company. *Journal of Applied Business, Taxation and Economics Research*. Vol. 4. No. 4. P. 597–605. DOI: <https://doi.org/10.54408/jabter.v4i4.352>

Hall D.T., Moss J.E. (1998) The New Protean Career Contract: Helping Organizations and Employees Adapt. *Organizational Dynamics*. Vol. 26. No. 3. P. 22–37. DOI: [https://doi.org/10.1016/S0090-2616\(98\)90012-2](https://doi.org/10.1016/S0090-2616(98)90012-2)

Hyman H.H. (1972) *Secondary Analysis of Sample Surveys: Principles, Procedures and Potentialities*. New Jersey: Wiley.

Jansen M. (2019) *The Greening of Jobs: Empirical Studies on the Relationship between Environmental Sustainability and the Labor Market*. Bonn: Friedrich-Ebert-Stiftung. DOI: <https://doi.org/10.20378/irbo-54822>

Lee T., van der Heijden J. (2019) Does the Knowledge Economy Advance the Green Economy? An Evaluation of Green Jobs in the 100 Largest Metropolitan Regions in the United States. *Energy & Environment*. Vol. 30. No. 1. P. 301–323. DOI: <https://doi.org/10.1177/0958305X18787300>

Pham M. (2024) Career Exploration and Its Influence on the Relationship between Self-Efficacy and Career Choice: The Moderating Role of Social Support. *Helion*. Vol. 10. No. 11. P. 1–29. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.helion.2024.e31808>

Quick O. (2017) The Rise and Fall of Professional Dominance. In: *Regulating Patient Safety: The End of Professional Dominance?* Cambridge: Cambridge University Press. P. 9–28. DOI: <https://doi.org/10.1017/9780511844386.002>

Schwartz S. H. (2006) A Theory of Cultural Value Orientations: Explication and Applications. *Comparative Sociology*. Vol. 5. P. 137–182. DOI: <https://doi.org/10.1163/156913306778667357>

Stern P.C. (2000) New Environmental Theories: Toward a Coherent Theory of Environmentally Significant Behavior. *Journal of Social Issues*. Vol. 56. No. 3. P. 407–424. DOI: <https://doi.org/10.1111/0022-4537.00175>

Sulich A., Sołoduchko-Pelc L. (2022) The Circular Economy and the Green Jobs Creation. *Environmental Science and Pollution Research*. Vol. 29. No. 10. P. 14231–14247. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11356-021-16562-y>

Super D.E. (1980) A Life-Span, Life-Space Approach to Career Development. *Journal of Vocational Behavior*. Vol. 16. No. 3. P. 282–298. DOI: [https://doi.org/10.1016/0001-8791\(80\)90056-1](https://doi.org/10.1016/0001-8791(80)90056-1)

Svensson L., Evetts J. (2010) *Sociology of Professions: Continental and Anglo-Saxon Traditions*. Göteborg: Daidalos.

Urban P. (2023) Jobs for the Green Transition: Definitions, Classifications and Emerging Trends. *CEPS Special Report*. No. 162. P. 1–46. URL: https://circulareconomy.europa.eu/platform/sites/default/files/2023-09/CEPS-In-depth-analysis-2023-12_Jobs-for-the-green-transition-1.pdf (accessed: 02.06.2025)

Xiaowei H. (2019) Understanding Bourdieu — Cultural Capital and Habitus. *Review of European Studies*. Vol. 11. No. 3. P. 45–49. DOI: <https://doi.org/10.5539/res.v11n3p45>

Author Bio:

Ermolaeva V. Yulia — Researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia. E-mail: mistelfrayard@mail.ru. RSCI Author ID: [722143](#); ORCID ID: [0000-0002-7421-2044](#); Researcher ID: [P-7878-2017](#).

Received: 21.08.2025

Accepted: 20.10.2025

BAK: 5.4.1; 5.4.4

Формирование профессиональной идентичности в «зеленых профессиях» в России

DOI: [10.19181/inter.2025.17.4.5](https://doi.org/10.19181/inter.2025.17.4.5)

Ермолаева Юлия Вячеславовна Институт социологии ФНИСЦ РАН,

Москва, Россия

E-mail: mistelfrayard@mail.ru

Данное исследование посвящено анализу процесса становления «зеленых профессий» в России как нового социально-профессионального феномена. Под «зелеными профессиями» в работе понимаются профессиональные деятельности, непосредственно направленные на решение экологических проблем, сохранение природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности и продвижение принципов устойчивого развития. В статье выявляются особенности трансформации социально-экологического поведения и информирования экологической профессиональной идентичности через призму концепций социологии профессий (структурно функциональный подход, социальное конструирование, англосаксонский подход) и зеленых профессий. Мы рассматриваем этот процесс через призму взаимодействия субъектных индивидуальных ценностей и экологической идентичности, влияющих на формирование социальной политики продвижения зеленых профессий. Исследование основано на вторичном качественном

анализе данных 60 нарративных интервью с представителями «зеленых» профессий в России с применением техники реконтекстуализации Х. Хьюмена и М. Алхасова. Для обработки и интерпретации данных применяется содержательный (тематический) анализ, позволяющий выявить ключевые паттерны и смыслы в рассказах респондентов об их профессиональном пути согласно субъектным и объектным основам. Исследование выявило, что профессиональная самоидентификация является ключевым механизмом, через который российские специалисты в области экологии соотносят биосферные ценности с профессиональными ролями, преодолевая институциональные барьеры с помощью самосконструированной экологической профессиональной идентичности. Карьерные траектории определяются согласно ценностям и целям и позволяют адаптироваться к нелинейным переходам между секторами. Институционализация остается фрагментарной, опираясь на инновации снизу (например, волонтерскую легитимизацию, гибридные навыки в профессиях), чтобы компенсировать системные пробелы в формальных системах экологической профессиональной сертификации. Результаты подчеркивают необходимость внедрения интерсекциональных политик, демократизирующих экологическую работу за счет объединения активностей и институциональных реформ, обеспечивая справедливые возможности для развития зеленых рынков труда в России и за их пределами.

Ключевые слова: социология профессий; автобиография; нарратив; экологическая социология; зеленые профессии; зеленые рабочие места; инновация; субъект трансформации, экологически-ориентированное поведение

Сведения об авторе:

Ермолаева Юлия Вячеславовна — научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия. **E-mail:** mistelfrayard@mail.ru. **РИНЦ Author ID:** 722143; **ORCID ID:** 0000-0002-7421-2044; **Researcher ID:** P-7878-2017.

Статья поступила в редакцию: 21.08.2025
Принята к публикации: 20.10.2025

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
(ЭЛ № ФС 77-73688 от 14 сентября 2018 г.)

Учредители – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);
Российское общество социологов
(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5);

Главный редактор:
Виктория Владимировна Семенова

Редакция:
Александрина Владимировна Ваньке
Елена Юрьевна Рождественская
Анна Владимировна Стрельникова
Ирина Наумовна Тартаковская

Технический редактор:
Ольга Николаевна Салангина

Компьютерная верстка:
Виталий Евгеньевич Кудымов

Корректор:
Анна Николаевна Кокарева

Журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация» включен в базу РИНЦ, перечень ВАК,
индексируется в международной базе данных RSCI.

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.

Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.

Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей
изложены на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru

2025. Том 17. № 4. Дата выхода в свет 30.12.2025.

Адрес редакции: 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5, каб. 513
Тел.: +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com

Editorial office: Krzhizhanovskogo str., 24/35, korp. 5, 117218, Moscow, Russian Federation
Ph. +7 499 128-86-18; e-mail: inter.fnisc@gmail.com